

*А вот и
невеста*

ТЕРЕЗА РЭЙГЭН

ЛЮБОВНЫЕ РОМАНЫ • КНИГИ О ЛЮБВИ

Оригинальное название: *Here Comes the Bride by Theresa Ragan*

Тереза Рэйгэн — «А вот и невеста»

Автор перевода: *Настя Г.*

Редактор: *Алёна Д., Вероника О.*

Вычитка: *Настя З.*

Оформление: *Ирина Б.*

Обложка: *Ирина Б.*

Глава 1

Саманта Джонстон, репортёр "Ритм ЛА", стояла в переполненном коридоре с дюжиной других истекающих потом и разочарованных журналистов, в ожидании, пока служба безопасности проводит их в специальную смотровую комнату внутри церкви.

Пара уставших журналистов уселась на пол. Один мужчина, с телосложением как у полузащитника, устроился в уголке, скрестив на груди руки и закрыв глаза. Женщина чуть постарше, с короткими пучками чёрных волос, опёрлась о дверь, её стальные глаза бросали вызов любому, кто собирался встать у неё на пути.

Когда Саманта посмотрела на свои часы, кто-то толкнул её в бок, и она вздрогнула. Было уже без десяти двенадцать, церемония скоро начнётся. Саманта совершенно определённо не хотела зря проделать весь путь из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк, и не увидеть свадьбу века. Доминик ДеМарко. Самый горячий актёр страны женится, и журналистка намерена первой узнать личность его таинственной невесты. Пришло время доказать своему боссу, своей семье, и даже всему миру, что она чего-то да стоит. В конце концов, Саманта специализировалась по журналистике, получила степень по коммуникациям, и была более чем готова к работе. У неё была цель — стать одной из лучших журналисток-исследователей в Лос-Анджелесе. Все должны где-то начинать, но после выпуска, единственным местом, где ей удалось получить работу, был "Ритм Лос-Анджелеса". Сэм работала на издание уже пять лет, и это был её первый шанс самостоятельно написать историю. Никто и ничто не помешают ей на пути к цели.

Устав от ожидания, Саманта пробилась через толпу и направилась к лобби. И вот она уже стоит, прижавшись к стене и укрывшись в тени. Два охранника прошли совсем близко от неё и вошли в главный вход церкви.

После того, как захлопнулась центральная дверь, девушка прошла через лобби так быстро, как только позволяли её каблуки и юбка. Укрывшись за горшком с фикусом, она переждала пару секунд, чтобы убедиться, что всё чисто. Если охрана её остановит, то вышвырнет на улицу, к остальным тысячам людей, которые надеялись хоть одним глазом взглянуть на Доминика ДеМарко и "самую счастливую женщину во всём мире".

Сэм раздвинула хрустящие зелёные листья. Один длинный проход окружал всю церковь. И в точности как на территории, которую она только что покинула, в конце этого прохода тоже была дверь. Слава Богу. Девушка пробежала к ней и повернула ручку. Закрыто. Проклятие.

Её внимание привлекли голоса. В их мужественных звуках сквозило разочарование. Она на цыпочках вернулась к тому месту, откуда пришла, и зашла в открытую дверь, справа от

неё.

Комната была слабо освещена. Стену украшала изысканная картина с изображением бушующего моря, висевшая над столом из орехового дерева. Через стол и двойные двери Сэм увидела двух безупречно одетых мужчин в смокингах.

Она заглянула внутрь и произнесла.

— Простите, дверь в церковь ненароком заперли. У кого-нибудь из вас случайно не найдётся ключа от задней двери?

Оба мужчины повернулись к ней.

Их лица были сморщены от досады. Был ещё и третий мужчина, но его было невозможно разглядеть, так как он стоял в тёмном алькове, опираясь плечом о стену.

Она предположила, что мужчинам около тридцати. Один был стильным и красивым, другой бритоголовым, с парой татуировок и кольцом в брови. Они не обрадовались, увидев её.

— Как вы сюда попали?

— Дверь снаружи заперли. Если бы вы указали мне правильное направление...

— Мы не можем указать вам правильное направление, мисс, потому что не будет никакой...

— Бен, — вмешался лысый, — не спеши так. Джулия ещё может появиться. Время ещё есть.

— Она не придёт, — проинформировал их мужчина, стоявший в тени.

По спине Сэм пробежала дрожь. Очевидно, что она прервала очень серьёзную дискуссию. К счастью для неё, двое злых мужчин быстро обратили своё внимание на человека, наполовину скрытого в тени.

— Что ты имеешь в виду под "Джулия не придёт"? — спросил мужчина по имени Бен. — Что ты не сказал нам, Доминик?

Сердце Сэм заколотилось.

Доминик? Доминик ДеМарко? Этого не может быть. Это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Её подход "возьми всё в свои руки" на этот раз сработал. Она тихо шагнула в комнату и поднялась на цыпочки, пытаясь получше рассмотреть мужчину, стоявшего в тени, но оба мужчины сейчас возвышались над ним, блокируя ей обзор.

— Джулия решила, что не сможет пройти через всё это, — обратился Доминик к обоим мужчинам.

Сэм не сказала бы, что его голос был печальным или расстроенным. Джулия, должно быть, и была таинственной невестой, но кто она на самом деле? Актриса? Новая возлюбленная?

Сэм и её коллеги по всей стране неделями пытались догадаться о личности этой таинственной невесты, но имя Джулия никогда не всплывало.

— Почему Джулия передумала? — спросил Бен, в его голосе сквозило разочарование.

— Она не уточняла. И была расстроена. Кажется, плакала.

— С чего, чёрт подери, она плакала? Плакать должны мы.

— Хватит, Бен, — оборвал его другой мужчина. — Когда она приедет в церковь, мы с ней поговорим. Скорее всего, слегка струсил.

ДеМарко заговорил, двигаясь навстречу мужчинам.

— Читайте по моим губам. Она не приедет. Вообще-то, она уже на пути в Европу. Потому что хотела убедиться в том, что папарацци не смогут до неё добраться, если

личность будет раскрыта.

Крошечные волоски на шее Сэм встали дыбом. Не удивительно, что репортёров до сих пор не пустили в церковь. Нет никакой невесты. Потянувшись к своей сумочке, она включила записывающее устройство, спрятанное внутри.

Теперь, когда ДеМарко больше не скрывался в тени, она обратила внимание, насколько высоким он оказался в реальной жизни. У Доминика ДеМарко было невероятно красивое лицо, и его легендарные ямочки красовались на обложке каждого журнала во всех городах Америки. Миллионы женщин теряли сознание от его высокого роста, атлетического телосложения и насмешливых голубых глаз. По правде говоря, когда-то она тоже присоединилась к рядам фанаток и влюбилась в ДеМарко, но это было много лет назад. Кто не влюбился бы в симпатичного парня, играющего роль бедного сироты? Сэм купила с ним постер и каждый день, перед тем, как отправиться в школу, целовала его в сладкие бумажные губы.

Но это длилось лишь до тех пор, пока превратившись в красивого мужчину, он не стал таким, как все остальные знаменитости — самовлюблённым бабником.

Нет уж, увольте.

Джулия, кем бы она ни была, должна быть благодарна за то, что вовремя пришла в чувство. Что за жизнь будет у женщины, связавшейся с таким мужчиной, как ДеМарко?

Бен положил руку на плечо ДеМарко.

— Тогда — это конец. Я не знаю, что мы можем сделать.

Пока Бен шёл к бару через всю комнату, Сэм стояла прямо, молясь о том, чтобы они забыли, что она всё ещё здесь. Девушка не отрывала взгляда от идеального подбородка ДеМарко, с ямочкой как у Кирка Дугласа. Доминик опустил глаза, и его хмурый вид заставил её задуматься, какие чувства он испытывает к своей будущей, или уже скорее бывшей невесте.

Бен посмотрел на лысого.

— Том, тебе лучше выйти и объявить всем, что свадьбы не будет.

Том нахмурился.

— Мы не должны так легко сдаваться. Публика очарована ДеМарко. С тех пор, как он объявил о своей предстоящей свадьбе, его рейтинги взлетели, и постоянно поступают предложения о съёмках. И давайте не забывать, что сегодняшнюю свадьбу спонсирует "World Studios". Отмена свадьбы означает отсутствие денег. Нам нужно подумать.

Сэм скрyla своё удивление, крепко сжав челюсти. В голове роился миллион вопросов, но она знала, что должна воздержаться от разговоров из-за риска, что её отсюда выпроводят. Несколько недель назад, когда ДеМарко сделал официальное заявление перед прессой о своём намерении жениться, Сэм, как и весь остальной мир, строила предположения, с чего вдруг он внезапно пошёл на такой шаг. ДеМарко был не из тех, кто женится, и все это знали. Кто-то предполагал, что актёр обрюхатил одну из своих подружек, но она представить себе не могла, что ДеМарко может жениться по зову долга. Женитьба из-за денег имела больше смысла. Жажда наживы вполне соответствовала остальным нелестным характеристикам ДеМарко.

Сэм похлопала по своей сумке. Погодите, когда об этом услышит весь мир.

Том позвенел монетками в кармане.

— Должен же быть какой-то выход из этого бардака.

Бен покачал головой.

— Не думаю. Разве что ты сможешь найти невесту в ближайшие две минуты...

Вряд ли, подумала Сэм, заглянув в сумочку, и молясь о том, чтобы всё это было на записи. Когда девушка подняла глаза, то увидела, что все трое мужчин уставились на неё с таким видом, словно она только что помахала перед ними большим красным флагом. До этого момента Сэм была абсолютно уверена, что Доминик ДеМарко не осознавал, что она находится в комнате. Но теперь он это понял, и подошёл ближе, его глаза пожирали её тело, словно один из этих новых пылесосов "Oreck XL Deluxe". Вот хам.

— Мы можем для вас что-нибудь сделать? — спросил Доминик хорошо поставленным, протяжным голосом, хотя вопрос и показался ей нелепым.

— Хм-м-м... нет... нет, спасибо. Я здесь ради свадьбы, — она сделала шаг назад, в сторону двери. — Так как её, по-видимому, не будет, я лучше пойду.

Сэм повернулась, чтобы уйти.

— Стойте, где стоите, — произнёс один из мужчин.

Она развернулась, указывая на себя.

— Да, вы, — произнёс Бен. — Подойдите сюда.

Он знает о записывающем устройстве. Дерьмо. Сэм замерла на месте, молясь о том, чтобы они не потребовали показать сумку.

Бен посмотрел на Доминика и спросил:

— Она же немного похожа на Джулию, правда?

Доминик подошёл ближе, достаточно близко, чтобы Сэм смогла ощутить аромат его дорогого одеколona. Она не позволит ему запугать себя. Посмотрев в его большие голубые глаза, девушка заставила мужчину отвести взгляд.

— Она чуть ниже Джулии, — ответил Доминик. Потом его взгляд упал на её грудь, и он покачал головой и пожал плечами. — Нет, она совершенно не похожа на Джулию.

У Сэм вырвалось рычание.

— Не думаю, что мне нравится ход нашей беседы.

Бен улыбнулся.

— Я думаю, это может сработать.

Глава 2

"Они что, все оглохли"? — подумала Сэм.

— Решение нашей проблемы, вполне вероятно, стоит прямо перед нами, — согласился Том, его жизнерадостный голос действовал ей на нервы.

— О чём бы вы сейчас ни говорили, — произнесла она, направляясь к выходу, — я знать об этом не хочу. Я ухожу.

Бен, выбрав кратчайший путь мимо дивана, подбежал к выходу, преградил ей дорогу и уставился на бейджик прессы, который висел на её шее.

— Саманта Джонстон, — прочитал он. — Вы ведь журналист, да?

— И что с того?

Мужчина взял её левую руку и поискал кольцо.

— Вы не замужем.

Она выдернула руку.

— Нет. И не думаю, что это каким-то образом вас касается.

— Всё, что вам нужно — это выйти замуж за Доминика, — произнёс Бен, — за это

большинство женщин с радостью отдали бы свою левую руку.

— Я очень привязана к своей левой руке, — фыркнув, сказала Сэм, — и кроме того, вы все сошли с ума. Ни за что на свете я не выйду за него. Без обид, ДеМарко, но я не заинтересована в связях со знаменитостями.

— Тоже без обид. У меня те же чувства по отношению к репортёрам.

Она предпочла проигнорировать его заявление.

— Мы заплатим тебе сто тысяч долларов, — выпалил другой мужчина, как будто деньги решали все проблемы.

Она засмеялась, и, опустив подбородок к груди, заговорила достаточно громко, чтобы это точно попало в запись.

— Давайте-ка проясним. Вы располагаете миллионами долларов компании, которая стоит миллиарды, и предлагаете мне жалкие сто тысяч, чтобы я вышла замуж за бабника, ненавидящего репортёров и подражающего Джорджу Клуни?

Бен, казалось, обдумывал её слова, потом произнёс.

— Ты права. Мы заплатим тебе двести пятьдесят тысяч. Ни больше. Ни меньше.

— Эй, я тоже в этом участвую, — встрял Доминик. — И для записи, — добавил он, бросив взгляд на Сэм. — Я не ненавижу репортёров. Я просто им не доверяю.

— Очевидно, я не достаточно ясно выразилась, — сказала Сэм. — Я не в настроении выходить сегодня замуж, так что забудьте об этом.

— Единственный способ заставить журналиста сделать то, что тебе нужно, — пробормотал Доминик, — это дать ему историю.

Том кивнул, соглашаясь с ним.

Глаза Бена загорелись.

— Точно. Мы предоставим ей эксклюзив. После того, как брак закончится, она сможет написать историю своей жизни и о том, на что похож брак со знаменитостью, — произнёс он, указывая на Доминика. — Представь, Саманта. Слава... в каждом журнале... но, ничто не должно пойти в печать, прежде чем брак будет расторгнут.

Она выпрямилась.

— Вы все спятили.

— Вообще-то, я с ней согласен, — сказал Доминик, и его голос больше не был похож на голос угрюмого, избалованного человека, а больше напоминал голос нормального парня в отчаянной ситуации. — Отойди с её дороги, Бен. Дай ей уйти.

— Просто послушай меня, хорошо? — попросил Бен Саманту. — Никто не знает, на ком собирался жениться ДеМарко. Это часть большой игры, и одна из причин, по которой "World Studios" готова была выложить большие бабки, чтобы стать частью этого дня. Свадьба — больше не просто свадьба... она больше, чем все мы.

— И так как никто не знает, на ком Доминик собирался жениться, — добавил Том, — никого не будет волновать, с кем именно он сегодня пойдёт к алтарю.

— А как быть с приёмом? — спросил актёр.

Сэм притворялась безразличной, хотя ей тоже было интересно, как они планируют выкрутиться из этого положения.

— А что с ним? — спросил Бен. — Всё, что требуется от вас двоих — это появиться и устроить вечеринку. У нас в качестве гостей всего несколько громких имён, все остальные — просто фанаты. Это одна из причин, по которой мы перенесли свадьбу в Нью-Йорк. Никто и глазом не моргнёт, если увидит возле тебя незнакомое лицо.

Доминик ослабил узел галстука.

— Ты притворяешься не тем, кто ты есть всю свою жизнь, — сказал Бен. — А она всю жизнь выдумывает истории. Вы идеально подходите друг другу.

— Я не выдумываю истории, — запротестовала Сэм. — Я описываю то, что вижу. Я пишу правду.

Трое мужчин одновременно расхохотались.

Сэм закатила глаза.

— А что будет после приёма? — она решила, что спрашивает об этом по причине нездорового любопытства.

Бен шагнул между ней и Домиником, и хлопнул его по плечу.

— Вы сделаете то, что делают все молодожёны — отправитесь на медовый месяц.

Сэм открыла рот, чтобы запротестовать, но Бен остановил её, подняв руку.

— Слушай меня, — сказал он. — У нас есть договор с "World Studios", лидером индустрии развлечений. На медовый месяц вы поедете на Гавайи. Номер будет огромным... с кучей комнат. Вам не придётся делить постель, если вы сами этого не захотите, — добавил он, подмигивая.

Сэм заскрежетала зубами от такой перспективы.

Доминик лишь пожал плечами.

— Мои сумки в гостинице, — сказала она, словно уже собиралась согласиться на это безумие.

А она согласна? Может согласиться? Эксклюзивная история жизни? Не говоря уже о двухстах пятидесяти тысячах долларов.

Сэм уже просто таки видела заголовки: "Посредственная журналистка выходит замуж за красивого, супер богатого и знаменитого актёра".

— Просто скажи мне, как тебя зовут, и в каком отеле ты остановилась, — сказал Том, — и я пошлю кого-нибудь за твоими сумками, и оплачу счёт в отеле. Тебе не нужно ни о чём беспокоиться.

— Я не знаю...

— У тебя есть две секунды, чтобы передумать, — сказал Бен.

— Саманта Сью Джонстон, — выпалила она. — Называйте меня просто Сэм.

— Саманта Сью, — повторил Доминик себе под нос.

— Какие-то проблемы? — спросила девушка у своего будущего мужа.

— Нет.

— Отлично, — произнёс Бен, и обнял её за плечи. — Я быстро набросаю договор, и тебе нужно будет его подписать над пунктирной линией. Ты будешь обеспечена на всю жизнь.

Сэм убрала его руку, словно это была ядовитая змея и посмотрела Бену в глаза, пытаясь найти в себе смелость сказать "нет". Но не смогла. Он был прав. Это был её шанс, возможность, которая выпадает раз на миллион лет.

Бен напоминал ей одного из тех крикливых, быстро говорящих продавцов автомобилей, но, несмотря на сомнения, она кивнула.

Бен сжал её в удушающем объятии.

— Видишь, — сказал он Доминику, — она решительная и красивая.

Теперь Сэм знала, что Бен несёт чепуху. С её грязно-светлыми волосами, прилипшими к лицу после того, как она проторчала в коридоре, мятой и прилипшей к телу одежде, она

выглядела далеко не красавицей.

— После медового месяца вы оба вернётесь в Лос-Анджелес, где всё, что тебе понадобится, будет ждать в вашем доме в Малибу, — произнёс Бен.

— Что будет, когда мы вернёмся в Лос-Анджелес? — переспросила Сэм. — После медового месяца мы же разойдёмся, ведь так?

Бен покачал головой.

— Вы оба должны быть женаты как минимум три месяца, что означает, что вам придётся жить вместе, как все нормальные молодожёны. Иначе контракт между Домиником и "World Studios" не будет иметь силы.

Сэм нахмурилась.

— Так вы и, правда, делаете это ради денег?

Доминик ослабил свой галстук чуть сильнее.

— Да, — ответил Бен, — но сейчас это не имеет значения. Как видишь, свадьба приобрела общенациональные масштабы. Больше дело не только в деньгах. Она значит больше, чем просто все мы.

— Ты уже говорил об этом, и что это вообще значит, "больше чем все мы", — пробормотала Сэм. Что ещё он должен сделать? Консумировать брак? Завести кучу детишек, и называть одного сына за другим именами гендиректоров "World Studio"?

Доминик усмехнулся.

— Это не смешно, — сказала она.

— Нет, не смешно, — согласился Доминик. — Но если мы собираемся пройти через всё это, дорогая, тебе нужно начать относиться к этому проще.

Она повернулась к Тому. Сэм не доверяла Бену, и ей не нравился Доминик. Том показался ей единственным нормальным парнем в комнате.

— Вы мне всё рассказали? — спросила она. — Есть ещё что-нибудь, что я должна знать?

— Это всё, — ответил Том. — Три месяца брака, пара обязательств, и деньги будут твоими.

— И эксклюзив? — спросила она.

— И эксклюзив.

В её животе что-то булькнуло.

— Я не одета для свадьбы, — заметила она, — И так как у меня нет привычки возить с собой свадебное платье на всякий случай...

— Всё будет в порядке, — заверил её Бен. — Ты не очень высокая, но у тебя почти один размер с Джулией. Достаточно близко. Её платье в другой комнате, полностью готово. У нас есть парикмахер и визажист. Я буду рядом всё время. И обо всём позабочусь. Как я и сказал, тебе нужно будет лишь подписать соглашение, чтобы держать в тайне всё, о чём говорилось в этой комнате.

— И как я смогу написать эксклюзив, если не смогу рассказать правду о том, что происходило сегодня?

Бен вздохнул.

— Через три месяца, когда всё это закончится, все захотят узнать, на что это похоже — быть замужем за самым сексуальным актёром Америки. Они захотят твою историю, Саманта. Им не нужно будет знать, по какой причине ты сегодня пошла к алтарю.

Он был прав. Ей не придётся лгать. Она просто не будет рассказывать всю правду с

самого начала. Сэм может написать книгу, начиная с первого дня, когда они станут мужем и женой: "Девяносто дней миссис Доминик ДеМарко" или "Моя жизнь жены заносчивого актёра".

В мире не найдётся ни единой женщины, которая не захочет узнать, как Доминик ДеМарко выглядит по утрам, в чём он спит, есть ли у него какие-нибудь отличительные родимые пятна.

Её щеки порозовели от этой мысли.

"Всё могло быть хуже", — сказала она себе. Если говорить о внешности, то у Доминика ДеМарко есть всё: густые тёмные волосы, голубые глаза, сильный, твёрдый подбородок, ямочки и отличное тело.

Доминик подёргал свой воротник уже в сотый раз. У него было усталое лицо, челюсти крепко сжаты. Он нервничал. Бен, должно быть, заметил реакцию ДеМарко, потому что отвёл Доминика в сторону и тихо ему сказал.

— Сделай глубокий вдох. Ты пройдёшь по проходу к алтарю, скажешь пару слов, и больше от тебя ничего не требуется.

Бен посмотрел через плечо на Сэм, очевидно волнуясь, что может потерять их обоих.

— Не забывай, Саманта, ты заполучила историю всей твоей жизни. Газеты и телешоу всей страны будут соперничать за твоё внимание до и после того, как брак закончится.

Ей было ненавистно признавать, но у этой затеи был отвратительный привкус. Оба её брата были успешными. Она была чёрной овцой в семье, работала часами и мало спала — всегда в надежде поймать перерыв. Она не может пройти мимо сделки всей жизни. Сэм всегда говорила, что ей не хватает в жизни маленького приключения. Кому это может навредить? На несколько коротких месяцев стать миссис Доминик ДеМарко. И тогда она не только докажет всей своей семье, что может быть успешной, но также останется с достаточным количеством денег, чтобы внести плату за дом. Чёрт, она вообще сможет купить дом на эти деньги. И вишенкой на торте будет то, что Сэм расскажет миру правду об этом человеке, каждую грязную деталь.

В комнату заглянул высокий мужчина с лысой головой и лицом, красным от недостатка кислорода, и произнёс взволнованным голосом:

— Начала церемонии ждут сотни беспокойных людей, не говоря уже о тысячах фанов на жаре, на улице, в надежде хоть одним глазом взглянуть на невесту и жениха. Что происходит?

— Скажите гостям, что они скоро будут, — сказал Том, выпроваживая мужчину из комнаты.

Когда больше не было слышно удаляющихся шагов, Бен посмотрел на Сэм.

— Итак? Ты в деле?

Её желудок свернулся в узел.

— При одном условии. Через три месяца после того, как всё закончится, я могу также захотеть написать книгу.

— Если ты при этом не захочешь рассказать о причинах, по которым Доминик женился на тебе, — сказал Бен. — "World Studios" не будут рады, когда узнают, что их обманули.

— Они никогда не узнают. Я представлю все как выдумку. Может быть, даже как роман. Зависит от того, как я решу завершить историю.

— Тогда, определённо, не любовный роман, — сказал Доминик. — Потому что у всех любовных романов есть счастливый конец, а нет никаких шансов, что у этой истории он

будет.

Она улыбнулась.

— Похоже на то, что кое-кто читает любовные романы.

Бен посмотрел на Доминика, приподняв бровь от любопытства.

Доминик не позаботился о том, чтобы опровергнуть или подтвердить обвинение; он просто взглянул на Сэм своими ледяными голубыми глазами и сказал:

— Ты не могла бы пойти и надеть свадебное платье? Я хочу со всем этим покончить.

Глава 3

Тридцать минут спустя Сэм стояла, держа Бена под руку, уставившись на закрытые двери церкви из красного дерева.

Это сумасшествие. Вот я проникаю в церковь в поисках истории, а в следующий миг сама оказываюсь историей.

В довершение ко всему, Бен только что напомнил ей о том, что свадьбу будут показывать по телевидению. Она может только молиться, чтобы её мать это не увидела. Мама тут же хлопнется в обморок. А как насчёт папы? Хотя Сэм и не была с ним близка последние годы, она не желает ему зла, а у него слабое сердце. Насколько эгоистичной она может быть?

— Я не могу этого сделать, — сказала Саманта Бену.

Служка распахнул двери церкви.

— Разумеется, ты можешь, — произнёс Бен, беря её под руку. Он шагнул вперёд, потянув девушку за собой.

Приблизительно пять сотен людей направили на них свои взгляды.

Её левый глаз дёрнулся.

Единым движением все собравшиеся встали.

Струйка пота потекла по левой стороне её утягивающего белья. Невесты не потеют, она была в этом уверена. Но Сэм не такая, как большинство невест, ведь так? Она — фальшивая невеста.

Музыка сменилась на "Свадебный марш" Мендельсона. Все взгляды были прикованы к ней.

ДеМарко стоял на другом конце церкви — высокий, темноволосый, и временный, что определённо, было хорошо. Она не хотела ничего постоянного с таким как он.

Когда Сэм начала осознавать реальность происходящего, то почувствовала слабость. Фальшивая свадьба или нет, рядом с ней должен стоять её отец, не Бен. А как же её племянница Эмма? Эмма будет опустошена, когда узнает, что её даже не пригласили на свадьбу.

Сердце Сэм рухнуло. Она редко плакала, но это не воспрепятствовало тому, что на глаза навернулись горячие, колючие слёзы. Проклятие.

— Улыбайся, — проговорил Бен краешком рта, пока вел её к алтарю. — Предполагается, что это самый счастливый день в твоей жизни.

Сэм выдавила улыбку, когда смотрела в камеру слева от себя. Несмотря на предупреждение Бена насчёт камер, она не ожидала, что их будет так много. За каждой третьей скамьёй находился блуждающий глаз, следивший за каждым её шагом. Сэм заметила какое-то движение даже в цветочной композиции у алтаря. Она бы не удивилась, если бы ей

в букет тоже запихнули камеру.

Сэм опустила глаза на прекрасный букет из белых роз и тюльпанов, вперемешку со стефатонисом и жасмином. Если там внутри есть крошечная камера, то это значит, что тысячи, может быть даже миллионы людей могут заглянуть ей прямо в нос.

Её желудок сжался.

Помни об истории, напомнила она себе. Делай заметки. Не паникуй. Это твой шанс. Помни о выражении лица мамы, когда вы с ней поедете в отпуск, только вы вдвоём.

Бен подвёл её к ДеМарко.

Она взглянула на Доминика и с удивлением увидела, как тот стоит, засунув руки в карманы, его лицо было пепельного цвета. Мужчина нервничал. То, что сначала показалось непоколебимостью, в реальности оказалось действительно пустым взглядом. Настолько пустым, что ей пришлось подавить желание помахать рукой перед его лицом; проверить, будет ли ответная реакция, моргание, хоть что-нибудь. Мужчина выглядел так, словно вот-вот может упасть в обморок, может быть, даже сбежать.

Странно, но осознание того, что он может быть в полном ужасе, слегка её успокоило.

Стоя в ожидании, пока невеста пройдёт к алтарю через закрытые двери, Доминик расслабил тугий узел галстука. Всё это было совершенно неправдоподобным, самая безумная вещь, на которую он только мог решиться.

И это всё было виной его дяди — человека, который дочиста опустошил его банковские счета. Но, в данный момент, Доминик был именно тем, кого приносили в жертву у свадебного алтаря.

ДеМарко уставился на красный ковёр в проходе. Наверное, журналистка передумала. Эта мысль помогла ему расслабиться в то самое мгновение, пока он желал, чтобы двери оставались закрытыми.

Оглянувшись через плечо, Доминик заметил великолепные витражи с изображениями апостолов. Красивая церковь — только лучшее для парня, у которого есть всё, всё и ничего одновременно.

Когда он снова посмотрел на толпу, у него вырвался тягостный вздох. Церковь была буквально набита битком. Белые сатиновые ленты струились по скамьям. Сотни людей бормотали и ёрзали на своих местах, наблюдая и выжидая.

Доминик привык к постоянному вниманию. Но сейчас всё было по-другому, он чувствовал себя так, словно его загнали в ловушку. И вот он стоит у алтаря судьбы, собираясь жениться на журналистке, которая поедает знаменитостей на ужин.

Абсурд.

Но менеджеры правы. Ему не только нужны деньги из-за того, что счета пусты, его карьере также нужен перезапуск. Новость о женитьбе, казалось, сделала своё дело, и всё же, он думал, что обманывает своих фанов.

Взгляд ДеМарко переместился на представителей прессы, собравшихся в дальней секции церкви. Вот уже несколько недель они дерутся друг с другом, чтобы узнать у него хоть что-нибудь о его невесте. Сегодня все получают свою возможность повеселиться. Медиа захотят узнать всё о жизни Саманты Джонстон, выпрашивая у неё детали о семье, детстве, о каждом парне, с которым она встречалась. Эта мысль заставила его чуть выпрямиться, почувствовать себя немного лучше. Саманта Джонстон будет так занята, отвечая на вопросы репортёров следующие несколько месяцев, что у неё не будет времени доставать его. Ха!

Мысль о том, что докучливая маленькая журналистка узнает вкус собственного лекарства, безмерно его обрадовала.

Люди поднялись и обратили свои взгляды к двойным дверям.

Сердце Доминика забарабанило о грудную клетку.

Органист начал играть. Его невеста-дублёр всё-таки не сбежала. Он вдохнул, когда Бен провел её через дверь.

Команда визажистов сотворила чудо. Её грязно-светлые волосы выглядели сияющими и мягкими, спадая на бледные плечи. Под её глазами больше не было пятен от косметики. Она выглядела красивой.

Когда девушка подошла ближе, через тонкую вуаль он заметил её покрасневший нос. Она что, плакала? Да ни в жизнь. Репортеры не плачут, особенно эта. Наверное, у неё аллергия.

Доминик начал гадать, что же творится сейчас в её голове, хотя нахмуренный взгляд Сэм говорил о многом. Она что, будет хмуриться вот так следующие три месяца? Это беспокоит. Ему нравилась его приватность. Ему нравилось иметь тихий, спокойный дом, куда он мог вернуться; место, где можно сесть и расслабиться, пустой дом, в котором не было никаких нахмурившихся журналистов.

Этот сценарий словно был вырван прямо со страниц фильма категории "В". Он уже не контролирует свою жизнь, и наконец-то достиг края. И всё же, он сам во всём виноват, потому что не должен был соглашаться на этот нонсенс. После того, как его дядя обчистил его счета, он запаниковал. Второй ошибкой было прислушаться к Бену и Тому, когда они пришли к нему с этой абсурдной идеей.

ДеМарко охватило неумолимое желание пройти по проходу и выйти вон из церкви. Он должен сломя голову бежать за своей жизнью... бежать прочь из церкви и никогда не оглядываться. Однако прежде чем Доминик успел сделать хоть одно движение, Бен подвёл к нему Саманту, и протянул ему её руку.

Глава 4

Её пальцы оказались неожиданно мягкими.

Через прозрачную вуаль Доминик видел большие карие глаза, маленький покрасневший нос и полные губы. Сэм выглядела совершенно непохожей на решительную и неустрашимую журналистку, с которой он познакомился двадцать минут назад. Её руки дрожали, и, судя по всему, она определённо пролила одну или две слезы.

— С тобой всё хорошо?

Девушка сглотнула.

— Я буду в порядке.

Твою мать. Из-за опечаленного лица Сэм он почувствовал себя последней сволочью, как будто её принуждал.

— Слушай, если ты не сможешь пройти через всё это, я пойму.

Она покачала головой.

— Всё хорошо. Я подумала о своей семье, и о том, что они пропускают день моей свадьбы.

— Дорогая, — пробормотал он, — это же не по-настоящему.

— Я знаю, но моя семья не в курсе.

Кроме матери, которая бросила его в юном возрасте, алкоголика-отца, вора дяди

Френка, который сейчас скорее всего жарился под карибским солнцем, и сводной сестры, о которой никто не знал, у него не было семьи. И вопреки всему этому он произнёс:

— Мне жаль.

Она всхлипнула.

Доминик вынул из своего кармана шёлковый носовой платок и просунул его под вуаль.

— Высморкайся.

Сэм выдохнула.

В толпе пронеслась очередная волна шёпота, вероятно, все решили, что невеста рыдает от счастья.

Она посмотрела на него взглядом, в котором таился намёк на доброту. Большие карие глаза цвета растаявшего шоколада.

Священник прокашлялся, давая понять, что они нужны, чтобы продолжить шоу.

Доминик засунул платок обратно в карман и провел её по двум широким ступенькам, поддерживая левой рукой под локоть, пока они шли к алтарю.

Священник кивнул. "Он настоящий", — думал Доминик, успокаивая своё бьющееся сердце. Священник не был оплаченным актёром. Это не сцена из кинофильма, и людям, которые сидели на скамейках, не заплатили за их присутствие здесь. Они — настоящие люди, которые освободили свой день, чтобы увидеть, как ДеМарко женится на женщине, которую, как все считают, он любит. Внезапно Доминик почувствовал, что ему тяжело делать очередной шаг вперёд.

Совершенно неожиданно заговорила Сэм:

— Не думай об этом. Думай о чем-нибудь хорошем.

О хорошем? На ком он, чёрт подери, женится, на Мэри Поппинс?

— Завтра утром мы будем на Гавайях, лежать на белом песке и пить "пина-коладу".

Порция виски сотворила бы сейчас чудо. Доминик посмотрел на Сэм, потом на священника, потом снова взглянул через плечо. Его взгляд проследовал по красной дорожке вниз по ступенькам и по длинному узкому проходу между рядами, который вёл к выходу из церкви. Тридцать секунд, и он сможет оказаться за этой дверью.

Но Сэм снова прикоснулась к нему, нежная ласка, которая заставила его вновь посмотреть в её глаза лани. Казалось, они заглядывали ему прямо в душу.

Проклятие. Если он сбежит, то унизит её перед миллионами людей, коллеги будут преследовать девушку до конца жизни. Что подумает её семья? И, в конце концов, у неё даже не будет истории, которая бы всё это компенсировала. У неё не будет ничего, кроме тоски и насмешек.

Доминик нахмурился. Он может пережить церемонию. А потом все будут счастливы — все, кроме него.

Теперь они стоят перед священником, если это можно назвать стоянием. Его ноги стали ватными.

Каким-то чудом, двадцать минут спустя, он всё ещё держался на ногах, когда священник произнёс:

— Вы можете поцеловать невесту.

Доминик не шевельнулся.

— Мне кажется, ты должен убрать вуаль, — кашлянула Сэм, — и поцеловать меня.

Если бы ему давали доллар каждый раз, когда он целует женщину, Доминик был бы богатым человеком. Вот только предполагалось, что этот поцелуй будет другим, лучше, чем

все предыдущие. Все ожидали поцелуя. Такое давление было почти непереносимым. Камеры повсюду, спрятаны в затемнённом алькове и в местах, которые ему не видны.

Поцелуи были его специализацией. Никаких проблем. Он — профи. Женщины падали в обморок от его поцелуев. А Доминик умел хорошо притворяться. Режиссеры были теми, кто делал их настоящими, говоря ему как склонить голову, какое нужно выражение лица, куда положить руки. Но в данный момент в его голове была пустота. Он должен был действовать так, как будто хочет её поцеловать... как будто это и правда "великий день", и он жаждет этого поцелуя больше, чем чего-либо в своей жизни. ДеМарко целовался с дюжинами старлеток. Горячие, жаркие поцелуи. Но обычно, между ними существовала хоть какая-то химия, нечто материальное, что можно показать на большом экране. Доминик любит целоваться. Если честно, ему даже тяжело представить другой вид взаимодействия, которое сочетает в себе чувства столь же приятным образом. Выражение её глаз, запах, вздохи, ощущение губ и языка, и нежные прикосновения, и всё это смешано в одном поцелуе.

Но его невеста не хотела быть здесь. Она не актриса. Ей нужна лишь история. Всё просто. Следующие три месяца девушка будет его тенью, будет следовать за ним повсюду, задавать кучу глупых вопросов, и делать записи о каждом его движении.

Чёрт.

Ему нужно что-то, за что можно зацепиться — крошечное ощущение общности, чтобы сделать поцелуй настоящим.

— Расскажи мне о себе, — попросил он.

— Ты серьёзно? Прямо сейчас?

— Да, и быстро. Ты любишь своих родителей?

— Я испытываю к ним обоим огромное уважение и восхищение.

— Твоя любимая еда?

— Тако.

Тако? Правда? Это не работает. Он нетерпеливо вздохнул.

— Любимый цвет?

— Зелёный?

— Ладно, не обращай внимания. — Доминик поднял вуаль.

По церкви пронёсся вздох.

Глаза Сэм закрылись, и она чуть раскрыла губы, как раз достаточно, чтобы убедить его наклониться вперёд и прикоснуться к её губам. Он почувствовал вкус мяты и аромат роз.

Целовать Саманту Джонстон оказалось не так уж плохо. Целовать её мягкие, полные губы было приятно. Ну да... может быть, даже лучше, чем просто приятно. Склонив голову под нужным углом, он углубил поцелуй. Аудитория ответила какофонией радостных возгласов, которые буквально отскакивали от стен храма.

Доминик с неохотой отодвинулся. Её глаза всё ещё были закрыты, губы порозовели и припухли. Он схватил её за руку, и посмотрел в её распахнувшиеся, даже улыбающиеся глаза.

Всё кончено. Он сделал это.

На балконе органист заиграл какую-то весёлую мелодию, которую Доминик не узнавал, побуждая его провести Сэм по проходу к высоким двойным дверям. Пока они шли мимо собравшихся, люди протягивали руки, чтобы прикоснуться к ним, другие улыбались и поздравляли их.

Двери были распахнуты. Движение остановилось. На улицах были пробки. Полицейские изо всех сил удерживали толпу. Зазвучали радостные возгласы, начали вспыхивать камеры,

и, как только они вышли из церкви, Доминик почувствовал, что его дёрнули за руку.

Платье было чересчур длинным для Саманты, и она за что-то зацепилась. Запаниковав, девушка выронила свой букет, и высвободила руку, чтобы потянуть за платье. Люди рванулись вперёд, словно стая голодных волков. Охраны нигде не было видно. Их ослепили вспышки камер, когда толпа стала напирать на них, заставляя его выпустить руку Саманты. ДеМарко оттолкнули в сторону от его невесты, и он оказался среди моря людей.

Доминик бы не возражал, если бы Саманта ощутила вкус собственного лекарства, но это было абсурдом. Её могли серьёзно ранить. Его шесть футов и три дюйма роста давали ему преимущество видеть поверх людей. Он заметил белый шёлк; она была похожа на хрупкую белую розу, которую топтала толпа беснующихся людей.

— Сэм! — прокричал он.

— Сюда! — рука взметнулась вперёд. Доминик пробился через толпу, даже обхватил какую-то маленькую женщину и оттолкнул её на мужчину слева от себя, расчищая дорогу к своей невесте.

К тому времени, пока он добрался до Сэм, она была без вуали. Чрезмерно ревнивая дама сорвала кружевной головной убор, и даже сейчас он видел, как безумная женщина пробирается сквозь толпу и убегает.

— Моё платье застряло в дверях, — сказала ему Сэм.

— Дай взгляну, — он обнял её так, чтобы иметь возможность взглянуть на источник проблемы, а потом ухватился за подол платья.

— Где вы познакомились? — прокричал репортёр.

— В церкви, — правдиво ответила Сэм, прежде чем снова повернуться к Доминику. — Вот, — произнесла она, — может быть, если мы оба потянем.

Охранники кричали всем, чтобы люди отошли назад, но их никто не слушал.

Доминик и Сэм вдвоём потянули платье, стараясь не разорвать его, но ничего не произошло.

Проклятие. На этот раз Доминик ухватился обеими руками и дёрнул, разрывая ткань и освобождая её. Держа платье в руке, ДеМарко попытлся, расталкивая людей и расчищая путь через толпу, пока не растянулся на спине. Прежде чем он смог ясно видеть, Сэм склонилась над ним, и явно веселясь, протянула руку.

— Ты думаешь, это смешно?

— Да.

Доминик второй раз за последние десять минут слышал, как она говорит "да". Это уже слишком. Он должен убраться отсюда, пока не утратил остатки нормальности. Каким-то образом, ему удалось снова подняться на ноги, потом наклониться, обнять Сэм за талию и взять на руки. Игнорируя её протесты, мужчина пронёс Сэм сквозь толпу.

Она была так же легка, как и букет роз... роз с большим количеством острых шипов. К тому времени, когда он добрался до лимузина и разместил её там, появился Бен.

— С ней всё в порядке?

ДеМарко посмотрел на Сэм.

— Думаю, что да, — произнесла она, пошевелив босой ногой.

— Вам лучше убраться отсюда побыстрее, — сказал Бен, но прежде чем они успели его остановить, Доминик развернулся, и исчез в увеличивающейся толпе.

"Что делает ДеМарко"? — подумала Саманта. — "Он сошёл с ума"?

Нет никаких сомнений. И она ничем не лучше его. Вышла замуж за плейбоя, и теперь официально, Сэм — миссис Доминик ДеМарко.

Доминик появился пять минут спустя, уселся рядом с ней и захлопнул дверцу. Лимузин влился в движение и поехал вниз по Пятой улице.

Доминик ДеМарко, актёр, Самый Сексуальный Мужчина три года подряд, а теперь ещё и её муж, вернулся. И протягивал ей руку со свисающей белой шпилькой.

Этот человек возвращался за её туфлём.

Она склонила голову так, чтобы получше рассмотреть его, пока пыталась в нём разобраться. Бен сидел на месте пассажира, их разделяло тонированное окно.

— Мир сошёл с ума, — произнёс Доминик, как бы невзначай наклоняясь, и беря в руку её покрытую шёлком ногу.

От ощущения его длинных, тонких пальцев по ноге Сэм растекалось тепло, и кожу покалывало. ДеМарко заставлял ощущать покалывание в тех местах, где раньше она никогда его не чувствовала, например, между пальцами. Она не хотела реагировать на его прикосновения. Тщеславные знаменитости её не заводили.

От него исходил чудесный запах, древесный и мужской. И он хорошо выглядел. И дело не только в том, что Доминик спас её от толпы и нёс до лимузина, и при этом даже не потел и нормально дышал. Ощущение покалывания имело смысл. Любая женщина в здравом уме сейчас бы ощущала покалывание, особенно та, которая не может вспомнить, когда у неё в последний раз был секс. Хотя, это не совсем правда. Это было триста пятьдесят дней назад плюс-минус пара часов. Не то, чтобы она делала записи, или ещё что-нибудь в этом роде.

Сэм пыталась не вдыхать его телесный запах.

"Тебе не о чем беспокоиться", — сказала девушка сама себе. Она контролирует ситуацию, наблюдая за его попытками натянуть туфлю ей на ногу, как настоящий Прекрасный Принц.

Сэм снова вдохнула, зная, что ей нужно положить конец этому безумию, и отобрала у него свою ногу.

— Я могу сама это сделать, — вежливо произнесла она, надевая туфлю на ногу. — Вот и всё.

— Ты хмуришься, — сказал он. — Что случилось с хорошими мыслями о том, чтобы идти по течению, о "пина-коладе" и белом песке?

Сэм откинула с лица пряди волос.

— Это было до того, когда ты так поцеловал меня в церкви.

— Как "так"?

— Сам знаешь: долго, глубоко, со всей этой страстью.

— Долго и глубоко, говоришь?

Она кивнула.

— Я думала, что мы просто соприкоснемся губами и будем притворяться. И, правда, не вижу никаких причин, чтобы ты использовал свой язык.

— Ну как я мог устоять?

Не морочьте ей голову. Сэм видела женщин, с которыми он встречался: высокие, худые, чертовски красивые.

— Ладно, как тебе угодно, — фыркнув, ответила она.

— Почему бы тебе просто не высказать, что у тебя на уме, и не выговориться.

Девушка выпрямила спину.

— Ладно, я так и сделаю. Ты — очаровашка, — произнесла она, делая обвиняющий жест пальцем в его сторону. — Я уже знаю, что ты бабник, но при этом я никогда не задумывалась об очаровании.

— Не стоит верить всему, о чём читаешь, или лучше сказать всему, о чём пишешь.

— Я пишу о том, что я вижу.

— Ты пишешь о том, о чём ты думаешь, что видишь.

— Это неправда, но я соглашусь с тобой, что существуют недобросовестные журналисты и папарацци. Но я всегда честна. У меня есть принципы.

— А согласишься ли ты также признать, что на каждого аморального папарацци найдется одна знаменитость, чью личность разорвали в клочья преувеличенные слова журналистов?

— Я считаю, что отношения — это взаимовыгодный союз.

— Типа нашего с тобой брака.

— Не совсем.

Он едко засмеялся.

— Позволь я угадаю. Ты считаешь, что вытащила короткую палочку?

— В этом нет никаких сомнений.

— И ты считаешь меня плейбоем?

— Ага.

— И что из увиденного тобой собственными глазами заставило тебя прийти к подобным выводам?

— Хм-м-м-м, давай посмотрим. Изабель Уитон, Памела Скотт, Тори Пинтон, Кэрри, Кристи... мне продолжать?

— Хотя я обычно и не выступаю в собственную защиту, — произнёс он, осторожно подбирая слова, — особенно перед журналистами таблоидов, но что ты ответишь, если я скажу, что никогда не встречал Памелу Скотт или Тори Пинтон?

— Я скажу, что это вздор.

— Вздор, вот как?

— Так и есть. Фотография стоит тысячи слов.

— И в следующие три месяца, если я докажу, что фотография не стоит бумаги, на которой она напечатана, что ты мне дашь?

— И что же ты хочешь, ДеМарко? — спросила Сэм, хотя у неё была очень неплохая мысль.

— Эксклюзив, который тебе пообещал Бен.

Она подняла бровь.

— И тут у меня появилась мысль, что, возможно, ты попытаешься затащить меня в постель.

— Всё по порядку.

Сэм фыркнула. Она знала, что не красавица, как женщины, с которыми он водил компанию. У неё было никакое лицо. Губы были в порядке, но грудь была плоской, не было длинных ног, и она всегда считала, что всего лишь просто симпатичная, и никак не сексуальная.

— Ты слишком перевозбуждена, милая. Я ведь не заставляю тебя нервничать?

— Твоя харизма совершенно не влияет на меня, ДеМарко.

— Это плохо.

— Для тебя, может быть, — ответила она.

— Определённо для меня, — отозвался он. — Итак, значит ли это, что мы не сможем быть друзьями?

— Мы можем быть друзьями.

— Потому что у тебя иммунитет к моему очарованию? — спросил он.

— Именно.

— Почему у меня такое чувство, что меня режут по живому?

— Вероятно потому, что такой мужчина как ты дезориентирован, оказавшись в ловушке с женщиной, которая знает о тебе всё, с женщиной, которая не станет спать с тобой, даже если ты останешься последним мужчиной на земле.

Его смех эхом оттолкнулся от тонированных стёкол.

— Ты очень забавная, — произнёс он. — Тебе кто-нибудь говорил об этом?

— Можешь смеяться сколько угодно, но именно я буду смеяться последней, потому что совершенно точно знаю, как ведут себя тебе подобные.

— Понятия не имею, о чём ты говоришь, — произнёс он с дьявольским блеском в глазах. — Но, по какой-то безумной причине, ты мне нравишься.

Сэм покачала головой, игнорируя покалывание, которое возникало каждый раз, когда он смотрел на неё своим ошеломляющим взглядом. На какой-то миг или два она совершенно точно поняла, почему так много женщин оказывались в его постели.

Сэм отмахнулась от этой мысли.

— Именно об этом я и говорю, — продолжила она. — Предполагается, что от твоего "ты мне нравишься" я приду в возбуждение. Ты думаешь, что совершенно точно знаешь, что сказать, чтобы такая девушка как я влюбилась в такого парня как ты.

Казалось, он недоумевал совершенно искренне.

— Что ты имеешь в виду под "такая девушка как ты"?

Она фыркнула:

— Как будто я соглашусь доставить тебе удовольствие, зачитав список своих недостатков.

— О, теперь я понял. "Такая девушка как ты" — это называется "неуверенностью", потому что я не вижу никаких недостатков.

— Хорошая попытка, Казанова.

Лимузин остановился на светофоре. Слева от неё возвышался прекрасный "Уолдорф Астория", ориентир, расположенный на Манхэттене, где проходил приём. Она взглянула на ДеМарко, который теперь казался угрюмым.

— Я ранила твои чувства?

— Я актёр и плейбой, — ответил он. — У меня нет чувств, помнишь?

— Я не говорила что...

Доминик взял её за подбородок.

— Ты слишком много переживаешь, милая. Кто-то, должно быть, обходился с тобой слишком небрежно.

Она пожала плечами в ответ на его замечание, но он захотел расспрашивать её и дальше.

— Почему ты так беспокоишься о том, чтобы защититься от меня, если твоё сердце уже

разбито на миллион кусочков?

— А кто говорил о защите сердца? Дело в моей гордости, морали, моём достоинстве, которые я собираюсь защищать. Пожалуйста, не строй иллюзий о том, что я стану ещё одной меткой на твоей постели. Может быть, иногда я кажусь незащищённой, но я достаточно себя уважаю, чтобы помешать сам-знаешь-чему.

— Ты совершенно точно смешная, — со смешком произнёс он, — но, мне кажется, тебя нужно похвалить за честность. Ты очень интересная женщина, для репортёра.

В этот раз Сэм полностью проигнорировала его. Он делал всё, что мог, расточая шарм, говоря ей о том, что она ему нравится, и что она интересная.

Но, даже если ДеМарко достанет для неё луну с неба, она всё равно не позволит себе испытывать чувства к этому мужчине, вне зависимости от чёртового покалывания.

Глава 6

Спустя три часа и очень много мартини, Сэм ощущала покалывание, как никогда до этого. Приём подходил к концу, и охранники снова окружили Доминика и её, быстро сопроводив их из бальной залы "Уолдорф Астории" через лобби, откуда они поспешно перемещались в свой номер для молодожёнов.

Высокая блондинка в чёрном с блестками обтягивающем платье закричала, когда заметила Доминика, идущего через лобби. Что-то красное и сверкающее пролетело в воздухе и приземлилось ему на грудь. Шёлковые красные стринги болтались, зацепившись за его галстук-бабочку.

Доминик убрал трусики и швырнул их обратно в толпу. Женщины толпились в каждой уголке отеля, в надежде хоть одним глазком взглянуть на Доминика ДеМарко.

Подол свадебного платья Сэм разорвался чуть сильнее, когда на них нахлынула толпа. Хаос, с которым удалось справиться Доминику, был за пределами всего, что она видела раньше.

Бен вместе с двумя накачанными охранниками помог им протиснуться к лифтам.

Женщины всех форм и размеров выкрикивали имя Доминика, словно вместо него через лобби шёл лично Элвис. Вся сцена казалась нереальной. Сэм привыкла, что её толкают и пихают другие репортёры, пытаясь получить сюжет, но она никогда не была по другую сторону забора, если можно так выразиться.

Двери лифта открылись. Третий охранник придерживал дверь, пока все не оказались внутри в безопасности. При наличии в маленьком пространстве шести человек, пятеро из которых были внушительных размеров мужчинами, Доминику ничего не оставалось, кроме как теснее прижаться к ней.

Мужчина ослабил узел бабочки и расстегнул пару верхних пуговиц рубашки.

— Я едва могу здесь дышать. Как насчёт тебя? — спросил он Сэм, и его подбородок задел макушку её головы. — С тобой всё в порядке?

Слегка покачнувшись, она кивнула, вдохнула, и почувствовала желание прижаться к его груди чуть сильнее.

Доминик потянулся и упёрся руками о панели по обеим сторонам от головы Сэм. Она знала, что он изо всех сил старается её не задушить, но не возражала, чтобы ДеМарко прижался к ней ещё ближе, чтобы вдохнуть его пьянящий мужской аромат.

Сегодня вечером он вёл себя как джентльмен, и Сэм чувствовала себя защищённой и в

безопасности в зале, полном незнакомцев.

— Сегодняшний вечер я бы назвал успешным, — прошептал он, касаясь губами её уха.

— Я чувствовала себя принцессой, — ответила Сэм, сознание было достаточно замутнённым, чтобы задумываться, действительно ли она только что это высказала.

— Ты отлично танцуешь, — добавил он.

— Ты и сам не так уж плох.

Доминик улыбнулся, заставив её задуматься, почему она не обвивает руками его шею. Внезапно, Сэм поняла, что не хочет ничего иного, кроме как позволить ему сделать то, что он делал лучше всех. Идея оказаться одной из зарубок на его кровати уже не казалась такой ужасной.

Сэм закрыла глаза и заново переживала один из самых занимательных и необычных вечеров в своей жизни. Она не танцевала под звёздами, но танцевала со звездами. Сегодня было так много знаменитостей, что едва ли всех их вспомнишь. Там были Бред и Анджелина, а ещё Эштон, Том и Морган. Приём длился три часа, и она не хотела, чтобы он заканчивался, особенно когда Доминик для неё пел. Прямо посреди танцпола, когда все вокруг смотрели на них. Если бы Сэм не знала, что всё это спектакль, она бы могла влюбиться в него не сходя с места.

Сэм испустила глубокий вздох, и, открыв глаза, увидела, что её взгляд упирается в его шею. Всего лишь два дюйма и можно было бы прикоснуться к его тёплой коже. Она сглотнула комок в горле и в очередной раз постаралась напомнить себе, почему ей нужно противостоять ста девяноста фунтам искушения.

У него была жилистая шея, мускулистая и загорелая. Благодаря двум расстёгнутым пуговицам она могла видеть волоски на его груди и то, что та также была худой и мускулистой. И временно или нет, но он — её муж.

У неё вырвалось хихиканье.

Все посмотрели на неё, как будто этот звук был нелепым. Лифт останавливался и снова ехал, но никто не выходил.

Доминик низко наклонил голову и заговорил:

— Ты уверена, что с тобой всё в порядке?

Она определённо выпила слишком много мартини. А ещё одна очень милая леди, занимающая высокий пост в Главном Госпитале принесла ей "Камикадзе". Сэм никогда раньше его не пробовала. В животе булькнуло.

— Я в порядке.

Он ей улыбнулся.

Женщина опустила взгляд и снова закрыла глаза, посчитав, что так ей будет безопаснее. Лифт остановился. Один из мужчин шагнул наружу, но Доминик не пошевелился.

Двери закрылись. Сэм посчитала до десяти, в надежде, что крошечное пространство лифта перестанет кружиться. Внезапно его губы снова приблизились к её уху, и он произнёс:

— Ты сегодня очень красивая.

Сэм посмотрела на него, и заметила быстрый дьявольский блеск в его глазах. И опять задумалась, почему она так борется с притяжением, искрившим между ними.

К черту всё. Она хочет, чтобы он поцеловал её. Она хочет, чтобы Доминик ДеМарко целовал её так, как раньше не целовал других женщин.

Солнечный луч прокрадывался через тонкую щель в драпированных шёлковых шторах, по ковру и вверх по роскошным атласным простыням, пытаясь вырвать Сэм из глубокого, удовлетворённого сна.

Она прижалась теснее к крепкому телу ДеМарко, скользнула рукой по его твёрдой груди, а затем вниз по рельефному животу. Там её пальцы на мгновение задержались, обводя его мускулы, прежде чем двинуться дальше вниз — святая корова!

Её глаза распахнулись, и она резко села. В конце концов, это оказался не дикий и безумный сон. Доминик ДеМарко лежал в постели рядом с ней, и он обнажён. Она приподняла атласную простыню и почувствовала, как кровь отлила от её лица.

Уронив простыню, Сэм осмотрелась. Её свадебное платье, лифчик, колготки, пояс для чулок и кружевное нижнее бельё были разбросаны по полу, создавая идеальную дорожку от двери до кровати.

Этого не могло произойти. Она не спала с Домиником ДеМарко.

Женщина посмотрела на внушительный бриллиант на своем пальце... всё казалось далеким воспоминанием... словно в тумане... сон... ночной кошмар. Выйти за него замуж на какое-то время — одно дело, но это...

Она была хорошей девочкой. Не девственницей, но у неё были правила. Спать с мужчиной после первого свидания, даже если она и вышла за него замуж, определённо не было в списке её привычных поступков.

Загорелая рука протянулась через простыни и расположилась на бедре Сэм.

Она отпихнула руку и выпрыгнула из постели, оборачивая себя простыней, чтобы прикрыть свою наготу. Комната закружилась. Сэм обхватила себя руками, чтобы не упасть. Теперь, когда простыни были убраны, ДеМарко ничто не скрывало, и у неё не оставалось иного выбора, кроме как видеть каждый его дюйм: загорелый, жёсткий и в состоянии эрекции, полностью готовый к действиям.

Его рука скользнула вверх над головой и опустилась на подушку. Один глаз открылся, и за ним сразу же последовал второй. Он приподнял голову и проследовал по направлению за её взглядом. Не произнеся ни слова, он снова опустил голову на кучу подушек. Не сделав ни малейшей попытки прикрыться, он спросил:

— Что-нибудь не так, сладенькая?

— Не называй меня так! Разумеется кое-что не так. Мы вместе в одной постели, и мы голые. Я не зарубка, ради всего святого.

— Зарубка?

— На спинке твоей кровати.

Он улыбнулся.

— Старые добрые утренние сожаления, да?

— Что ты имеешь в виду?

— Прямо сейчас ты думаешь, что же ты наделала? Как я смогу снова посмотреть на себя в зеркало? Что подумает моя мама? — он протёр глаза. — Я всё это слышал и раньше.

Её брови сдвинулись на переносице.

— Ты... ты эгоистичный ублюдок.

— У меня такое чувство, что прошлая ночь могла быть ошибкой.

Она сузила глаза.

— Так мы с тобой переспали?

— Сложно было сопротивляться тебе.

— Неужели, — рявкнула она. Затем посмотрела на кольцо на своём пальце, её губы сложились в мрачную линию, когда она попыталась снять его с пальца. Она вертела и тянула, но прекрасный изумруд в два карата никак не снимался.

— Осторожнее, сладенькая, ты оторвешь себе палец.

Сэм посмотрела на него и зарычала.

— Посмотри на себя, выставляешь себя напоказ как... как жеребец.

— Перестань, — сказал он, — ты заставляешь меня краснеть.

Она уставилась на него.

— В чём твоя проблема?

ДеМарко лениво скатился с постели, и не торопясь разыскал свои брюки.

— Я собирался спросить тебя о том же, — сказал он голосом, в котором сквозило раздражение, пока застёгивал брюки, что оказалось нелёгкой задачей, учитывая его негибкое состояние.

Доминик обошёл кровать и встал рядом с ней.

— Можешь продолжать свою маленькую истерику, но не веди себя так, как будто я воспользовался твоим состоянием, и словно прошлой ночью ты не хотела меня так же сильно, как и я тебя.

Она чётко помнила, как тесно прижималась к нему в лифте. Она хотела его, это правда, но только поцелуй — один простой поцелуй. Сэм выдохнула.

— Всему виной тот последний "Камикадзе". Эти штуки опасны. Я не хотела, чтобы так случилось.

— Ну, виноваты мы оба, — Доминик расчесал рукой свои волосы, и направился в ванную. — Мы не можем изменить то, что уже свершилось, — сказал он, прежде чем задумчиво оглянуться на неё, с оттенком разочарования во взгляде. — Если это сделает тебя счастливой, мы просто притворимся, что этого никогда не было.

Его грудь была как магнит. Ей пришлось напрячь все внутренние силы, чтобы не смотреть на него так, словно она никогда раньше не видела мужчин.

— Окей, — сказала Сэм, пытаясь сохранить своё самообладание. Пока он шёл в сторону ванной, она уселась на краешек кровати и сказала, — этого никогда не было.

— Отлично.

— Доминик, — позвала она, пока он не исчез в ванной.

Тот повернулся и выжидающе посмотрел на неё.

— Прошлой ночью мы предохранялись?

— Разумеется.

— Хорошо.

— Согласен, — дверь со щелчком закрылась.

Услышав шум воды, она упала спиной на матрац. Мгновения прошлой ночи всплывали в её голове. Они определённо занимались любовью. В тот момент она думала, что это безумный, романтический сон. Всё казалось таким идеальным. Его губы на её, их соединенные тела, Доминик, снова и снова повторявший, как она прекрасна. Раньше у неё никогда не было мужчины, который говорил бы ей, что она прекрасна. Милая, и пылкая, может быть, но никогда — прекрасная.

Не имеет значения, насколько замечательной была прошлая ночь, но спать с ДеМарко было огромной ошибкой, с ударением на слове огромной. Или же она может считать

прошлую ночь исследованием — старым добрым исследованием.

Так всё и было. Она спала с ДеМарко во имя исследований. Сэм с усилием улыбнулась. Как, чёрт побери, любой приличный репортёр может считать, что пишет всю правду о человеке, если не видел никаких интимных деталей? Прошлую ночь можно считать туманным сном, который больше никогда не повторится, и она может простить себе это осуждение и выбелить его ради исследования. Девушка испустила долгий, глубокий вздох облегчения.

У Доминика были хорошие инстинкты, припомнила она. Он был прав, когда предположил, что ранее ей разбили сердце. Сэм не желала снова проходить через это. Она ещё не готова, не с таким человеком как он. Сэм уже больше не наивная маленькая девочка.

Она выпрямилась.

Они с ДеМарко подписали контракт. Три месяца, и этот чистой воды деловой брак будет завершён.

Конец истории.

И всё же, мысль о том, чем она занималась прошлой ночью, не выходила у неё из головы. Забудь об этом, Сэм. Ты спала с ним. Через двадцать четыре часа забудь об этом. Она ударила кулаком по матрасу. Проклятие. Всё дело в этих чёртовых мартини, потому что Доминик ДеМарко не может быть таким великолепным в реальности. Если убрать невероятное тело, гипнотизирующий взгляд, ямочки, великолепный певучий голос и всё его джентльменское поведение на приёме, то кто тогда останется? Придурок. Она не собирается влюбляться в него. Если это произойдёт, она лишь навлечёт на себя ещё большую дозу горестей.

Отныне Сэм будет думать лишь об истории всех времен. Ей нужно оставаться сфокусированной. Следующие три месяца каждое его слово, каждое действие обязаны оказаться в её заметках, пока она не получит легальную возможность написать историю.

Девушка бросила взгляд на тумбочку у кровати. Лампочка на гостиничном телефоне мигала, сообщения. Она подняла трубку, нажала кнопку сообщений, и начала слушать. Первое сообщение было от консьержа гостиницы. Они получили её багаж, и она должна позвонить, когда ей нужно будет, чтобы его доставили в номер. Второе сообщение было от Бена, в котором говорилось, что они должны быть в лобби в полдень. Уже было десять тридцать. У неё оставалось не так уж много времени. Сэм набрала консьержа и попросила принести багаж. Затем она подбежала к гардеробу, натянула гостиничный халат, и схватила свою свадебную сумку, где были сложены губная помада, и стала ждать, пока не услышала, что шум воды прекратился, и только потом постучала в двери ванной.

— Кто это?

— Это я, — ответила Сэм, закатывая глаза.

— Ты всё ещё здесь?

— Не смешно. Мне уже лучше, — сказала она через двери. — Прости, я была расстроена. Я могу справиться с этим... Мне просто нужно сфокусироваться на истории.

Она секунду подождала. В ответ слышала лишь тишину.

— Хоть мы и должны откровенно поговорить. Я чувствую себя неуютно, когда вижу тебя голым. Ты же не помнишь всё, что увидел, правда? В смысле ты же тоже много выпил, ведь так?

Никакого ответа, кроме каких-то звуков с другой стороны двери, пока он там ходил.

— Я хотела сказать, ты же не помнишь все детали? Прошлой ночью было темно?

— Свет был выключен, — ответил он. — Я был на сто процентов пьян. У тебя на заднице есть крошечная татуировка бабочки. Обычно мне не нравятся татуировки, но твоя понравилась.

— Она у меня на бедре, а не на заднице, — сказала она.

— Если я закрою глаза, — продолжал он, — я всё четко вижу. Например, у тебя есть маленькая родинка на спине, прямо на изгибе...

— Ладно, на этом можно остановиться, — со вздохом сказала она. — Я всё поняла.

Дверь открылась. Его волосы были влажные и взъерошенные, вокруг талии обернуто полотенце, мускулы поблескивают от влаги.

Я могу с этим справиться.

— Ты уже почти готов? — спросила она. — Мы должны быть одеты, упакованы и быть в лобби к полудню, и мне нужно принять душ.

Он сделал жест рукой, приглашая её войти.

— Он в твоём распоряжении.

Прежде чем выйти, он добавил:

— Я хотел бы дать несколько советов.

Сэм вопросительно посмотрела на него, что было не так уж легко, учитывая то, что он всё ещё был наполовину обнажён.

— Ты производишь впечатление умной женщины. Не трать время зря, беспокоясь о своём теле. Ты идеальна такой, какая есть.

Она не знала, как отвечать. Сэм всегда была строга к тому, как выглядит. Она была невысокой, с плоской грудью, но не собиралась жаловаться ему на свои недостатки. Вчера он всё видел своими глазами. Доминик знал, и всё жё, он только что сказал ей что она — она сморщила нос.

— Ты только что назвал меня идеальной?

Уголок его рта пополз вверх.

Сэм подняла бровь, пытаясь забыть о своих спутанных волосах и туши под глазами.

— Вчера ты говорил, что я не наделена выдающимися чертами.

ДеМарко покачал головой.

— Я сказал, что ты не похожа на Джулию. Это не одно и то же.

О, он был хорош. Она вздёрнула подбородок.

— Ладно, думаю, это я переживу.

— Хорошо.

— Значит, ты не считаешь, что у меня низкий рост и плоская грудь?

Он засмеялся, и ей понравилось, как сверкнули его глаза.

— Нет, — ответил он. — Ты — идеальна. И я не собираюсь повторять ещё раз.

— Ну, тогда ладно.

— Хорошо.

Она подождала, пока его губы дёрнутся... хоть что-нибудь... всё, что угодно, что могло бы свидетельствовать о том, что он разыгрывает её, пытается очаровать так, как он проделывал это с сотнями женщин, с которыми встречался. Не то, чтобы они с Домиником ходили на свидания или ещё что-нибудь в этом роде. Он казался совершенно серьёзным, и это её беспокоило. Такая девушка как она может легко влюбиться в такого парня как он... влюбиться так сильно, что и не разлюбит.

Сэм не может допустить, чтобы так произошло. ДеМарко встречался с несчётным

количеством женщин. Неважно, каким невинным он притворяется; он совершенно точно знает, что делает. Доминик гипнотизирует её, словно змей-искуситель, и скоро она, как и все остальные, упадёт перед ним на колени, вымаливая знаки внимания. Её зубы сжались.

— Ну и что я сделал сейчас?

— Ничего, — ответила Сэм, пытаясь протиснуться мимо него. — Ты ничего не сделал.

О, но он, всё-таки, сделал. Он разрушает её, говоря вещи, которые не имеет права ей говорить. Прекрасная. Идеальная. Что оставалось сказать в ответ?

— Ты мне не веришь?

— Конечно, я не верю тебе. Не будь смешным. С чего мне тебе верить? Ты встречался с дюжинами женщин, каждая из которых была более прекрасна, чем предыдущая. Мой рост пять и три с половиной. Если ещё прощё — я невысокая, практически не существую, и совершенно точно не модельного типа, но, эй, у меня всё в порядке. Мне нравится то, кто я есть. Но когда мужчина, богатый и знаменитый, приходит и говорит мне, что я идеальна, то логично, что я буду слегка скептически относиться к его словам.

— Знаешь что, Джонстон? Снаружи ты сильная, но внутри ты мягкая как свежеиспечённый хлеб, я прав?

Класс, теперь он назвал её пончиком.

— Я должна собираться.

Он не сдвинулся с места, вынуждая её протискиваться мимо него, прикасаясь к его телу.

Сэм осторожно закрыла дверь, чтобы не задеть его ноги. Затем заперла замок и выдохнула. Она включила душ, и халат упал на пол. Взглянув на своё отражение в зеркале, девушка попыталась увидеть себя его глазами... в совершенно новом свете.

Несмотря на её неприязнь к этому мужчине, она вся светилась. Сэм видела это, но в основном чувствовала — чувство, которое ощущает женщина, когда встречает особенного парня.

Она постучала себя по голове ладонью. Это был просто секс, Сэм. Все сияют после ночи отличного секса. Даже не вздумай влюбиться в парня, как и все остальные безнадёжные романтики. Это была просто ночь секса, ничего больше.

Блин. Она не спала с мужчиной, не говоря уже о свиданиях, уже долгое время. Не после Кена. А теперь она замужем за одним из самых сексуальных мужчин Америки. Женщина прерывисто задышала. И как же при этом она собирается пережить следующие три месяца? Всё что ему нужно — это лишь сказать ей, что она прекрасна и идеальна, и она готова на всё. Как патетично.

Отвернувшись от зеркала, Сэм залезла в душ. Тёплая вода стекала по её голове и глазам. Два месяца и двадцать девять дней. Потом всё вернётся на свои места. Она вернётся к жизни в тихой квартирке с одной спальней в Бурбанке. А, может быть, сможет купить себе что-нибудь побольше, и напишет книгу. У неё будет свобода и история века. Всё будет отлично.

Глава 8

Сэм в халате вышла из ванной. Доминика нигде не было видно, как и её багажа. На телефоне мигала красная лампочка. Она нажала кнопку и послушала голос Бена, говоривший Доминику, что они должны встретиться в лобби как можно быстрее

Зазвонил телефон. Она подняла трубку и сказала "привет".

Робкий голос произнёс:

— Сэм, это ты?

— Мама?

— У тебя есть, что сказать мне и твоему отцу?

Сэм вздохнула.

— Мам, — заговорила она, удивляясь, как, чёрт подери, она нашла её так быстро. — Я хотела сказать тебе, но не могла. Я сейчас не могу рассказать тебе все детали, но мы поговорим, как только я... в смысле, как только я вернусь домой.

— А где именно этот дом? Или это тоже секрет?

Мама говорила шёпотом, видимо боялась, что папа может услышать. Горестные нотки в голосе мамы разрывали сердце Сэм, но она ничего не могла сделать. Что сделано, то сделано.

— Я позвоню тебе позже, мам, когда у меня будет больше времени на разговор.

— Почему ты хотя бы не предупредила нас?

— Мне жаль.

— Твой папа не очень рад по этому поводу.

— Папа никогда не бывает рад.

Молчание.

— Мне жаль, мам. Я не хотела сделать всё ещё хуже. Я никогда не должна была соглашаться на то, чтобы молчать до свадьбы.

— Твоя племянница хочет поговорить с тобой.

Сэм проглотила комок в горле.

— Ты, правда, вышла замуж за Доминика ДеМарко? — возбуждённо спросила её четырнадцатилетняя племянница Эмма.

— Да, это правда.

— А я думала, что ты считаешь его напыщенной свиньей.

Сэм нахмурилась.

— Когда я это говорила?

— Помнишь, когда мы увидели его фотографию в журнале "People", когда стояли в очереди в овощном магазине, и ты показала на фотографию, и сказала, что он напыщенная свинья?

— Да, точно, но, кажется, я тогда была в плохом настроении. Он отличный парень. Я же вышла за него замуж, не так ли? Тот парень, Джейсон, ещё не пригласил тебя в кино? — спросила Сэм, в надежде сменить тему.

— Хорошая попытка. Я не сбежала, чтобы выйти замуж за Джейсона Марсала. Если бы это было так, я бы пригласила тебя.

Туше. Её план провалился.

— Твоего мужа всё время показывают по телевизору, — сказала Эмма, её голос был более оживлённым, чем обычно. — Кажется, "NBC" пытаются затащить его в одно из этих реалити шоу. Может быть, они попытаются затащить вас обоих. Они могут назвать его "Молодожены". Или ты могла бы попросить его, чтобы он устроил мне прослушивание в "Survival of the Fittest", или в то новое шоу, "Wacky Teenagers".

Сэм подняла глаза к небу, хотя и испытала облегчение, узнав, что хотя бы один член семьи нормально воспринял новость.

— Мы поговорим об этом позже, хорошо?

— Конечно. Поздоровайся за меня с напыщенной свиньей.

Сэм услышала смех Эммы, когда та передавала трубку назад маме.

— У неё разбито сердце, — всхлипнула она.

— Оно и видно.

— Я даже представить не могу, что скажут твои братья.

— Папа там? — спросила Сэм, надеясь положить конец заслуженному чувству вины, которое мать перекладывала на неё.

— Он повёл собаку на прогулку. Я просто надеюсь, что его сердце будет в порядке, когда он вернётся.

Сэм промолчала.

— Твои братья уверены, что ты беременна. Ты поэтому так неожиданно ввязалась во всё это?

— Нет, разумеется, нет, мам. Прямо сейчас я не могу рассказать тебе всё, но клянусь, что расскажу тебе больше, когда мы с тобой увидимся лично.

— Где твой муж?

— Прямо сейчас? — Сэм оглядела комнату. Она не хотела продолжать лгать, но какой у нее был выбор? — он в душе.

Кто-то постучал в дверь номера.

— Мам, я должна идти. Я люблю тебя. Всё будет хорошо, я обещаю.

Сэм повесила трубку прежде, чем мама успела ответить. Потом подошла к двери и открыла её. Женщина, одетая в костюм служащей отеля, вошла и поставила багаж Сэм на стойку, а на пол поставила две сумки с покупками. Потом женщина осмотрелась, словно надеялась увидеть Доминика. Она заметила неубранную постель и скомканные простыни.

Сэм заглянула в пакеты и нашла там одежду на тысячи долларов.

— Это не моя одежда, — обратилась Сэм к женщине.

Женщина улыбнулась.

— Подарок от вашего мужа.

Сэм взяла сумочку с другого конца комнаты и передала женщине чаевые.

— Вы очень удачливая женщина, — сказала ей та.

— Так и есть, — ответила Сэм, провожая женщину до двери. — Самая счастливая девушка в мире.

Глава 9

Доминик стоял в лобби "Уоллдорфа" с его великолепным мозаичным полом и хрустальными люстрами и давал очередной автограф. Он посмотрел на Бена и показал на свои часы — знак того, что они уже опаздывают.

— Я позвоню в номер, — сказал Бен, прежде чем исчезнуть.

Охрана неплохо справлялась, сдерживая количество фанов до управляемого количества. Доминик слушал, как женщина в возрасте читала ему лекцию на тему чрезмерных сексуальных сцен в современных фильмах; посмотрел на двери лифта, как раз вовремя, чтобы заметить появление Сэм. За ней по пятам следовал рой репортёров, побуждая случайных прохожих смотреть в их сторону.

Прищурив глаза он опознал рядом с ней двух журналистов... постоянные занозы в заднице, которые следовали за ним годами, делая его жизнь невыносимой.

Волосы Сэм крупными локонами спадали на плечи. Она надела красную футболку с

надписью "Без Цензуры", потёртые джинсы и пару балеток на плоской подошве, в которых выглядела на восемнадцать вместо... а сколько ей вообще лет?

Словно почувствовав, что он смотрит на неё, она встретила с ним взглядом мимо двух журналистов.

Актёр кивнул ей.

Бен протиснулся через толпу к Доминику и сделал жест в сторону Сэм.

— Я думал, что ты купил ей подходящую одежду.

— Я так и сделал. Прислал ей в номер три новых наряда, но очевидно, у неё есть собственное видение того, какое впечатление она должна производить, будучи моей женой.

Бен нахмурился.

— Кажется, тебя ожидает полный рот забот.

— Думаю, что ты прав. Я никогда не должен был позволять тебе и Тому уговорить меня согласиться на эту безумную идею.

Бен промолчал.

— Кстати, а сколько ей лет? — спросил Доминик достаточно тихо, чтобы его мог слышать только Бен, прежде чем слепо подписать собственную восемь на девять фотографию с его изображением и передать её молодой женщине, плящей на него.

— Чёрт, я понятия не имею, — ответил тот, после того, как женщина отошла. — Похоже, что вы двое не тратили время на разговоры прошлой ночью, я прав?

Доминик сохранил непроницаемое выражение лица, отказываясь давать объяснения. И, кроме того, вчера между ним и Сэм были только поцелуи — очень горячие поцелуи, но ничего больше. Когда они оказались в номере, их первый поцелуй был похож на прохладный ветерок, лёгкий, почти незаметный. Который затем превратился в бешеный шторм, и в течение нескольких минут они срывали друг с друга одежду. Но Доминик знал, что она выпила слишком много, и в отличие от общепринятого мнения, он не был тем сексуально озабоченным животным, каким его описывали таблоиды. Да, прошлой ночью он хотел Сэм больше, чем какую-либо другую женщину за очень долгое время. Но, у него были принципы, и он знал, что, несмотря на страстные поцелуи, Сэм Джонстон была пьяна.

Во время поездки на лимузине она ясно дала понять, что у неё нет никакого желания оказаться очередной зарубкой на изголовье его кровати. Но когда утром девушка выпрыгнула из постели, он решил — пусть её воображение работает за неё. Очевидно, Сэм считает его никчёмным неудачником, который воспользовался пьяной женщиной, с которой только что познакомился. Так зачем же доказывать ей обратное? И, кроме того, может быть, она и была права насчёт него, потому что после того, как попросила поцеловать её, а он подчинился, она довела его до безумия своими глубокими поцелуями и нетерпеливыми руками, и ему потребовались все силы, чтобы не воспользоваться ситуацией. По правде говоря, сейчас Доминик сожалел о своей стойкости. Она была его женой, и ей определённо требовалась хорошая встряска в постели, чтобы пробить кое-какую брешь в её доспехах.

Женщина, стоящая следующей в очереди за автографом подняла футболку, открывая на обозрение леопардовый лифчик. Очевидно, она хотела, чтобы он расписался у неё на груди.

— Бен, — произнёс он, — можешь с этим разобраться? — извинившись перед людьми, ждущими в очереди, чтобы встретиться с ним, Доминик направился к Сэм и её свите. Более чем несколько бизнесменов, остановившихся в отеле, присоединились к её вечеринке к тому времени, как он добрался до неё, и ему пришлось опять пробираться к ней через толпу.

При ближайшем рассмотрении он заметил, что Сэм Джонстон, нервничающая

журналистка, превращается в центр вечеринки, смеющийся и болтающий ураган, рассказывающий абсолютным незнакомцам вещи, которые они не имеют права знать. Один из журналистов имел наглость обнять её за талию и шарить по ней медлительными жестами.

Это было полным неуважением.

— Убери руки от моей жены, — прорычал Доминик.

Все взгляды устремились на него.

Журналист убрал руку. При этом у парня хватило наглости извлечь из кармана микрофон и протянуть его к Доминику с таким видом, словно это не он только что лапал его жену.

— Скажи нам, ДеМарко. Как прошла брачная ночь? — глаза журналиста загорелись. — Из всех крошек, из которых ты мог выбирать, ты выбрал её. Она, должно быть, горяча в постели, если ты понимаешь, о чём я.

Доминик схватил мужчину за рубашку, вызвав шум вокруг, когда прижал парня к отполированной деревянной панели.

— Доминик, — сказала Сэм. — Всё в порядке. Отпусти его.

Взяв его за руку, она потащила его через лобби. Швейцар придерживал дверь открытой. Заработали вспышки камер, когда они вышли из "Уолдорфа" и пошли к ожидающему снаружи лимузину. Бен плюхнулся на сидение рядом с водителем и через несколько мгновений они уже ехали в направлении аэропорта "ДжейЭфКей".

Доминик повернулся к Сэм.

— Ты не хочешь рассказать мне, что всё это значило?

Её глаза расширились и она расхохоталась.

На его подбородке появилась небольшая ямочка.

— У тебя нездоровое чувство юмора, Джонстон, ты знаешь об этом?

— Прости, — ответила она, — но о чём ты думал? Парень был безвредным. Я вполне могла и сама справиться с ситуацией.

Она права. О чём он думал? Она не его жена в истинном понимании этого слова. Что чёрт подери, с ним происходит? Даже сейчас, недоумевая и злясь, Доминик не мог выбросить из головы прошлую ночь: ощущение её гладкой кожи под его пальцами, её райский аромат, то, как она идеально умещалась в его руках. Сэм свела его с ума всего лишь несколькими поцелуями. Он мог только представить, что произойдёт, если они рискнут перешагнуть черту.

— Хотя, я должна признаться, — заговорила она, прерывая тишину, — мне вроде как нравится мысль о защитнике. У меня никогда раньше не было мужчины, который бы стал драться из-за меня.

— Ну, теперь он у тебя есть, — ответил актёр, злясь на самого себя.

Сэм положила руку ему на предплечье.

— Что-то не так? Я думала это то, чего ты хотел.

Он наклонился вперёд и нажал на панель, чтобы поднять перегородку между ними и двумя мужчинами, сидящими впереди.

— Я скажу тебе, что не так, — сказал ДеМарко, смотря на её тонкие пальцы, лежащие на его руке. — Каждый раз, когда ты так прикасаешься ко мне, мне становится всё тяжелее сохранять спокойствие.

Её подбородок чуть приподнялся, губы приоткрылись, призывая его наклониться ближе.

— Ты же говорила, что хочешь притвориться, что прошлой ночи никогда не было. Ты,

правда, этого хочешь?

Она не ответила.

Он поцеловал её в ухо, прежде чем его губы заскользили вниз по её шее. Дыхание Сэм было неровным.

— Я никогда и никого не хотел так сильно, как хочу тебя, — прошептал Доминик, желая, чтобы это оказалось ложью.

Её глаза были закрыты, грудь поднималась и опускалась при каждом вздохе, но она его оттолкнула.

Он хочет её. И если девушка подаст ему хотя бы крошечный знак, что хочет его, он возьмет её прямо здесь и сейчас.

— Прости, — сказала она. — Я... я не могу.

— Всё хорошо, милая. Я просто не привык к тому, что женщины играют со мной в игры.

— Играют с тобой в игры?

Доминик едко засмеялся.

— Ты же так поступала и раньше, да? Вся эта невинность, понимаешь, это как помахать морковкой перед глупым кроликом? Флирт с другими мужчинами, чтобы заставить своего парня ревновать.

— Это смешно, — сказала она. — Если ты говоришь, что я играю с тобой, ты абсолютно меня не понимаешь. Тот журналист хотел обратной реакции от тебя, и ты дал ему именно то, чего он хотел. Парень не был заинтересован во флирте со мной.

Доминик пристально её изучал, но ничего не увидел кроме упрямства на лице и того, как она держалась. Было сложно не поверить ей. Она не одевалась так, чтобы произвести впечатление. Не говорила ему того, что, как ей казалось, он мог бы хотеть услышать. Другой мужчина посчитал бы её упрямство раздражающим, но не он. Доминик устал от женщин, которые выполняли все его приказы, от женщин, которые смеялись лишь тогда, когда смеялся он, которые говорили, только если он с ними заговаривал. Сэм Джонстон была, словно гроза в ясный день, возбуждала его как никто до неё.

А ещё, если и было что-то, чему актёр научился у своей матери — это то, что женщины никогда не бывают такими, какими кажутся. Сэм может выглядеть искренней и настоящей, но это не продлится долго. Её истинные краски засияют достаточно быстро. Это, правда, он хочет её, но после того, как утолит свой голод, будет готов двигаться дальше. Отношения длиной в три месяца — это для него практически как целая жизнь.

Она вздохнула, нарушая ход его мыслей.

— Прошлая ночь была особенной, — произнесла Сэм, снова по ошибке принимая его молчание как обиду, ещё одна занятная черта её характера.

Он промолчал, но желание девушки всё ещё было осязаемым.

— Но то, что произошло между нами, — добавила она, — больше никогда не должно повториться. Мы можем быть женаты в глазах церкви, но мы не женаты здесь, — сказала Сэм, кладя руку на своё сердце, — там, где это по-настоящему имеет значение.

— Я вообще не против честности, милая, но правда в том, что я хочу тебя. А ты хочешь меня. Я вижу это в твоих глазах, — его взгляд не дрогнул. — По какой-то причине, Джонстон, ты творишь со мной безумные вещи. Ты очаровала меня, — он поднял руку к её лицу и погладил подушечкой пальца щеку. — Я не буду целовать тебя снова, пока ты сама не попросишь об этом. Но если ты будешь и дальше продолжать вот так прикасаться ко мне, хотя бы пальчиком, я не просто говорю тебе, а предупреждаю — ты играешь с огнём.

Глава 10

Их медовый месяц был спланирован заранее. Они остановились в "Princeville Resort" расположенном на двадцати трёх акрах вдоль "Puu Poa Ridge", с террасами на обрыве, выходящими на залив Hanalei. Для Доминика ДеМарко и его новой жены всё только самое лучшее.

Наверное, для кого-то с улицы, это выглядело чертовски идеально. Но, как Сэм уже начинала понимать, всё могло быть далеко от истины. Они прибыли на остров Kauai три дня назад. Согласно словам Бена, она и Доминик могут проводить большую часть времени внутри номера, так как он желал, чтобы весь мир думал, что молодожёны слишком заняты, чтобы выходить на свежий воздух.

Сэм стояла на балконе их до нелепости огромного номера, и смотрела, как заходящее солнце тает в Тихом океане, пока кристально чистые волны ласково выкатываются на берег. Доминик сбежал около часа назад, сказав ей, что ему нужно поговорить с консьержем.

С момента прибытия, они с Домиником едва ли обменялись друг с другом хотя бы парой слов. С тех пор как она оттолкнула его в лимузине, он отдалился от неё, избегая как чумы.

Номер был большим, но не настолько, чтобы помешать ей слышать каждое его движение. Фактически, большую часть времени, актёр проводил за чтением сценариев. Очевидно, новые предложения полились рекой, и ему нужно было принимать важные решения.

Сэм должна была быть счастлива, что ей не приходится все дни напролёт сопротивляться его шарму, но это было не так. Доминик всколыхнул в её душе нечто, что заставляло ощущать беспокойство.

С тех пор как Кен, её бывший, бросил Сэм, она была сосредоточена на том, чтобы оставаться сильной и независимой, полагаться только на саму себя, потому что больше никогда не хотела снова ощущать ту болезненную пустоту. После пяти лет, проведённых вместе, девушка верила парню больше, чем кому-либо другому за всю свою жизнь. И была уверена, что он был тем самым, единственным. Но вот однажды, Саманта пришла домой в пустую квартиру, и нашла там записку: "Я полюбил другую. Желаю тебе всего хорошего, Кен".

И вот теперь Сэм замужем за одним из самых горячих актёров Америки. Но, то обстоятельство, что её муж был великолепным и угрожал побить других парней за то, что те к ней прикасались, никак не означало, что она должна в него влюбиться.

Журналистка схватила со столика свой блокнот, ручку, перелистала страницы, пока не нашла чистую, и написала: "Третий день замужем за ДД. К этому человеку тяжело подступить. Когда он рядом, то ведёт себя как джентльмен, но я всё ещё ничего о нём не знаю. Как будто человек воздвиг невидимую железную стену между собой и остальным миром. Несмотря на то, что мы находились в одной комнате на протяжении трёх дней, я никогда не чувствовала себя более одинокой".

Телефонный звонок прервал ход её мыслей. Она положила блокнот на столик снаружи, затем вернулась в номер и, взяв трубку, с удивлением услышала еле различимый мамин голос.

— Мам?

— Привет, детка.

— Как ты меня находишь? Предполагается, что в регистратуре не должны перенаправлять звонки.

— Правда? Я всем говорю, что я — твоя мама, и это срочный вопрос, и если они не хотят, чтобы их имена вывалили в грязи, то должны соединить меня. Это всегда срабатывает.

Отлично.

— Хотела рассказать тебе, что дядя Джо и тётя Пэт записали для нас свадьбу, — продолжала тем временем мама. — Я только что просмотрела всю церемонию. И всё ещё не могу поверить, что ты замужем за Домиником ДеМарко. Моя маленькая девочка — знаменитость.

Сэм была рада, что мать уже не так прохладно относится к идее её замужества. Впервые за очень долгое время, мамин голос звучал оживлённо и радостно.

— Я не знаменитость, мам. Мой муж знаменитость.

— Разумеется, ты тоже. Пэт рассказала мне, что на днях в бакалейной лавке она видела тебя на большем количестве журнальных обложек, чем твоего мужа. Мне нравится то, что ты сделала со своими волосами, но я не уверена насчёт наряда, который был на тебе в день после свадьбы. Джинсы и футболка? О чём ты думала?

— Я хотела, чтобы в самолете мне было удобно.

Хоть она и чувствовала приближение головной боли, но с облегчением узнала, что мама пережила первоначальное расстройство по поводу того, что её не пригласили на свадьбу.

— Ты включала телевизор в последнее время?

— Сейчас мой медовый месяц, помнишь?

Мама засмеялась.

— То же самое сказали и твои тётя с дядей, но я просто обязана была позвонить. Клипы с твоей свадьбой появились на всех новостных каналах. Во время церемонии Доминик выглядел не совсем нормально. Он что, нервничал?

Сэм схватила пульт и включила телевизор. Кажется, снимки её и Доминика были на каждом канале. Потребовалось всего лишь пару раз нажать на кнопку, и она нашла канал, где показывали Доминика у алтаря. Выражение его лица было как у приговоренного к смерти, а взгляд проследовал по красному ковру к выходу. Актёр выглядел так, словно был в отчаянии, словно мужчину загнали в ловушку и он готовится из неё сбежать.

ДеМарко открыл дверь ключом и через пару дюймов остановился, услышав, что Сэм разговаривает с кем-то по телефону в другой комнате.

— Мам, всё в порядке, правда, — говорила она. — Это всё из-за камеры. Да, мы оба слегка нервничали, но этого вполне можно было ожидать. На нас смотрели тысячи людей.

Возникла короткая пауза, а потом он опять услышал голос Сэм.

— Да, я согласна, создаётся впечатление, что Доминик немного паникует. Да, я плакала. Это были слёзы счастья, мам. Это правда... я была просто счастлива от того, что выхожу за любимого мужчину.

Опять молчание, и Доминик предположил, что теперь говорит её мать. Напряжение, которое он услышал в голосе Сэм, заставило его сердце сжаться. Притворяться, что ты влюблён в абсолютно незнакомого тебе человека оказалось не так легко, как они оба себе это представляли, или надеялись. Больше всего на свете ДеМарко хотел свернуть шею Тому и Бену за то, что втянули его в это. После того, как актёра предал его же дядя, он должен был

рассказать миру правду. Вместо этого, мужчина прислушался к своему агенту и менеджеру, и лишь добавил ещё больше беспорядка в свою и без того сложную жизнь.

— Я знаю, мам. Пожалуйста, скажи тёте Пэт, что ей не о чем волноваться, Доминик очень внимательный и романтичный. Я никогда ещё не была так счастлива. Я расскажу тебе всё подробно, когда вернусь.

Мужчина внезапно почувствовал сожаление от того, что избегал её несколько дней. Сэм Джонстон казалась достаточно приятной. Она хотела историю и получила больше, чем они договаривались. Ему нравилась её сообразительность, но он был чертовски уверен, что не хочет чувствовать себя паршиво в этой ситуации. У девушки был выбор во всей этой истории. У него нет никаких причин брать всю вину на себя.

— Мне нужно идти, мам. Нет, муж опять в душе, иначе, я уверена, он с удовольствием поговорил бы с тобой.

Дерьмо. Доминик открыл дверь, и захлопнул её за собой с громким стуком.

Сэм повернулась, её глаза расширились, когда она увидела, что он идёт к ней. Мужчина отобрал у неё трубку, поднёс к своему уху и произнёс:

— Это мама?

ДеМарко склонил голову поближе к Сэм, чтобы она тоже могла слышать, как её мама кричит остальным членам семьи, что сейчас разговаривает по телефону с Домиником во плоти.

Сэм не могла пошевелиться. Вообще-то, было даже тяжело сказать, дышит ли она. Мужчина вдыхал свежий, терпкий аромат её волос. Его губы невольно коснулись шелковистых прядей.

Миссис Джонстон что-то говорила, и её голос вывел его из транса.

— Да, — произнёс он, — мы отлично проводим время. Ваша дочь — это всё, что я мог лишь надеяться получить от жизни... и, даже больше.

Сэм подняла на него взгляд. Невинное выражение лица, яркость её выразительных глаз застали его врасплох, и мужское сердце пропустило удар. Что же такого в ней было, что творило забавные вещи с его внутренностями, отчего он ощущал себя воздушным змеем, которого мотает туда сюда в ветреный день? Скользить и парить в безоблачном небе, а в следующий миг по спирали лететь прямо на землю.

Сэм вспыхнула и отвела от него глаза, уставившись на стену. Но ухо девушки всё ещё было прижато к трубке, волосы всё ещё находились у его губ. Фактически, подбородок Доминика касался женской макушки, пока её мама пересказывала ему длинный список талантов своей дочери.

Расстроившись, Сэм попыталась отобрать у него телефон. Он нахмурился, давая понять, что никуда не уйдет, пока её мама не попрощается.

— Нет, — сказал он в трубку, низко наклоняясь, и его подбородок коснулся щеки Сэм, а губы снова оказались в паре сантиметров от её уха. — Я не знал, что Сэм выиграла соревнования по хула в восьмом классе. Она полна сюрпризов.

Сэм закатила глаза.

— Да, думаю, вы правы, — ответил Доминик матери Сэм. — Она очень застенчива.

Сэм пихнула его локтем.

— Не беспокойтесь, — произнёс он. — Я попрошу её исполнить хула для меня, если это будет последнее, что я сделаю.

Он услышал, как мужской голос на заднем плане просит миссис Джонстон

предупредить Доминика насчёт не способности Сэм приготовить приличный обед, и том, что она постоянно что-нибудь разбивает, за что заслужила прозвище "Грация". Голос продолжал болтать о том, что девушка была сорванцом и хотела быть похожей на братьев, но никогда, ни на что не годилась. ДеМарко также услышал, как мама Сэм защищает её, говоря, что у Саманты есть иные таланты.

Внезапно Доминик начал понимать, откуда может происходить неуверенность Сэм.

Он почувствовал, как девушка замерла, и обнаружил, что хотел бы знать, о чём она думает. Определённо — это было впервые.

— Да, я ещё здесь, — сказал Доминик миссис Джонстон, когда она решила, что связь прервалась.

Сэм отрицательно покачала головой, когда её мать завела речь о ещё одной церемонии для членов семьи.

— Отличная мысль, — сказал он. — Если это сделает вас счастливой, мы можем провести ещё одну церемонию дома, в Малибу.

Пока мать Сэм строила планы, мужчина ещё раз вдохнул, не в состоянии удержаться от того, чтобы снова ощутить её свежий, цитрусовый аромат.

— Мне тоже было очень приятно, наконец, поговорить с вами, — сказал ДеМарко, его внимание сфокусировалось на том, какими мягкими были волосы Сэм, когда он прикасался к ним губами. — Я с нетерпением буду ждать встречи с вами.

Актер повесил трубку на рычаг, но не сделал ни единого шага, чтобы отодвинуться от Сэм. Точно также, как и она не попыталась отойти от него. Единственным звуком был лишь ласковый шум океана, доносившийся из открытых дверей, ведущих на балкон. За три дня он едва ли разговаривал с ней, и в данный момент не мог вспомнить почему. Каждый раз, когда мужчина оказывался рядом с ней, то понимал, что хочет наброситься на неё и схватить в объятия. Жар растёкся по его телу, каждая мышца сжималась от желания.

Доминик отказывался совершать снова ту же ошибку. Если она хочет между ними чего-то большего, то первый шаг должна сделать сама. Осознание того, как сильно он её хочет, разозлило его. Саманта — журналистка. Она здесь из-за того, что хочет получить историю, ради всего святого.

— Ты и понятия не имеешь, что только что сделал, — сказала ему Сэм.

— А что я сделал?

— Моя мать никогда не даст тебе забыть, что ты сказал насчёт ещё одной свадьбы.

— Ты права. Я увлёкся, — Доминик запустил пальцы в свои волосы. Если она думает, что это плохо, то не будет рада, узнав, что они будут делить одну спальню и постель, когда вернутся домой. В отличие от их номера для молодожёнов, где он мог бросить измятые подушки и одеяло на кровать, дома у него были уборщица и садовник, о которых стоило беспокоиться. Если они собираются провернуть этот трюк, им придётся играть счастливую пару каждый день и каждую ночь, пока все дела с браком не закончатся.

Прежде чем пара успела обменяться другими словами, послышался стук. Доминик посмотрел в глазок и, выругавшись себе под нос, открыл дверь.

Джулия продефилировала мимо него походкой модели, с ровной спиной и высоко вздёрнутым подбородком. Её светлые волосы были стянуты на затылке в конский хвост, который покачивался при каждом движении женских бедер.

Доминик выглянул в коридор, чтобы убедиться, что журналисты и фотографы не последуют за ней и закрыл дверь.

— Что ты здесь делаешь?

Взгляд Джулии метнулся к Сэм, прежде чем женщина осмотрела весь номер.

— Где она?

— Кто?

— Твоя новая жена?

— Стоит прямо перед тобой.

Джулия развернулась и снова посмотрела на Сэм.

— Это та женщина, на которой ты женился?

— Благодаря тебе я вроде как оказался в безвыходном положении, — ответил

Доминик. — После того, как ты меня покинула, выбор жён был несколько ограничен.

— Эй, — заговорила Сэм, — Мне кажется, ты говорил, что я прекрасна.

— Так и есть, сладенькая, — заверил он её.

— Сладенькая? — глаза Джулии налились кровью. — Ты говорил ей, что она прекрасна?

— Саманта — моя жена, почему нет?

Журналистка скрестила руки на груди.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я должна была стать твоей женой, — твёрдо заявила Джулия.

Он запустил пальцы в волосы.

— Джулия, к чему всё это? Почему ты здесь?

Та посмотрела на него прищуренными глазами.

— Поверить не могу, что ты мог пасть так низко.

— Хоть убей меня, но я не понимаю, почему ты так расстроена.

— В тот миг, как взлетел самолёт, я поняла, что совершила ошибку, — она шагнула ближе к нему, её грудь упёрлась в его грудь. — Я искренне верила, что ты приедешь за мной.

Я думала, между нами было что-то особенное. Я думала, ты любишь меня.

Джулия положила щёку Доминику на плечо.

— Я передумала. Аннулируй свой брак, и женись на мне. Я готова.

Он вздохнул.

— Может мне стоит оставить вас двоих наедине, чтобы вы могли всё решить, — предложила Сэм.

Доминик отодвинул бывшую подругу от своей груди.

— Нет, Джулия уже уходит.

Девушка упёрла руки в бока.

— Я не уйду. Мы можем всё исправить. Просто дай мне ещё один шанс, — её руки легли ему на грудь. Она проложила дорожку из поцелуев по шее артиста. — Позволь мне сделать это для тебя, — промурлыкала она. — Наши отношения могут быть лучше, чем когда-либо.

— Джулия, я понятия не имею, откуда ты это взяла. Я не влюблён в тебя, и никогда таковым не притворялся.

Джулия изо всех сил ударила его по щеке, а потом развернулась лицом к Сэм.

Саманта съёжилась, но в этом не было необходимости, потому что Джулия просто прорычала, указывая на неё пальцем.

— Ты уже спала с ним?

— Ну, хм... я...

— Хватит, — рявкнул Доминик.

— Он сделает всё, что в его силах, чтобы затащить тебя в постель и там держать. Соврёт что угодно, — сказала Джулия Сэм. — Парень пообещает тебе весь мир, а потом, когда придёт время, вышвырнет ради кого-то другого, и больше никогда не посмотрит.

— Я никогда и ничего не обещал тебе, Джулия. И думал, что мы друзья. Я никогда не хотел ранить тебя, — он открыл дверь. — Думаю, теперь тебе лучше уйти.

Джулия повернулась к Доминику.

— Не верю, что ты решил предпочесть её мне.

— Именно ты бросила меня.

— И ты заменил меня этой, — Джулия вздёрнула подбородок.

— Не смей говорить так о ней.

— Здесь есть над чем подумать, — с усмешкой сказала Джулия. — Я знаю, почему ты женился на Дурнушке Джейн.

— Она никакая не дурнушка.

Джулия фыркнула.

— Я дам тебе время обо всём подумать, но если ты не разведёшься, я выйду на публику, — и она ушла, захлопнув за собой дверь.

Доминик запер дверь на замок.

— Ого, — сказала Сэм. — Эта женщина просто в ярости.

Доминик не ответил.

— Мне показалось, ты говорил, что Джулия была просто другом, который оказывал тебе услугу.

— Таков был мой взгляд на ситуацию. Я никогда не говорил или не делал ничего такого, отчего она могла бы подумать, что между нами есть что-то большее, чем просто дружба. Женщины, — добавил мужчина с отвращением.

— Мужчины, — сказала Сэм с точно такой же интонацией. — Ты спал с ней, не так ли?

— Может и так, но слушай меня внимательно, — сказал Доминик, и его челюсть напряглась, — потому что скажу это тебе лишь один раз. Вопреки популярному мнению, я не сплю с каждой женщиной, с которой встречаюсь. По правде говоря, мы оба, — добавил он, помахав пальцем между ними, — не занимались любовью в нашу брачную ночь.

— Разумеется, занимались. Я была голой. Ты был голым. Я вся сияла.

— Правда, — ухмыляясь, сказал Доминик, желая поднять её на руки и отнести на кровать королевских размеров, несмотря на своё дурное настроение. Каждая его частичка желала Сэм, между ними искрилось напряжение. — Ты определённо сияла, и мы оба были голыми, — сказал мужчина, — но мы едва ли обменялись чем-то большим, чем просто поцелуями. Так что тебе не о чем сожалеть.

— Почему ты соврал?

— Давай просто предположим, что ты сама пришла к такому выводу, а я не стал тебя останавливать.

— Ты сказал, что пользовался презервативом.

— Ладно, я соврал. Но больше это не повторится. Отныне будет только правда. Договорились?

— Конечно, — без энтузиазма произнесла она. — Ничего кроме правды.

Доминик наблюдал, как солнце исчезает за горизонтом, пока лимузин ехал по Малибу.

Он отвернулся от окна и посмотрел на Сэм. Уголки его губ поползли вверх, когда мужчина увидел, как она растянулась на сидении напротив него, неудобно заведя одну руку за голову, пока другая свисала с сидения. Рот девушки был чуть приоткрыт, и при каждом выдохе с её губ слетало тихое фырканье.

Женщина похрапывала.

Каким-то образом он этого не заметил, проведя с ней вместе всю прошлую неделю. Их номер для молодожёнов был чрезвычайно велик, и каждую ночь Доминик спал на диване. Но не прошло, ни одной ночи, чтобы мужчина не хотел пробраться в постель к своей временной жене и заняться с ней любовью. Чёрт, она ведь тоже хочет его; ДеМарко видел это в её глазах, и чувствовал в каждом фальшивом поцелуе, которыми они обменивались, как только оказывались в поле зрения папарацци. Но актёр сказал Сэм, что не прикаснётся к ней, и она должна сделать первый шаг, и это означает, что ему нужно набраться терпения.

ДеМарко запустил пальцы в волосы и попытался взять себя в руки. И всё же, единственной его мыслью было, как, чёрт подери, он собирается жить с Сэм Джонстон под одной крышей в течение трёх месяцев, и не прикасаться к ней? Это была проблема, с которой актёр раньше никогда не сталкивался.

Он привык к тому, что женщины сами предлагают себя, и хотя его не всегда радовало то, что предлагали, актёру нравилось, что у него есть выбор. Секс был забавным и мимолётным, и это было также единственной вещью, которую Доминик мог предложить женщинам, так как был неспособен дать им что-либо другое. Любовь была фарсом; этот урок преподала ему много лет назад мать, когда оставила с отцом. Мальчику было десять. Как она могла бросить его с алкоголиком? ДеМарко получил тяжёлый опыт того, что женщины были временным явлением, и каким-то образом вырос, предпочитая смотреть на жизнь именно так.

Вздыхнув, он продолжил рассматривать Сэм Джонстон. Она не умеет скрывать свои эмоции. То, что ты видишь и есть то, что получаешь. Большинство женщин, с которыми Доминик встречался, были сдержанными, и проходили недели, прежде чем ему удавалось выведать у них интимные детали. Но мужчина подумал, что когда три месяца закончатся, то сможет узнать Сэм вдоль и поперёк.

Или нет?

В его жизни было много людей, которые предавали, он не мог не задумываться о том, что может быть, она просто очень хорошо играет в игры.

Доминик рассматривал её. Ей удалось впихнуть очень много в очень маленькую коробочку. Возможно, она и не была чувственной и соблазнительной, но Сэм была женственной. Сегодня девушка надела джинсы и белую хлопковую футболку, которая задиралась немного вверх, обнажая полоску безупречной кожи цвета слоновой кости.

Лимузин резко повернул, прежде чем свернуть на длинную плиточную дорогу, ведущую к его дому. Когда машина начала замедлять движение, Доминик заметил блокнот Сэм, прижатый её бедром. За последние несколько дней он много раз замечал, как она делает записи, а потом ещё видел то же самое в самолёте. Актёр потянулся за записной книжкой.

— Прикоснёшься к нему и умрёшь.

— Она жива, — со смешком произнес он.

Сэм сонно привела себя в сидячее положение, потом засунула блокнот в свою сумочку и

выглянула в окно. Её челюсть отвисла.

— Ого, это твой дом? Как ты можешь владеть таким огромным домом? Я думала, что из-за дяди ты лишился всех своих денег.

Его подбородок напрягся.

— Я купил этот дом за годы до того, как мой дядя обманул меня, — он проследил за её взглядом, осматривая свой дом. ДеМарко купил "Old World Spanish асиенду" у Дастина Хоффмана пять лет назад. Дом стоял в окружении пышной тропической растительности, что давало больше приватности, чем открытое пространство. Правда в том, что ему следовало бы продать дом в ту же минуту, как актёр узнал, что сделал его дядя, но мысль о продаже из-за действий родственника претила ему. — Наслаждайся, пока можешь, — сказал он, прежде чем выбраться из лимузина.

Солнце уже село, но луна была полной и круглой, что служило приятным дополнением к пейзажу.

Сэм последовала за ним через старые ворота, сделанные из толстых брусьев и кованого железа. Дорожка из испанской плитки вела мимо каменного фонтана, освещенного маленькими подводными лампочками. Вода лилась из камня и падала в фонтан.

Доминик открыл дверь. Она была не заперта, что значило, что Мария была дома. Он так и не сказал Сэм, что им придётся делить постель следующие три месяца. От этой мысли ДеМарко улыбнулся. Когда мужчина повернулся лицом к Сэм, то задумался, что же произошло с девушкой в свадебном платье, которая свалилась на него и смеялась после того, как актёр спас её от толпы; с женщиной в лифте, чьи глаза просили: "Поцелуй меня, и, чёрт подери, сделай это хорошо".

Та женщина исчезла.

Сэм уже трансформировалась назад, в жёсткую, непробиваемую журналистку. Она больше не напоминала милую похрапывающую нимфу, которой была всего лишь пять минут назад. Он не видел, когда Сэм воспользовалась заколкой, чтобы затянуть в узел волосы на макушке. Девушка твёрдо стояла перед ним, хмурая и с очками в толстой оправе на носу.

Эта Сэм Джонстон совершенно не походила на женщину, которая обнимала его за шею и просила перенести её через порог в их брачную ночь.

— Что-то не так? — спросила она, увидев его явное беспокойство.

— Откуда взялись эти очки?

— Почему они тебя так заботят?

— Дело не в этом, просто в них ты кажешься слишком серьёзной. Я не припоминаю, чтобы ты их раньше надевала.

— Я носила линзы. Наверное, ты поспешил, женившись на незнакомке. У меня может храниться ещё куча скелетов в шкафу.

Крошечный намёк на улыбку испарился.

— По правде говоря, я не планировала так надолго отлучаться из дома, — сказала она ему. — Контактные линзы, которые я ношу — одноразовые, и их можно использовать только несколько дней. Завтра мне нужно поехать в мою квартиру и забрать мои... что ты делаешь?

Он протянул руку ей за голову и убрал заколку, стягивающую волосы. Потом стащил очки с её носа.

— Вот. Вот девушка, на которой я женился. Просто проверяю, действительно ли это ты.

Сэм протянула руку.

— Отдай мне мои очки, пожалуйста.

Он подошёл ближе, его губы были в паре дюймов от неё.

— Позади меня в деревьях скрывается парень. У него есть камера. Думаю, мы можем дать ему возможность заработать.

— Ты шутишь, — Сэм оттолкнула его. — Хорошая попытка, — сказала она, прежде чем отобрала у него свои очки, надела их и пошла по зелёной траве, окружающей собственность. Остановившись у края лужайки, девушка всмотрелась в деревья и попыталась разглядеть фигуру в тени.

Мелькнула яркая вспышка. Там определенно кто-то был.

— Кто бы вы ни были, — закричала Сэм, — лучше бы вы убрались отсюда. Здесь частная территория и я вызываю полицию.

Через несколько минут Саманта присоединилась к нему на кухне.

— Ты вызвал полицию?

Он покачал головой и наполнил стакан водой из фильтра, наслаждаясь тем, как она лихорадочно ищет телефон, сидя у встроенного стола в углу.

После того, как Сэм обнаружила телефон, Доминик отобрал у неё трубку и повесил обратно на рычаг.

— Что ты делаешь?

— Вызов полиции не сулит ничего хорошего. Парень в деревьях исчезнет до их приезда, а ты на час завязнешь в бумажной работе.

— Ты шутишь?

— Нет.

— И так происходит всё время?

— Скорее чаще, чем реже.

Она выдохнула и задумалась, словно действительно была обеспокоена, что не имело никакого смысла.

— Почему ты так удивлена? — спросил у неё Доминик. — Ты же журналистка из таблоида. И являешься частью скользкой стороны гламурной прессы.

— Только послушай себя, Мистер Знаменитость.

Он засмеялся. Второй раз за пять минут — беспрецедентно.

— По правде говоря, я мечтала стать журналистом-следователем, но нужно откуда-то начинать. Иначе у меня не останется иного выбора, чем жить с родителями.

Доминик секунду смотрел на неё, раздумывая, правду ли она говорит.

— А как насчёт тебя? — спросила Сэм. — Ты всегда хотел стать актёром?

Он оперся бедром о гранитную стойку.

— Я начал играть еще, когда был очень молод. Я был застенчивым и неуверенным в себе ребёнком, но в тот миг, когда оказывался на сцене, то становился другим человеком. И никогда не оглядывался назад.

Их взгляды встретились, каждый изучал другого, и ни один из них не верил второму.

Сэм посмотрела через французские двери, ведущие на задний двор.

— Ты не говорил мне, что живёшь на пляже.

— Ты не спрашивала.

Девушка вышла на каменное патио. Там был бассейн, окруженный прекрасными скульптурами. Деревянные ступеньки спускались вниз, к пляжу.

Доминик вышел за ней на улицу. Её волосы остались распущенными, и ветер с океана развеивал их, закрывая щеки и подбородок. Сэм обладала естественной красотой с обилием

сексуальной привлекательности, и всё же было ясно, что она этого даже не понимает.

Звук приливных волн, накатывающих на берег успокаивал его, когда Доминик вдыхал острый аромат океанского воздуха.

— Потрясающе, — произнесла Сэм. Через секунду она посмотрела на него через плечо и вздохнула. — Что я здесь делаю?

— Что ты имеешь в виду?

Саманта махнула рукой в сторону океана.

— Взгляни на это место. Это рай, — потом посмотрела на кольцо на своём пальце. — Однажды я прокрадываюсь в церковь в Нью-Йорке в поисках истории, и в следующий миг оказываюсь замужем за тобой, одним из самых сексуальных мужчин Америки, — она покачала головой. — Невероятно.

— Самый сексуальный мужчина Америки, говоришь?

Девушка кивнула.

— Обещаю не зазнаваться.

— Слишком поздно для этого, — пошутила она.

— А я женат на самой сексуальной женщине в мире, — сказал ДеМарко. — Ты права. Это просто не укладывается в голове.

Саманта засмеялась.

— Даже не начинай. Я слишком устала сегодня, чтобы спорить с тобой. Пожалуйста, проводи меня в мою комнату.

— Насчёт этого... есть кое-что, о чём я давно хотел тебе сказать.

Глава 12

— Мистер Доминик, — послышался женский голос из глубины дома. — Вы вернулись!

Не высокая темноволосая женщина выбежала на улицу, чтобы поприветствовать его. Доминик раскрыл руки и после краткого объятия, произнёс:

— Мария, хочу познакомить тебя с моей женой, Самантой.

Тёплые карие глаза женщины просияли, когда она выступила вперёд, взяв Сэм за руки.

— Я так рада встретиться с вами, миссис Доминик. Я отвечаю за поддержание порядка в доме, чтобы вам и вашему мужу было здесь комфортно. Дайте мне знать, если вам что-нибудь понадобится, — она сжала руку Сэм и добавила, — я сплю наверху, так что вы можете не волноваться насчёт уединения, — потом Мария шагнула назад и посмотрела на девушку долгим взглядом, прежде чем снова повернуться к актёру. — Вы сделали хороший выбор, мистер Доминик. Воистину, очень хороший выбор.

ДеМарко улыбнулся, но в этот раз его улыбка отличалась от тех, которые Саманте довелось увидеть за прошедшую неделю. Она коснулась мужских глаз. Уважение и восхищение, которые он питал к этой женщине были написаны на его лице.

— Уже поздно, — сказала Мария. — Я уже спала. В холодильнике стоит лазанья и курица, и любимые домашние тамали мистера Доминика.

— Очень рада познакомиться с вами, — проговорила Саманта. Когда Мария исчезла, Сэм прищурила глаза и упёрла руку в своё бедро.

— Что?

— Ты не сказал, что у тебя в доме живёт домработница.

— Ты не спрашивала. Пошли, — сказал он, и потащил её в дом. — Позволь я покажу

тебе, где ты проведёшь следующие три месяца.

Они прошли рука об руку по одному коридору, потом по другому. Дом был огромным, с до нелепости высокими потолками и широкими, никогда не заканчивающимися переходами. В таком огромном доме человек мог бы с лёгкостью заблудиться. Ворсистые зелёные шторы и пушистый ковёр приятно контрастировали со стенами кремового цвета. На них красовались богатые, нарисованные маслом картины, придавая дому теплоты, хотя глубокая тишина заставила её задуматься, как же один мужчина и его домработница могут жить в таком огромном здании.

Дом большой, решила Саманта, но и близко не такой огромный, как самомнение ДеМарко. Каждый раз, когда она считала, что её решительность тает на глазах, то вспоминала обо всех историях, что читала о нём. Он был помолвлен более чем единожды, и каждый раз отступал в последний момент. Актёр оплодотворил такое количество женщин, что она потеряла им счёт ещё много лет назад. Ещё была история о том, как его мать много раз пыталась встретиться с ним, но он отказывался иметь с ней какие-либо дела. Историй было множество.

Каким-то образом ей придётся найти способ жить с этим мужчиной и не поддаться на его очарование. Это будет нелегко. Каждый раз, когда Сэм смотрела ему в глаза, она чувствовала сексуальную энергию, искрящуюся между ними.

Они поднялись по широкой круговой лестнице с изготовленными на заказ коваными перилами, которая выходила на большую площадку, и переходила в очередной длинный коридор, пока, наконец, не достигли пункта назначения. Его спальня была больше, чем вся её квартира, и тут было достаточно места для королевских размеров кровати, камина и гардероба, размером с гараж на две машины.

— А где ты будешь спать? — спросила она.

— Прямо здесь, с тобой.

— Я не собираюсь спать с тобой в одной комнате следующие три месяца. Мне нужно собственное место.

— Ты забываешь о нашем соглашении. Если Мария или Нестер...

— Кто такой Нестер?

— Садовник. Он приходит несколько раз в неделю. Есть ещё парень, который ухаживает за бассейном и иногда помогает Марии, когда её требуется помощь. Если они увидят, что ты спишь в другой комнате, появится куча разговоров и спекуляций.

— На Гавайях ты спал на диване. Почему сейчас мы должны делить одну постель?

Его взгляд стал острым.

— Здесь нет дивана, и кроме того, я хотел дать тебе время привыкнуть ко мне. Я устал играть в игры. Мы заключили сделку. Мы женаты и мы будем делить спальню и эту постель.

— Было бы очень мило с твоей стороны, если бы ты предупредил меня об этом до этого момента.

— И испортить сюрприз? Не волнуйся, — продолжил он, — в кровати достаточно места для нас обоих, хоть я и верю, что было бы лучше, если бы мы консумировали брак прямо сейчас. Мы могли бы покончить со всей этой глупостью раз и навсегда.

Она засмеялась.

— Ладно, — сказал он. — Можешь продолжать строить из себя недотрогу, но я не собираюсь облегчать для тебя эту ситуацию, Джонстон.

— В смысле?

— Для начала, — ответил Доминик, и его губы оказались слишком близко к её губам, — иногда я хожу голый. Считай это предупреждением.

Она сделала шаг назад и покачала головой.

— И я уверена, что при этом, ты бьёшь себя в грудь и кричишь как Тарзан. Пожалуйста, пусть моё присутствие не мешает твоему привычному поведению, — Сэм развеселилась и по какой-то причине почувствовала, что должна взять дело в свои руки. — Я здесь по одной единственной причине, — продолжила девушка. — Получить историю... твою историю. По какой-то чудовищной причине Америка хочет знать всё о Доминике ДеМарко, включая тот факт, что он ходит по своему огромному дому, в чём мать родила. Просто даже на миг не думай, что твоя нагота заставит меня захотеть тебя, потому, что если это то, на что ты надеешься, то ты ещё многого обо мне не знаешь.

Она подошла к матрасу, села на него и попрыгала. Доминик стоял перед ней — греческий бог во плоти. Что останавливает её от того, чтобы узнать о нём всё?

Всё.

Ради истории Сэм должна заняться с ним любовью, чтобы самой понять, из-за чего вся шумиха.

Она снова посмотрела на актёра. И увидела на его лице улыбку Чеширского кота.

— Ты думаешь, я хочу тебя, да?

— Совершенно верно. С нашей брачной ночи, я никогда не видел, чтобы женщина так изголодалась по любви.

— Давай, — сказала она. — Раздевайся. Прямо сейчас. Покажи, что у тебя есть. Посмотрим, заставишь ли ты меня желать тебя также как все те женщины.

Он задумчиво потёр подбородок.

— Хорошая попытка, но я так не думаю. А думаю, что подожду, пока ты не придёшь ко мне и искренне не станешь умолять снять всё с себя.

— Я не изголодалась по любви, — сказала Сэм, вставая на ноги. Она соблазнительно качнула бёдрами, и двинулась к нему; или надеялась, что это выглядело именно так. Подойдя к нему достаточно близко, чтобы ощутить мускусный запах мужского одеколona, девушка взяла его за рубашку и притянула к себе. Его грудь была твёрдой, плечи широкими. Он был более чем великолепен, и был не единственным, кто мог бы воспользоваться хорошей возней на сеновале.

Почувствовав прилив смелости, с бьющимся сердцем, она провела ладонью по его челюсти.

— Я говорю, давай сделаем это прямо здесь и прямо сейчас.

Когда Доминик улыбнулся, появились ямочки.

— Я думал, ты никогда не попросишь.

— Я не была с мужчиной уже очень давно, — сказала она ему. — Я трезвая, и готова, так что сделай всё хорошо, ДеМарко, потому, что следующего раза может не быть.

Он не выглядел убежденным.

Что-то сильное и мощное заструилось по её телу, когда она сняла рубашку с его тела, восхищаясь безукоризненными бицепсами и бронзовой грудью.

— Ты был прав с самого начала. Если мы собираемся какое-то время жить в одной комнате, мы могли бы извлечь из этого всё самое лучшее, — Сэм провела ладонью по его груди.

— Я рад, что ты наконец-то прозрела.

— Больше никаких игр, — промурлыкала она ему на ухо.

Он длинно и протяжно застонал, и Саманта поняла, что виляние бедрами и смелый разговор сработали.

— Я просто удовлетворяю свое сексуальное желание, — проговорила девушка самым хриплым голосом, на какой только была способна.

— Я это вижу.

Ощущая всё большее удовлетворение от своих нахальных действий, она сказала:

— Я была лишена мужских прикосновений уже очень давно.

— Это я уже слышал.

Неловко поднявшись на цыпочки, прижавшись грудью к его каменному прессу, Сэм накрыла его губы своими, склонив голову, пробуя его на вкус, наслаждаясь ощущением мужских губ на своих. В её животе порхали бабочки, лишая дыхания.

Сэм сделала шаг назад. Голова кружилась от одного простого поцелуя. Дерьмо. Она не намеревалась заходить так далеко. Теперь он был почти голый, и собирается снять свои брюки.

— Остановись прямо на этом месте, — сказала девушка, и её голос был похож на голос копа, чем на соблазнительницу, которую она сейчас изображала.

Одна его бровь поползла вверх.

— О нет, ты не собиралась.

— Это была шутка.

— Шутка? — он запустил руки в свои волосы. — Что, чёрт подери, это всё означало?

— Я хотела преподать тебе урок.

— И какой же безумный урок я должен был получить после того, как ты сосала мой язык и тёрлась об меня своим телом? — актёр наставил на неё палец. — Ты — динамщица, именно то, что я и говорил всё время.

Сэм наморщила нос. Он прав. Она играла с ним. И думала, что может заставить ДеМарко ощутить вкус его собственного поведения, но зашла слишком далеко. Если у них когда-нибудь и будет секс, то она бы хотела, чтобы это имело значение для обоих.

Напрягая все мышцы, Доминик изучал её. Он не был зол, или расстроен так же сильно, как был разочарован. Мужчина не помнил, когда в последний раз хотел женщину так, как хочет Сэм. И это не имело никакого смысла. Она была крошечным созданием, её бёдра и грудь не заслуживали даже упоминания. Девушка была невинна, вертихвостка, чёртова журналистка, готовая на всё, чтобы заполучить историю.

Он её предупреждал, но пропади всё пропадом, ей это было не нужно. В мгновение ока, маленькая шалунья взяла всё под свой контроль. Колыхание женских бедер привело его в восторг, прикосновение её языка было волнующим, но когда она прижалась к нему, охотница, мегера, то пробудила все чувства, и стала причиной его гибели.

Он ничего не хотел так сильно, как сорвать с них обоих одежду, поднять её на руки и отнести в постель.

Пропади всё пропадом. Она оказалась вертихвосткой — прекрасной вертихвосткой.

Покачав головой, он развернулся и направился в ванную, где провёл следующие пять минут стоя под холодным душем, почистил зубы, и приготовился ко сну. Доминик вышел одетый только в боксеры и, не удостоив её даже взгляда, улёгся под простыни и выключил лампу со своей стороны кровати.

— Прости меня, — произнесла она едва слышным голосом.

Он всё ещё ощущал её запах, дразнящий и соблазнительный, даже сейчас. Лежа на спине, закинув руки за голову, актёр лишь хмыкнул.

— Правда в том, — продолжала Сэм, — что я просто не хочу быть ещё одной женщиной в твоём длинном списке сексуальных партнеров.

— Я сплю, Сэм. Посмотри на мои глаза. Они закрыты.

— Если мы когда-нибудь займёмся любовью, я хочу чтобы это что-нибудь значило.

Он испустил долгий, тяжелый вздох. Как долго она собирается казнить себя, и мешать спать им обоим?

— Хотя я и не очень хорошо тебя знаю, — сказала девушка надломившимся голосом, — думаю, что ты — отличный парень.

С него хватит. Он опёрся на свой локоть.

— Сэм, не волнуйся о своей детской шутке. Я всё понял, хорошо? Ты не хочешь быть очередной заметкой в моей чёрной книжке...

— На изголовье твоей кровати, — поправила она. — У тебя есть чёрная книжка?

Он закатил глаза.

— Ты хочешь меня. Я хочу тебя. Но я не могу давать тебе какие-либо обещания. Ни сейчас, ни потом. Каким-то образом мы это переживём. У нас нет выбора, — Доминик снова улёгся на подушки и похлопал по её стороне матраса. — Как я говорил раньше — это большая кровать. Я не собираюсь воспользоваться преимуществом, нет никаких поводов для волнения. Обещаю.

Снова закрыв глаза, он услышал её вздох перед тем, как за ней со щелчком закрылась дверь ванной.

Правда в том, что она беспокоила его. Чрезвычайно. Он этого не понимал, пока это не случилось. Всё не имеет никакого смысла. Большое дело — Сэм пришла к нему, затем кинула его. "Забудь об этом", — сказал ДеМарко сам себе, потом повернулся и уснул.

Несколько часов спустя, Сэм лежала рядом с Домиником и смотрела, как его грудь медленно поднимается и опускается. Он всю ночь ворочался с места на место.

Что, чёрт подери, я пытаюсь доказать? Она хотела преподать ему урок за то, что он заманил её в ловушку. Всё это время ДеМарко знал, что они оба будут вынуждены делить его спальню и постель, но не сказал ей об этом до самого последнего момента. Сэм думала, что проучит его, но всё её поведение сексуальной кошечки прошло даром.

Доминик часто казался скрытным и отчуждённым, но в тот момент она полностью завладела его вниманием, и увидела в нём намек на другого человека. Без всяких сомнений, он самый сексуальный мужчина из всех тех, которые ей когда-либо нравились. ДеМарко также любил флиртовать, был забавным, и, вроде как, милым. Сэм хотела его всего. И никогда не сможет понять это. Пришло время собраться с силами и попытаться осознать, как она собирается пережить следующие три месяца.

Будучи не в состоянии уснуть, девушка тихо выскользнула из постели. Она подняла с пола его рубашку и надела её. Закачала длинные рукава и застегнула одежду прежде, чем покинуть комнату. С любопытством, Сэм прошла к лестнице и прошла через очередной широкий коридор. Дальше мимо комнаты с закрытой дверью, которая, как она предположила, вела в комнату Марии. Следующая дверь справа была открыта. Ещё одна королевских размеров кровать, как и в комнате Доминика, заполняла половину комнаты.

Огромное двойное окно занимало всю стену, у противоположной стены размещались комод и зеркало.

Через окно она увидела большие просторы с пышной зелёной травой и хорошо ухоженными кустарниками, освещёнными дюжинами уличных лампочек. Прищуriv глаза, Саманта попыталась рассмотреть, скрывается ли в деревьях ещё кто-нибудь, но в темноте ничего не смогла рассмотреть. Отвернувшись от окна, девушка побрела в смежную ванную, в которой имелись все удобства, включая телефон и интерком.

С висящего над раковиной зеркала на неё смотрело её собственно отражение. Глаза всё сказали. Она уже влюбляется в Доминика ДеМарко. Как это может быть? "Может, я путаю похоть с любовью?" — Сэм закрыла лицо руками и застонала.

Через несколько месяцев она может выйти из этого дома с разбитым сердцем. Сколько раз сердце может быть разбито, а потом собрано заново?

Она обречена.

Или нет?

Снова посмотрев на женщину в зеркале, Сэм собрала всю волю и решимость, которую развивала до поездки в Нью-Йорк. Она полетела на свадьбу, потому что хотела что-то сделать самостоятельно, ведь так? Она вышла за этого мужчину по определённой причине. У неё была цель и запал, и единственный способ, благодаря которому журналистка сможет пройти через фиктивный брак — это оставаться сосредоточенной и придерживаться истории.

История.

История — это всё, что имеет значение.

Доминик ДеМарко никогда не влюбится в такую девушку, как она. Это временный брак. Если Сэм сможет остаться сильной, её жизнь буквально переменится. Она сможет добиться уважения, к которому всегда стремилась, не только от родителей и братьев, но также от друзей и коллег.

Саманта вышла из ванной. Её ноги тонули в пушистом ковре, пока она спускалась вниз, в кухню, поискать в сумочке свои записи. Найдя всё, что нужно, девушка прошла в гостиную, села на диван и начала писать.

Большую часть полёта Доминик обсуждал с Беном и Томом возможные сделки по фильмам и различные функции, которые они запланировали на следующие несколько месяцев. Она узнала, что Том был не только агентом Доминика, но и его хорошим другом, тогда как Бен казался лишь убеждающим менеджером с большими идеями.

Во время поездки домой Сэм пристально наблюдала за своим мужем. Он имел привычку потирать подбородок, пока что-то обдумывал. А когда не соглашался с чем-то, что говорили Бен или Том, то чесал левый висок.

— Ходит по дому голый, — добавила она в самом низу списка. — Чрезвычайно наглый, как Гастон из "Красавицы и Чудовища". Как правило, закрытый и осторожный, как будто скрывает миллион секретов. Несмотря на свою загадочную личность, ДД, однозначно, самый сексуальный мужчина из всех, кого я видела.

И как она собирается спать с ним ночь за ночью? Саманта постучала ручкой по подбородку и обнаружила, что раздумывает над идеей заняться с ним любовью. Как это будет? Они будут тесно прижиматься друг к другу в душе или, ещё лучше, на пляже, пока волны будут омывать их обнажённые тела...

Глава 13

Доминик проснулся среди ночи и услышал, как кто-то разговаривает в другой комнате. Он протянул руку туда, где должна была спать Сэм, и разочаровался, когда обнаружил, что место уже свободно. Эта женщина была вертихвосткой, всё просто и ясно и, в конце концов, она придёт к нему. Это всего лишь вопрос времени.

Часы на его ночном столике показывали три утра. Судя по звукам, доносившимся из гостиной, у Сэм была вечеринка.

Актёр выбрался из постели.

Несмотря на то, что ранее он предупредил Сэм, что ходит голым, Доминик прошёл через комнату к высокому шкафу и натянул на себя футболку, прежде чем выйти за дверь. Мужчина остановился в проходе в виде арки, ведущим в гостиную, где и увидел на диване Сэм.

На экране телевизора ведущий ночного шоу довёл аудиторию до слез.

Должно быть, Сэм не удалось заснуть. Если бы ДеМарко не видел, как она вчера спала в лимузине, то по тому, как её рука свисала с дивана, он бы решил, что она умерла.

Мужчина покачал головой, когда увидел, что её рот снова приоткрылся. Одна рука лежала на лбу, словно она упала в обморок. Его рубашка облегла её тело, обнажая сливочные бёдра. У него внезапно появилось ощущение, что ему в горло засыпали песок.

Мужчина пересёк комнату, схватил одеяло из корзины, стоящей рядом с его любимым креслом и укрыл её. Сэм не пошевелилась. Благодаря свету от телевизионного экрана, освещавшего девушку, Доминик мог видеть всё без ограничений, её тонкие руки и короткие без лака ногти.

ДеМарко наклонился и убрал с лица Сэм шёлковистые пряди волос. Её губы, розовые и полные, прямо-таки звали к поцелуям. Он подумал о том, чтобы перенести жену назад в кровать, и показать, что она упускает из-за своего упрямства. Но вместо этого, выключил телевизор и бросил на неё последний, мимолетный взгляд прежде, чем вернуться назад в свою спальню.

Временно или нет, у него появилась жена.

Наверное, ему стоит попытаться быть более открытым с ней, рассказать, что большинство историй о нём являются ложью. Чёрт подери, он же порядочный человек, со своей системой ценностей, принципами и гордостью, но знаменитость с моральной системой ценностей не продаст журналы или билеты в кино. Публика желает читать о бабнике, и пока журналисты таблоидов, такие как Сэм, будут продавать людям этот мусор, ничего не изменится.

Сэм проснулась.

Она села и заметила, что одеяло не дало ей замерзнуть. Телевизор тоже был выключен. Саманта расчесывала пальцами спутанные волосы, пока шла по дому.

— Доминик?

Она вошла в его спальню. Постель была застлана, везде царил порядок, никакого признака, что он вообще спал в комнате. Девушка заглянула в гардеробную. Одежда актёра была развешана по цветам и находилась в идеальном порядке.

Вернувшись в спальню, Сэм заметила фотографию на ночном столике — чёрно-белый снимок маленького мальчика с родителями. Она читала, что у отца Доминика были

проблемы с выпивкой, а мать сбежала, оставив их обоих. Несмотря на то, что мальчик на снимке стоял между обоими родителями, он выглядел грустным. Вид Доминика как одинокого ребёнка, затронул её сердце.

Часы, стоящие рядом с фотографией в рамке, показывали десять часов. Понедельник. Чёрт! Она опоздала на работу.

Час спустя, одевшись и позавтракав омлетом, который приготовила для неё Марта, Сэм расплатилась с таксистом и вышла на тротуар. Она могла видеть Вашингтон Мьючуал и главный офис "Лос-Анджелес Таймс". Еще журналистка увидела "Northridge Mall", парочку театров и кафе.

Так как ей всё ещё было нужно забрать свои вещи из квартиры, у Сэм не оставалось иного выхода, кроме как одеть ту же самую юбку, что была на ней, когда она ехала в Нью-Йорк чуть больше недели назад. Разгладив складки, Саманта прошла вперёд, в сторону тусклого серого дома, в котором провела последние пять лет, разбираясь с картотекой и отвечая на звонки.

Высоко держа голову, она прошла через лобби и главный офис, мимо лабиринта из кабинок.

Все взгляды были устремлены на неё.

Сэм махнула рукой Джону Бентону, старшему редактору, но он отвернулся, притворившись, что занят бумажной работой. Она получила тот же самый ответ от всех остальных сотрудников, включая Кристин Дженкинс, Кейт Гаррисон и Адрианы Симпсон. Они не хотели иметь с ней ничего общего. В их мыслях она предала их всех.

Её босс, Митси Харт, женщина, происходящая из длинной череды жестких легенд журналистики, помахала ей из своего кабинета. За последние годы Митси применяла так много грязной артиллерии, что многие считали, что газета превращается в таблоид, но ей было плевать. Хорошее или плохое, но Митси нравилось внимание. "Ритм ЛА" бил рекорды продаж, и это все, что имело значение.

Митси смяла в руке клочок бумаги и швырнула его в мусорную корзину. Потом махнула в сторону одного из кожаных кресел перед ее столом.

— Присаживайся.

Сэм не понравилось выражение взгляда Митси. Её губы, тонкая красная линия сочетались с мрачным выражением лица. Она упиралась локтями в стол, пальцы образовывали верхушку колокольни.

— Слишком занята, чтобы ответить на мой звонок, как я вижу.

— Простите, — произнесла Сэм. — Я оставила вам сообщение. У меня едва ли хватило времени, чтобы поговорить с собственной ма...

Митси подняла палец, остановив Сэм на середине предложения.

— Сегодня говорить буду только я.

Сэм кивнула.

— Позволишь, я кое-что тебе напомню?

Саманта снова кивнула.

— На свадьбу ДеМарко пригласили крайне мало репортёров, я права?

— Да, это так.

— Я ведь посылала тебя в Нью-Йорк, чтобы сделать репортаж о таинственной невесте ДеМарко, или нет?

— Так и есть.

— А ты в курсе, что "Ритм ЛА" оказался единственной газетой в стране без репортажа с свадьбы ДеМарко?

Сэм сглотнула.

— Я этого не понимала, но сейчас вижу....

— Ш-ш-ш, — Митси снова заставила её замолчать. — Журналистка, которую я послала в Нью-Йорк за сюжетом о таинственной невесте, и в результате именно она оказывается этой самой таинственной невестой. Ты хоть понимаешь, как это отразится на моей газете... и особенно на мне?

Сэм моргнула.

— Я могу только представить...

Очередной поднятый вверх палец.

— Нет, Саманта, ты даже представить себе не можешь. Из-за тебя я стала посмешищем, — Митси поворошила кучей бумаги, её разочарование было очевидным. — Есть ещё кое-что, — сказала она, посмотрев на нее, из-за кучи газет, явно удивляясь тому, что Сэм всё ещё сидит здесь. — В связи с обстоятельствами, у меня нет иного выбора, кроме как позволить тебе уйти.

— Вы же несерьёзно.

— Абсолютно.

— Меня же предупредили о секретности. У меня не было иного выбора.

— Тогда ты должна была убедиться, что у тебя будет журналист на замену.

Сэм не могла поверить тому, что слышит. Быть уволенной сегодня — последнее, что она могла ожидать, но совершенно очевидно, что Митси была унижена, и это было больше, чем редактор могла вынести. Саманта хотела заниматься журналистскими расследованиями с тех пор, как была ребёнком. Пять долгих лет девушка выполняла за всех грязную работу, надеясь получить свой шанс, и теперь, когда у неё появилась возможность написать историю, её увольняют. Она не могла позволить этому случиться.

— Вы правы, — сказала Сэм. — Я должна была передать репортаж кому-нибудь другому. Мне жаль, что вы остались единственным таблоидом без сюжета, но я сделаю всё что угодно, — журналистка наклонилась через стол, — всё что угодно, чтобы сохранить работу.

И Саманта с грустью осознала, что это была чистейшая правда. Годами девушка делала всё, что могла, чтобы написать историю и доказать семье, что чего-то да стоит. Если сегодня она останется без работы, то где тогда будет, когда её фальшивому браку придет конец?

— Ты замужем за одним из богатейших людей страны, и ты всё ещё хочешь продолжать работать на "Ритм ЛА"?

Пока Сэм действительно платили причитающиеся ей деньги, у неё было достаточно сбережений, чтобы протянуть полгода, самое большее.

— Да.

— Почему?

— Я хочу быть журналистом. Пять лет я просиживала задницу, чтобы получить репортаж. Я не хочу потерять...

Митси подняла карандаш и направила на неё, снова оборвав её на середине предложения.

— У меня есть идея.

Сэм не была уверена, что ей нравится полубезумный взгляд её босса, но она была в

отчаянии.

— Одна тысяча слов в неделю. Это всё, что мне нужно.

Сэм постаралась успокоиться, чтобы не проявить свою радость.

— О чём вы хотите, чтобы я писала?

— Статьи на тысячу слов в неделю о настоящем Доминике ДеМарко и о том, как это быть замужем за суперзвездой.

Сэм не произнесла ни слова.

— Наши читатели сойдут с ума. Сделай это для меня, — сказала Митси, — и я позволю тебе сохранить свою работу.

Сэм ужасно себя чувствовала из-за того, что Митси стала посмешищем из-за неё, и всё же, она просила об очень многом. Доминик не доверяет журналистам. Она уже знала его чувства насчёт того, что его личная жизнь становится достоянием общественности. Это было нехорошо. Написать об их жизни вместе, когда брак закончится, это одно, но писать о нём, пока она живёт с ним как его жена, причём без разрешения, это совершенно другое дело.

— Доминику это не понравится.

Митси прищурила глаза.

— Я годами видела, как ДеМарко на ток-шоу рассказывает миру, что не читает газет. Он никогда не узнает, особенно если учесть, что ты не будешь подписываться настоящим именем.

— Его менеджеры просматривают всё, что пишут об их клиенте. Я его жена, разумеется, он узнает, кто пишет статьи.

Митси не выглядела убеждённой.

Сэм потеряла затылок. Она работала слишком долго и слишком тяжело ради этого места и этой возможности. Чёрт, она вышла за Доминика ради карьеры. У Митси большое влияние в бизнесе. Итог: она не может выйти из этого офиса без работы. Её брак с Домиником временный. Её работа — нет. Через три месяца она снова останется одна, он тоже. О ней быстро забудут, а актёр снова будет появляться каждую неделю с новой женщиной.

Сэм выпрямилась. У неё есть принципы.

— Я не могу этого сделать.

— Тогда можешь собирать свои вещи.

Сэм впала в отчаяние. Через три коротких месяца у неё будут эксклюзивные права на историю Доминика. Всё будет по-честному. Она не станет писать за спиной Доминика, потому что он знает, что так и будет. Ей просто нужно больше времени.

— Через три месяца, я дам вам то, что вы хотите.

Митси склонила голову.

— Почему три месяца?

— Мне нужно время, чтобы организовать свои мысли. Это мой единственный выстрел. Я хочу всё сделать правильно.

— Хорошо, но я хочу, чтобы ты показывала мне свои наметки. Я даю тебе несколько недель, а потом мы поговорим, — Митси схватила блокнот, и нацарапала несколько предложений о том, чего она ожидает, потом поставила дату внизу страницы и протянула бумагу через стол.

— Вы хотите, чтобы я это подписала?

Митси кивнула.

— Определённо, я этого хочу.

Сэм написала свое имя и проставила дату, посчитав, что терять ей нечего.

Митси положила бумагу в папку, затем помахала рукой в сторону двери, давая Сэм понять, что ей пришла пора убираться из её офиса.

— Над чем мне работать до назначенного времени?

Митси забарабанила карандашом по краю стола.

— Что ты имеешь в виду?

— У вас есть какие-нибудь другие задания, над которыми я бы могла начать работать?

— Убери свой стол, разложи папки, а затем иди, и следуй повсюду за своим мужем, — со смешком ответила Митси. — Я хочу знать, что он делает каждый день, двадцать четыре часа в сутки. Мне нужны детали.

Сэм вздохнула.

— Где огонь и азарт? — спросила Митси. — Ты должна быть возбуждена от перспективы проводить больше времени со своим мужем.

Взгляд Митси стал напряжённым, когда она взглянула на Сэм, смотря на неё так, словно могла бы прочитать её мысли. Этот взгляд напугал девушку.

— Есть что-то, о чём ты мне не рассказала?

— Нет, разумеется, нет, — внутренности Сэм закипели. — Наверное, я тогда лучше пойду, просмотрю папки, а потом увидимся через несколько недель.

— Рада снова принять тебя на работу, — едко засмеялась Митси, когда Сэм выходила из офиса.

На обратном пути через лабиринт кабинок, Саманта остановилась у стола Кейт. Она считала Кейт хорошей подругой, но та даже не посмотрела в её сторону.

— Да ладно, Кейт, поговори со мной. Если бы я знала, что выхожу замуж, я бы сказала тебе, клянусь.

Подруга закрыла файл на столе.

— Ты говоришь мне, что не знала, что собираешься выйти замуж за одного из самых востребованных актеров США?

— Я знаю, звучит безумно, но это правда. Клянусь могилой моей матери.

— Твоя мать ещё жива.

— Дело не в этом, — Сэм закатила глаза. — Ты знаешь, что я имела в виду.

— Я считала, что мы друзья, — сказала Кейт. — И всегда уважала тебя, потому что знала, как много ты работаешь, и как ты нацелена на успех. Я думала, мы подруги.

Сэм не знала, что ей ответить. Её голову как будто всё сильнее сжимало тисками.

Кейт вздохнула.

— Перед отъездом ты смотрела мне в глаза и говорила, что летишь в Нью-Йорк только затем, чтобы получить историю, даже если при этом тебе придётся проскользнуть через заднюю дверь и прокрасться в церковь. А следующее, что я узнаю, это то, что ты оказываешься той самой таинственной невестой, которую вся страна до смерти хотела увидеть. Ты хоть знаешь, какими глупцами мы все выглядели? Не только Митси, но и подруга таинственной невесты? Угадай, к кому все прибежали, когда узнали о твоей свадьбе? — Кейт указала на себя. — Ко мне! Через несколько часов после твоей свадьбы, Митси и её свита расположились лагерем в моей квартирке на уикенд, ожидая, что ты вот-вот позвонишь.

Желудок Сэм сжался.

— Мне так жаль, — и это так и было. Она разочаровала многих людей.

— Как давно ты с ним встречалась?

— С Домиником?

— Нет, с клоуном. Конечно с Домиником.

— Не очень давно.

— Ты влюблена в него?

— Да.

— Я тебе не верю. Ты лжешь.

Сэм вздохнула и направилась к своему рабочему месту.

— Ты же не уходишь?

— Нет, я буду периодически появляться следующие несколько месяцев. Прямо сейчас я хочу проверить свою почту и просмотреть папки.

— На случай, если ты забыла, ты замужем за Домиником ДеМарко.

— Я в курсе.

Кейт поднялась со стула и подошла к Сэм.

— И всё же, ты ещё собираешься продолжать здесь работать?

— Разве я не говорила тебе, что я никогда не брошу свою работу ради мужчины?

— Он не просто какой-то случайный мужчина, — сказала Кейт, присаживаясь на краешек стола Сэм.

— Нет. Ты права. Он не просто случайный мужчина, разве не так?

Водитель такси повернул руль и остановился в тёмной аллее. Сэм посмотрела через заднее стекло и улыбнулась, увидев, как мимо спешат папарацци.

— Отличная работа, — сказала она водителю. Он улыбнулся, словно проделывал такое уже миллион раз, а потом снова поехал.

Уже начинало темнеть, когда Сэм выбралась из такси на E. Palm Avenue. Поблагодарив водителя и дав ему большие чаевые, девушка пошла в свой дом.

Сэм посмотрела на телефон. Никаких пропущенных звонков. Интересно, предупредил ли Доминик Марию, где она будет. Девушка поняла, что скучает по нему, что было нелепо, исходя из того, что их отношения были полной профанацией.

Когда она приблизилась к дому, то заметила мужчину, сидевшего на крыльце, прислонившись к двери.

— Кен?

Он улыбнулся, его глаза озорно заблестели. Волосы Кена выгорели на солнце, что делало его похожим на серфингиста. Парень всё ещё был таким же красивым, как она помнила.

— Что ты здесь делаешь?

— Разве так встречают своего жениха?

— Бывшего жениха, который оставил меня ради девушки, с которой был знаком всего лишь неделю. Я бы сказала, что я даже добра к тебе.

— Ну, если ты так ставишь вопрос.

Сэм порылась в своей сумочке в поисках ключа.

— Итак, что ты здесь делаешь? — повторила она, когда он поднялся на ноги.

Кен выглядел не так уж и плохо, что раздражало её. Его карамельного цвета волосы были взлохмачены ветром и спутались. Застёгнутая на все пуговицы рубашка показывала его мускулистые руки.

Мужской взгляд встретился с её.

— Ты правда вышла замуж за того парня?

Удерживая его взгляд, Сэм поняла, что ничего не чувствует. Никакого покалывания. Никаких бабочек в животе. От осознания того, что она с ним правда покончила, девушка улыбнулась.

— Да, — ответила Саманта. — Я, правда, вышла замуж за Доминика ДеМарко, — и посмотрела на свое обручальное кольцо с двухкратным бриллиантом. — Это тебя удивляет?

— Да.

Если задуматься, она должна бы радоваться его грубой честности. Сэм пожала плечами, с облегчением вздохнула, найдя, наконец, свои ключи на дне сумочки. Потом открыла дверь. Кен вошёл без приглашения, опередив её.

Войдя внутрь, она положила сумочку на кофейный столик.

— Это последний раз, когда я собираюсь спросить тебя об этом, Кен, а потом я хочу, чтобы ты ушёл. Что ты здесь делаешь?

— Я просто хотел убедиться, что с тобой всё в порядке.

Сэм широко развела руки.

— Лучше и быть не может.

— Ты выглядишь уставшей.

Когда она посмотрела на него внимательнее, её глаза прищурились.

— Что это у тебя за щетина на подбородке? Мне казалось, ты ненавидишь волосы на лице.

— Памеле это нравилось, так что я решил оставить.

— Как дела у Памелы?

— Понятия не имею. Я не видел её несколько недель.

— Что случилось?

— Давай я просто скажу, что она дала мне почувствовать вкус собственного поступка.

Сэм не могла поверить услышанному.

— Памела бросила тебя?

— Наверное, можно это так и называть, если тебе нравится.

Сэм засмеялась. Просто не смогла удержаться. Затем закрыла дверь.

— Садись, и расскажи мне обо всём.

Глава 14

— Вы хотели меня видеть? — спросила Кейт.

Митси сделала ей знак закрыть дверь и присаживаться.

— Вы с Самантой близкие подруги, не так ли?

Кейт вздохнула.

— Были ими, по крайней мере.

— Мне кажется, что в браке между Самантой и ДеМарко скрывается нечто большее, чем она говорит.

Кейт зажала руки между коленями.

— А ты что думаешь?

— Я не думаю, что Саманта влюблена в своего мужа, — выпалила Кейт. — Мне кажется, происходит что-то подозрительное, но я понятия не имею, что именно.

— Ты чувствуешь, что тебя предала лучшая подруга?

— Да.

— Как давно ты работаешь на "Ритм ЛА"?

— На следующей неделе исполнится шесть лет.

— Я собираюсь дать тебе шанс, показать мне из какого ты теста.

Кейт наклонилась вперёд.

— Как?

— Я хочу, чтобы ты нашла в себе силы простить Саманту и снова подружилась с ней, завоевала её доверие. Предполагается, что тебя пригласят в дом, который она делит со своим мужем, и я хочу, чтобы ты запомнила всё, что там увидишь, а потом доложила мне. Я хочу одну тысячу слов об их жизни — всё, что ты сможешь найти о наших молодоженах.

— Она узнает, что это была я.

Митси пожала плечами.

— Разве это должно волновать тебя после того, что она с тобой сделала? Кроме того, ты будешь писать под псевдонимом Лилиана Паркер. Она ничего не сможет доказать. Что ты думаешь?

— Не знаю. Вы могли бы сделать так, чтобы я получила от этого выгоду.

— Пять тысяч долларов каждый раз, когда ты будешь выдавать больше тысячи слов. И при этом, они должна этого стоить. Не трать ни своё время, ни моё.

Кейт задумалась над предложением.

Митси отказывалась позволять клерку Саманте Джонстон спокойно уйти, не унизив её при этом перед всем миром. Между Самантой Джонстон и Домиником ДеМарко что-то происходит, и она не собирается стать последней, кто выяснит, что именно.

— Если ты не сможешь справиться с этим проектом, то я передам эту возможность Кэрри Хаскли.

Кейт резко выпрямилась.

— Я сделаю это.

Было уже одиннадцать часов, когда Сэм вытащила ключ из двери дома Доминика, который дала ей Мария. Девушка не хотела будить его, поэтому попросила Кена подождать в машине, пока она не перенесёт в дом все свои вещи, включая кота.

Кен предложил подвезти её, что дало ей возможность сэкономить время и деньги на такси. Она поставила переноску для животных возле входной двери, затем повернулась назад и чуть не натолкнулась на Кена, который проигнорировал её просьбу и последовал за ней в дом.

— Где ты была?

Сэм резко развернулась и с удивлением увидела Доминика, стоящего в темноте дверного проёма. Выражение его лица было мрачным, но он выглядел невероятно привлекательно в паре свободно сидящих брюк и удобной чёрной футболке.

Сэм распрямила спину, отказываясь отступить только потому, что муж был не в настроении.

— После работы я заехала к себе, чтобы забрать свои вещи.

Доминик кивнул подбородком в сторону Кена.

— А кто твой друг?

Тот протянул ей аквариум. Вода плескалась по стенкам, он специально хотел

встретиться с её знаменитым мужем, несмотря на злобное выражение лица ДеМарко.

Кен болтал без остановки, пока она собирала необходимые ей вещи. Потом, когда Сэм пошла к соседям, чтобы забрать Шекспира и свою рыбку Гамлета, Кен порылся в её кухонных шкафчиках и приготовил ужин. Она слишком устала и была очень занята упаковкой вещей, чтобы протестовать, но теперь уже одиннадцать часов, и ДеМарко недоволен.

— Доминик, — произнесла она, — это Кен, — затем поставила аквариум на столик у входа.

Кен протянул Доминику руку для пожатия.

ДеМарко проигнорировал предложенную руку и прошёл прямо мимо него, подходя к Сэм. Не произнеся ни слова, он обнял её и поцеловал долгим поцелуем. Его губы были тёплыми, поцелуй опьянял. Когда мужчина, наконец, оторвался от неё, девушка почувствовала, как кровь прилила к щекам, прежде чем нервно отошла от него.

— Кен был у моей квартиры, когда я приехала за вещами. Он был достаточно добр, чтобы помочь мне упаковаться, — пояснила она, её язык заплетался на каждом слове. Потом Кен настоял, что отвезёт меня домой, чтобы мне не пришлось брать такси.

Глаза Доминика едва заметно прищурились.

— Это не тот самый Кен, о котором ты упоминала чуть раньше?

Сэм кивнула.

— Она говорила обо мне в ваш медовый месяц? — спросил Кен. — Мило.

Они оба проигнорировали его.

— Я полагаю, ты не захотела брать одну из машин в гараже? — задал Доминик следующий вопрос.

— Подобная мысль даже не пришла мне в голову.

— Определённо, у тебя есть собственная машина?

— Моя машина в ремонте. Я оставила её перед полётом в Нью-Йорк, решив, что смогу забрать на следующей неделе.

— Понимаю.

Очевидно, он совершенно её не понимал, потому что крепко скрестил руки на груди. Если бы она лучше его знала, то предположила бы, что Доминик ревнует. Сэм попыталась не улыбаться.

Кен осмотрелся.

— Миленькое у вас тут местечко.

— Спасибо, — со вздохом произнесла Сэм. — Позволь мне вернуться с тобой к машине, и забрать оставшиеся вещи.

— Я принесу твои вещи, — предложил Доминик, и, прежде чем она успела его остановить, он подталкивал Кена к двери, следуя за ним по пятам.

Сэм наблюдала за обоими мужчинами. Доминик был как минимум на дюйм выше. Плечи Кена примерно настолько же шире. Она не знала, что и думать, при виде их обоих. На ум пришла "Сумеречная Зона". Но при этом именно ДеМарко полностью владел её мыслями: огонь в мужских глазах, его решительность, самоуверенность.

ДеМарко нагнулся к багажнику "Камри" Кена и схватил все её вещи. Мужчины обменялись парой слов.

По выражению их лиц она не могла сказать, о чём они говорят, или была ли какая-то проблема, но прежде, чем девушка подошла, чтобы рассмотреть получше, Доминик уже

поднимался по ступенькам, ведущим в дом.

Сэм последовала за ним, следя за тем, как он вносит её вещи в их спальню.

Шекспир замяукал. Слишком усталая, чтобы беспокоиться о Доминике, она открыла дверцу. Её белый персидский кот ни в коем случае не хотел жить в новом доме, так что ей пришлось буквально вытаскивать его из клетки.

Появился Доминик с ухмылкой на лице, и рядом с ним шла собака, при виде которой кот вырвался из рук вспышкой белого меха. Собака гавкнула и побежала за ним.

Сэм побежала за животными, последовав за ними в спальню Доминика. Шекспир был уже на кровати, карабкаясь по подушкам и одеялам.

— Это твоя собака? — спросила она достаточно громко, чтобы её было слышно сквозь лай.

— Рекс, — скомандовал Доминик, вбегая в комнату следом за ней. — Когда я уезжаю, то оставляю его в питомнике, — он указал на кота. — Это животное оставит кучу шерсти на моих подушках, — и потянулся за ним. Шекспир зашипел, и мужчина одёрнул руку. — Это не кот. Это тигр.

Она фыркнула, наблюдая за собакой, которая лаяла и тянула одеяло за краешек.

— Отзови своего пса!

Слишком поздно. Рекс запрыгнул на кровать.

Шекспир прыгнул на руки Сэм, поцарапал её, затем спрыгнул на мягкий стул рядом. Собака последовала за ним, чуть не опрокинув девушку. Животные описывали круги вокруг их ног, пока Доминик осматривал свои подушки. — Я всю ночь буду чихать.

Игнорируя хаос вокруг, Сэм потёрла руку о бедро.

— У тебя аллергия на котов, но не на собак?

— Именно. Ромео должен уйти.

— Его зовут Шекспир, и он никуда не уходит.

— К утру у меня совершенно точно будет раздражение.

— Что ж, это очень грустно. Шекспир остаётся, — сказала она, в то время как собака рванулась под кровать вслед за котом.

Доминик, наконец, схватил собаку и удерживал за ошейник, пока Сэм лезла под кровать и вытаскивала оттуда дрожащего кота.

— Ты не мог бы увести куда-нибудь Рекса на пару минут, пока я не успокою Шекспира?

— Телефонный звонок был бы лучшим решением, — ответил он.

Шекспир не хотел иметь с ней никаких дел. Он вырвался из рук и рванул через спальню, спасая свою жизнь. Доминик крепко держал Рекса, маленького чёрного лабрадора, который казался достаточно дружелюбным, несмотря на желание преследовать её бедного кота.

Сэм выглянула за дверь. Кот исчез.

— Я должна была позвонить. Мне жаль. Окей? У меня был долгий день, и я не в том настроении, чтобы выслушивать лекции.

— Как дела на работе?

— Все в офисе злятся на меня. Я всех подвела. Мой босс дала мне немного времени, чтобы побыть с моим новым мужем, — она скрестила руки на груди и выдавила улыбку. — Я чуть не потеряла работу. Доволен?

— Ты знала, что это будет нелегко.

Сэм вздохнула.

— Не думаю, что Кен — это подходящий для тебя парень.

— Я не хочу об этом говорить, — взорвалась она.

— Если ты не хотела обсуждать Кена, то не должна была приводить его в мой дом.

Она фыркнула.

— Почему ты попросила его о помощи? Я мог бы помочь, тебе стоило лишь сказать.

— Мне не нужна была его помощь.

— Тогда почему ты её приняла?

— Он был очень настойчив.

— И прежде всего, что он делал у твоей квартиры?

— Не знаю. Ты мог спросить у него.

— Я так и сделал.

Жар опалил её лицо.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Он хочет, чтобы ты вернулась.

— Это самая нелепая вещь, которую я когда-либо слышала. Поверить не могу, что вы беседовали об этом.

— Почему?

— Потому что это безумное соглашение между нами, это просто огромная ложь, — она устала, истощена, если быть более точной. Прошлая неделя почти её выжала. — Я не твоя жена, — продолжала она. — Ты не мой муж. Мы принадлежим к двум разным мирам. Я, даже думаю, что не так уж сильно нравлюсь тебе.

— Тут ты ошибаешься, — он отпустил собаку.

Рекс убежал.

— А как же Шекспир?

— Рекс не причинит вреда блохастике. Он частично глухой, и слепой на один глаз.

— Бедное создание.

— Пошли, — сказал Доминик, и потащил её через весь дом в сторону кухни. — Оставьте его в покое, Рекс, — скомандовал он достаточно громко, чтобы собака услышала его, когда они проходили мимо гостиной.

Рекс моментально перестал лаять, и уселся на задние лапы рядом с диваном в гостиной, где прятался Шекспир.

Когда они оказались в кухне, Доминик велел Сэм сесть на стул у кухонной стойки. Потом отыскал какой-то обезболивающий и очищающий спрей и бинт, и приступил к работе.

Сэм старалась не смотреть на него, когда мужчина склонился над царапинами на её руке. Когда он подул на поврежденное место, просушивая лекарство, чтобы держалась повязка, она изо всех сил старалась игнорировать пожар, который ему удалось зажечь.

— Уже поздно, — сказала Сэм. — Ты устал. Я могу сама это сделать.

— Будь хорошим пациентом, и сиди спокойно. Я почти закончил, — он замотал руку. — Вот.

— Ты ничего не забыл?

Доминик с недоумением посмотрел на неё.

— Моя мама целовала мои ранки, чтобы они лучше заживали.

Он медленно поднёс её руку к своим губам и поцеловал мягкую плоть возле повязки.

Не очень хорошая идея. Мужские губы вызвали покалывание в местах, которые даже близко не находились возле её царапины.

— Спасибо. — Сэм забрала у него свою руку. — Это хорошо. Всё закончилось.

— Рад служить. Может нам стоит перенести эту медицинскую процедуру в спальню.

— Нет, всё в порядке. У меня уже всё хорошо, — она помахала в воздухе своей рукой. —

Видишь? Всё замечательно.

Он опять нахмурился.

— Итак, твой босс устроила тебе тяжёлую жизнь?

— Ничего, с чём я не могла бы справиться.

— Просто скажи, у меня есть люди, которые могут нанести визит твоему боссу.

Сэм засмеялась.

— Что? Ты собираешься послать Бена и Тома, чтобы они угрожали моему боссу?

— Чего бы мне это ни стоило.

— Я ценю предложение, но в этом нет необходимости.

— Ладно, давай отведём тебя в постель.

— А что будет с Шекспиром?

— Оставь его. Я гарантирую, эти двое к утру станут друзьями.

Доминик уложил её в кровать, подоткнул ей под руку дополнительную подушку, и вообще, обращался с ней так, словно она попала под машину, а не получила царапину от кошки.

Глава 15

Было утро субботы, вторая неделя Саманты в статусе жены Доминика, когда она, сонно потягиваясь, вышла на кухню. Последние несколько дней пролетели быстро. Разрываясь между осмотром большого дома Доминика, акклиматизацией Шекспира и более близким знакомством с Марией, у нее едва ли хватало времени на то, чтобы волноваться еще и о Доминике.

Это такая ложь.

Она была в курсе каждого его движения, каждой улыбки, подергивания и хмурого взгляда.

Она также замечала каждый раз, как он усаживался в машину и исчезал, возвращаясь к ужину вовремя. Дважды он приходил домой поздно. Она понятия не имела, куда он уходил. Сэм неоднократно пыталась выяснить это у него, но каждый раз он находил способ сменить тему разговора. Или же он уходил прежде, чем ей удавалось получить конкретные ответы. Дни шли, и она пыталась убедить себя, что ей плевать, и это не ее забота.

Большинство ночей она без сна лежала в постели, до тех пор, пока он не ложился рядом. Она притворялась спящей каждый раз, когда матрас прогибался под его тяжестью. Она много раз просыпалась, когда ее нога касалась его, рука ложилась ему на грудь, губы касались его плеча. А он еще и жаловался на то, что она постоянно оказывалась на его стороне кровати.

Пока она ждала, когда сварится кофе, зазвонил телефон. Она схватила его, прежде чем он разбудил Доминика.

— Алло.

— Кто это? — спросил звонивший.

— Это Сэм Джон... то есть Саманта ДеМарко, а кто вы?

— Никто важный, — гладкий как шелк голос заставил Сэм замолчать. — Я звоню

только затем, чтобы узнать, как дела у Доминика, и убедиться, что он в порядке.

— Мне разбудить его?

— О, нет. Не стоит. Я позвоню еще.

Прежде, чем Сэм успела узнать имя звонившего и записать номер, послышался щелчок, и телефон отключился. Сэм не могла не задуматься над тем, с какой из старлеток она только что разговаривала, хоть по голосу ей показалось, что это была женщина в возрасте. Сэм нажала *67, надеясь, что номер звонившей не был заблокирован. Ей повезло. Номер высветился. Мысленно повторив его, она повесила трубку, и забегала по кухне, пока не отыскала бумагу и ручку, и быстро записала номер. Она засунула бумажку в карман своих тренировочных розовых брюк, как раз в тот момент, когда Доминик вошел на кухню. На нем были серые брюки и свободная рубашка. Волосы были сексуально взъерошены.

— Кто звонил?

— Это была женщина с невероятно хриплым голосом.

— Хммм, — пробормотал он пожимая плечами.

— Ты знаешь, кто может звонить тебе так рано?

— Понятия не имею, — он направился к шкафчику. Она наблюдала, как он наполняет свою кружку до краев, затем делает несколько глотков кофе. Опершись бедром о гранитную кухонную стойку, он бросил взгляд на часы. — Мы должны выезжать ровно через час сорок пять минут.

— Уезжать куда?

— Согласно словам Бена, мы собираемся посетить карнавал, чтобы помочь собрать средства для детей-инвалидов. Я разве не упоминал об этом?

— Нет, не упоминал. Завтра вечером мы собирались пойти на ужин у моих родителей, — напомнила она ему.

Он поднял свою чашку кофе в знак того, что он не забыл.

— С нетерпением жду этого.

Она поморщилась.

— На твоём месте я бы этого не делала.

— Не делала чего?

— С нетерпением ждала бы встречи с моей семьей. Не пойми меня неправильно. Я люблю их всех, но мои братья и особенно отец временами могут быть упрямыми и властными.

— Два брата?

Она кивнула.

— Оба старше меня. Тейлор и Кевин. У Тейлора есть четырнадцатилетняя дочь по имени Эмма. Его жена умерла от рака, когда Эмме было всего шесть месяцев. В глазах моего отца, оба моих брата — яркие звезды.

— Много сожалений?

— Стараюсь воздерживаться от них, но с годами, их подшучивание превратилось в лекции, и это сделало свое дело. Я больше не стараюсь защитить себя. По крайней мере, они уже не борются со мной, чтобы уложить на лопатки. А как насчет тебя? Как это, быть единственным ребенком в семье?

— Было несколько хороших моментов, — ответил он. — Можно пересчитать по пальцам, но мне нравится думать, что все-таки было то время, когда мои родители любили друг друга.

Сэм поверить не могла, что он ей открылся. Он редко говорил о своем детстве.

— Как ты попал в актеры?

— После того как моя мать нас оставила, наш сосед, мистер Криско, посоветовал заниматься танцами, пением и актерским мастерством.

Доминик поставил свою чашку на стойку и подошел к ней, пристально рассматривая ее.

— Сиди ровно.

Оттого, как он смотрел на нее, Сэм подумала, что он ее поцелует, хотя Доминик не делал этого, с того момента, как Кен привез ее домой. И ничто о чем она думала даже чересчур много. Приподняв подбородок, она закрыла глаза, от ожидания все внутри трепетало. Вместо того чтобы прикоснуться своими губами к ее губам, его пальцы двигались у нее на макушке.

— Ой! — ее глаза открылись. — Что ты делаешь?

Он указал на паука, убегающего от них по полу.

— Боже мой! — она прыгнула в его объятия. — Он же огромный.

— Да, ты права, — произнес он, прижимая ее сильнее.

Ей потребовалась секунда, чтобы понять, что он говорит совсем не о пауке. Она чувствовала, как кое-что упирается ей в бедро. Вместо того чтобы попытаться воспользоваться ситуацией, он усадил ее, затем снова взял свой кофе, словно она его совершенно не заботила.

— Я хочу тебя кое о чем спросить, — сказала она.

Он взял со стола листок, который Мария оставила, прежде чем пойти в продуктовый магазин и уселся за стол.

— Давай, я весь — внимание.

— Когда ты исчезаешь на весь день и иногда ночь, куда ты ходишь?

— Я думал, что мы оба решили заниматься своими делами, пока мы вместе и не задавать друг другу вопросы.

— Ты думал неправильно. Пока мы женаты, временно или нет, думаю, будет справедливо, если я буду знать, куда ты сбегаешь. Если кто-нибудь подойдет ко мне с глянцем, где будешь ты с какой-нибудь цыпочкой, я бы предпочла, чтобы меня не заставляли врасплох.

Он почесал щетину на подбородке.

— Аааа, так вот почему ты так хочешь знать, где я провожу свободное время. Если бы я не знал тебя так хорошо, я бы сказал, что ты следишь за мной, как сделала бы любая ревнивая жена.

— Как я уже сказала, сейчас мы женаты и...

— Ты журналистка, Сэм. Ты вышла за меня, потому что по истечении трех месяцев ты собираешься рассказать миру все, что узнала обо мне.

— Мой план — это написать о том, на что это похоже, быть замужем за тобой, а не выболтать миру все твои секреты.

— Я абсолютно не понимаю, как ты можешь писать об одном, не упомянув при этом другое.

— Я думала, что говорю тебе прямо здесь и прямо сейчас, что я не собираюсь рассказывать секреты твоей частной жизни.

— Почему я должен верить тебе?

— Потому что я никогда не солгу тебе.

— Я не верю очень многим людям, Сэм. Не только журналистам, но я хочу рискнуть и сказать тебе это: моя мать оставила меня, когда мне было десять. Объясни мне, как мать может оставить своего десятилетнего сына с алкоголиком? — он вздохнул. — Однажды я был влюблен, — продолжил он, лишенным эмоций голосом. — Она продала таблоиду наши фотографии.

— Мне жаль.

— Люди творят безумные вещи из-за денег, включая нас обоих. Мне нелегко дается доверие к людям. Я обжигался очень много раз, и из-за моих родителей и дяди, в частности.

— И что, даже если я пообещаю, что никогда не продам твои секреты, ты все равно мне не поверишь? Даже если я просто расскажу о том, что мы оба жили в до нелепости огромном доме и едва ли видели друг друга?

Он промолчал.

— Я не задумывала ничего из этого, — напомнила она ему. — И кроме того, до того как все опубликуют, ты получишь право первого одобрения.

Их взгляды встретились, и на этом все закончилось. Он покончил с разговорами.

Глава 16

День был наполнен клоунами, бегом в мешках и аттракционами. Охрана была серьезная, поэтому фотографы и журналисты за ворота не допускались. Сэм никогда не видела так много знаменитостей в одном месте, многие из которых наслаждались днем, проводя время со своими семьями. Сегодня будут собраны сотни тысяч долларов.

Температура воздуха была градусов семьдесят-восемьдесят. Солнце пригревало спину. Она вдыхала аромат сладкой ваты и жарящихся на гриле бургеров.

— Эй, вы, двое, — прокричала им женщина, одетая в красно-белую футболку организаторов мероприятия, махая им обеими руками.

— Что вам нужно? — спросил Доминик.

— Мне нужна еще одна пара для танцевального марафона.

— О, Боже, — произнесла Сэм, — я ужасно танцую.

— Пожалуйста? — взмолилась женщина. — Нам нужно десять пар прямо сейчас. Каждые пятнадцать минут одну пару будут убирать с танцпола. Люди заплатили кучу денег за специальные билеты в первом ряду.

Доминик схватил Сэм за руку.

— Мы согласны. Куда нам идти?

Женщина развернулась и показала на разделяющий занавес, указывая им дорогу к танцполу, где уже собирались люди, чтобы посмотреть шоу.

— Это сбивает с толку, — обратилась Сэм к Доминику.

— Просто делай то же самое, что и я. Если нам повезет, мы будем первой парой, которую вышвырнут со сцены.

— Это безумие, — простонала она, когда люди начали аплодировать, увидев, что Доминик ДеМарко будет участвовать в шоу.

— Окей, мы получили свои десять пар, — сказала женщина в микрофон. — Мы собираемся начать с твиста, популярного танца шестидесятых. Все знают, как танцевать твист. Давайте сделаем это!

Прежде чем Сэм успела снова запротестовать, заиграла записанная версия "Chubby

Checkers". Сегодня был ее счастливый день. Твист был одним из нескольких танцев, которые Сэм могла танцевать и не выглядеть при этом как полная идиотка. Она полностью отдалась делу, стараясь при этом не смеяться при виде пар вокруг них. Согнув руки в локтях, она использовала подушечки пальцев, чтобы вращать бедрами и торсом. Доминик был профи, и, каждый раз, когда он отрывал ногу от пола, выбирая направление стиля и ошеломляя толпу в процессе выполнения различных элементов, он заставлял Сэм сконцентрироваться на том, чтобы не отставать от него.

Когда пятнадцать минут прошли, Сэм не могла перестать смеяться. Ей никогда еще не было так весело. Толпа безумствовала, когда судьи выставили баллы для каждой пары. После выступления Доминика стало ясно, что они остаются на танцполе еще на один раунд.

Следующим был медленный танец. Сэм колебалась, так как не была уверена, сможет ли она оставаться спокойной после пятнадцати минут в его объятиях.

Он потянулся и заложил несколько прядей волос ей за ухо, а потом протянул руки.

Она мешкала.

— Ты боишься танцевать со мной?

Улыбнувшись она вложила свою руку в его, когда Эрик Клептон начал петь "Wonderful Tonight". Соприкасаясь телами, они плыли в такт музыке. Он прожигал ее взглядом, и она не смогла бы отвести взгляд, даже если бы очень сильно захотела, забывшись в этом мгновении, сейчас существовали только они двое.

На секунду она подумала, что он собирается что-то сказать, но Доминик промолчал. Он просто притянул ее ближе, и через какое-то время она положила голову ему на плечо.

Попурри из песен играло следующие пятнадцать минут, и когда музыка затихла, они узнали, что остаются на следующий круг.

Часом позже, хип-хоп был тем танцем, после которого Сэм упала.

— Третье место не так уж и плохо, — сказал Доминик, прикалывая желтую ленточку с правой стороны ее блузки.

— Прости, что не смогла угнаться за тобой до конца.

— Ты отлично все сделала.

Они уставились друг на друга, и кажется, прошли часы.

— У тебя красивые глаза, — сказал он. — Я говорил тебе об этом раньше?

Она улыбнулась. А почему бы и нет? Она не могла припомнить, когда в последний раз так наслаждалась собой, как это было сегодня.

— Ты собираешься поцеловать меня?

— Это ни разу не пришло мне в голову, — ответил он. — Ты хочешь, чтобы я тебя поцеловал?

— Нет, если ты об этом не задумывался. В этом не было бы смысла и я...

Его губы захватили ее, не оставляя ей иного выбора, кроме как поцеловать его в ответ. Поцелуй был нежным и сладким, и если бы у Сэм было заветное желание, то она бы хотела, чтобы этот поцелуй, этот момент длились бы вечно.

Доминик оторвался от нее. Он не хотел, но заниматься этим посреди фестиваля, в окружении бегающих повсюду детей, было не самой лучшей идеей. Однако Сэм предложила, и он не смог остановить себя.

Сэм Джонсон полна неожиданностей.

Наблюдать за ней, когда она танцевала твист, а потом тесно прижимать ее к себе, это

было уже слишком. Черт, да, он хотел поцеловать ее. Сейчас, он хотел заниматься этим дни напролет. Больше чем что-либо другое, он желал забрать ее домой, и продолжить то, что они только что начали, но у нее на уме были другие вещи.

— Я люблю кататься на чертовом колесе. Пошли, — предложила она, беря его за руку и таща за собой.

— Уже становится поздно, — сказал он. — Нам лучше отправляться домой.

— Всего лишь один раз, — ответила она, и ему не оставалось ничего другого, кроме как пойти следом.

Первая часть круга была не так уж плоха. Ветер охладил его, пока они медленно поднимались вверх, но потом Сэм, завизжав от радости, подняла руки вверх и их кабинка закачалась.

— Я не думаю, что ты хочешь так делать, — сказал он, крепко ухватившись за перегородку.

— Да ладно тебе, — ответила она, — это же весело!

— Ты раскачиваешь лодку, милая.

Она заметила капельки пота на его лбу.

— Ты боишься?

— Разумеется, нет. Откуда такие мысли?

— Ты побледнел, вспотел, и твои колени дрожат.

— Ладно, этот кот вылез из мешка. Я не большой поклонник высоты. Осуди меня.

Она засмеялась, и, несмотря на его очевидный ужас, ее руки снова взметнулись вверх, на этот раз еще выше.

— Пожалуйста, не делай так.

— О, прекрати это. Давай, Доминик, тебе серьезно нужно чуть расслабиться и немного пожить. Это всего лишь безвредная поездка через небо. Это как полет.

Костяшки его пальцев побелели.

— Это не имеет ничего общего с самолетом. Вообще-то, я уверен, что однажды видел сюжет в новостях, как несколько людей зависли на одной из этих штуквин.

— С тобой все будет хорошо, — сказала она ему, а потом нахмурилась и убрала руки в безопасность их капсулы. — Прости меня. Ты ведь серьезно боишься этой штуки, я права?

— Не очень, — солгал он. — Может тебе стоит спросить у милого мужчины, который быстро приближается, чтобы он остановил эту машину.

Они проплыли мимо парня, управляющего машиной, и который уже работал над тем, чтобы они снова начали подниматься.

— Мне жаль, — сказала она, пожимая плечами.

— Тебе совершенно не жаль.

Она улыбнулась.

— Мне правда жаль. Мы только что прошли мимо него. У меня не было времени что-нибудь сказать. В следующий раз я попрошу его остановиться, хорошо?

— Буду признателен.

Когда они достигли вершины, Сэм снова подняла руки вверх и завизжала как шестилетка. Прежде чем он успел начать умолять ее перестать, чертово колесо остановилось. Кабинка покачивалась вперед-назад, кронштейны громко скрипели.

— Что случилось? — он осмелился выглянуть наружу.

— Скорее всего, они вынимают из кабинки перепуганного двухлетнего младенца.

— Очень смешно.

Она посмотрела на него своими большими карими глазами, обхватила ладонями его подбородок и поцеловала его. Ее губы чуть раздвинулись, тело расслабилось в его руках. Он почувствовал, как кончик ее языка скользнул по его нижней губе. Поцелуй был страстным и таким чертовски опьяняющим, что он даже не понял, когда они снова начали движение, пока их кабинка резко не остановилась.

Этой ночью Доминик не спал.

Вместо этого он наблюдал, как спит Сэм. Это была первая ночь, когда она не вертелась туда-сюда и не пихала его, ударяя по лицу, размахивая руками и ногами.

Он не мог вспомнить, когда в последний раз так много смеялся, как сегодня. Ему нравится Сэм Джонсон. Чертовски сильно нравится.

В этот момент он понял, что никогда не встречал правильную женщину, потому что никогда не смотрел дальше длинных ног и большой груди.

Но Сэм была чем-то большим. Каким-то образом ей удавалось высвободить лучшие его черты. У них обоих также было много общего. Она оба были помешаны на своей карьере. Они вместе развлекались.

Он положил голову на подушки, и задумался, что же он будет делать дальше. Станным образом, она забралась ему под кожу. За такое короткое время он начал беспокоиться за нее, но может ли он ей доверять?

Сэм открыла один глаз, потом другой. Боже, она снова это сделала. Не было ни единой части ее тела, которая не оказалась бы прижатой к плоти Доминика. Ее губы прижимались к его руке. Одна рука покоилась на его твердой груди, в то время как нога переплелась с его ногой.

Сэм начала отодвигаться, когда внезапно он схватил ее, прижимая еще ближе.

Его глаза закрыты. Он же не мог сделать это во сне, или мог?

На этот раз она попыталась сдвинуть свою ногу, но его икра напряглась, и она увидела, как его губы растягиваются в улыбке.

— Доминик, ты проснулся?

— Кто-то опять спит на моей стороне кровати.

— Прости меня. Я не могу с этим справиться.

Он перевернулся так, что она оказалась под ним, а его тело накрыло Сэм, когда он приподнялся на локтях, чтобы не придавить ее. Он поцеловал ее в шею.

— Ты готова покончить с этой глупостью? — спросил он, перемещая губы к её подбородку.

— Ты спрашиваешь меня, готова ли я заняться с тобой любовью?

Он поцеловал ее в щеку, затем в ухо.

— Именно об этом я тебя и спрашиваю.

От его поцелуев у нее перехватывало дыхание.

— Ты хочешь сказать, что готов к отношениям?

— Дай определение отношениям.

— Привязанность между двумя индивидами, — ответила она, пытаясь игнорировать палящий жар, вызванный его чувственными губами.

— С этим я смогу справиться. Да, я готов к отношениям.

— Конструктивные и эмоциональные отношения, — поправила она. — Это значит,

что мы доверяем друг другу, и говорим, куда мы уходим на ночь.

— Для доверия нужно время.

— Согласна, но как мы можем понимать, что доверяем друг другу, если мы ничего не рассказываем?

— Хммм... Это звучит как большее, чем просто отношения.

Она засмеялась, и толкнула его в грудь:

— Слезай с меня. Ты не готов перейти к следующему уровню.

— Почему тебя так трудно добиться?

— Потому что я не хочу, чтобы у нас был секс просто ради секса. Я хочу, чтобы это значило немного больше.

— Ты боишься, что я после этого потеряю к тебе интерес?

— Это может быть одним из пунктов.

— Мы поняли друг друга, — сказал он, — и ты смешишь меня. Я уверен, мы готовы.

Но девушка уже выскользнула из постели, готовая начать новый день.

Глава 17

Весь следующий день Доминик чихал. Коту однозначно придется уйти, особенно после того, как он дважды поцарапал Рексу нос, показывая собаке, кто здесь главный. Когда Сэм отправилась на пробежку на пляж, он уехал по делам. Доминик знал, что она хотела выехать из дома в пять, чтобы они не опоздать на ужин к ее родителям. К тому времени, как они, наконец, уселись в машину и выехали в Пасадену, было уже пять тридцать.

Менее чем через пять минут как они выехали на шоссе, Сэм заметила прихрамывающую собаку, и начала умолять Доминика остановиться.

Когда машина остановилась на обочине дороги, Сэм выпрыгнула раньше, чем он успел ее остановить.

Его сердце забилось вдвое быстрее, когда он увидел, что она бежит слишком близко к движущимся машинам. Его адреналин взлетел, но он боялся, что если выйдет из машины, собака испугается и выбежит на середину дороги, увлекая за собой Сэм, так что он остался на месте.

Сэм находилась в паре дюймов от собаки, когда словно взрыв прогремел гудок. Прежде чем собака успела рвануть на дорогу, Сэм бросилась на перепуганное животное, сжав его в объятиях, царапая локти и рискуя жизнью.

Когда она приблизилась к машине, Доминик выпрыгнул из нее, открыл заднюю дверцу и помог ей залезть внутрь. Когда все оказались в безопасности внутри машины, он прорычал:

— Ты могла погибнуть.

— Но этого не произошло, — жизнерадостно сказала женщина, словно она только что чуть не умерла там. — Я в порядке.

— Ты не в порядке. У тебя идет кровь, и я серьезно. Никогда больше так не делай!

Их взгляды встретились.

— Единственный, кто чуть было не умер здесь, эта полуголодная, несчастная дворняжка.

— В следующий раз, когда мы будем останавливаться, чтобы спасти животное, из машины вылезу я. Не ты. Ты поняла?

— Я искренне надеюсь, что сейчас ты пошутил.

Доминик сел за руль, а Сэм осталась на заднем сидении, удерживая дрожащую псину. Он наставил на нее палец с суровым выражением лица.

— Ты до чертиков меня напугала.

— Для парня, который четко дал понять, что ему плевать на меня, сейчас ты делаешь из мухи слона.

— Кто сказал, что мне на тебя наплевать?

— Ты сам. Ты не заинтересован в настоящих отношениях. Каждое утро ты просыпаешься мрачнее тучи и закрываешься от меня, исчезаешь на многие часы. Если это улучшит твоё состояние, то я верну чертово право на эксклюзив, потому что я не знаю, сколько ещё смогу делить комнату с таким мужчиной как ты, не говоря уже о постели.

— Не я тот, кто каждую ночь переползает со своей стороны кровати и посасывает мочки твоих ушей. Если ты не хочешь, чтобы я беспокоил тебя, тогда все что от тебя требуется, это оставаться на своей стороне кровати.

Она заворчала.

Собака завертелась.

— О, нет. У бедного животного идет кровь. Ты должен найти ветлечебницу и быстро.

Целая смесь эмоций охватила Сэм, когда они снова держали путь на Пасадену, к ее родителям.

Они отвезли собаку в ближайшую ветлечебницу. Бедному созданию скоро будут делать операцию. Ветеринар сказал, что собаку сбила машина, но каким-то образом она смогла идти.

В ту же минуту, как они приехали в лечебницу, Доминик быстро отнес собаку внутрь. Они с Домиником смогут вернуться за собакой утром.

Когда они снова поехали, никто из них не произнес ни слова.

В один миг он был взволнован и неравнодушен, а потом снова закрылся в своей раковине. Если он хочет оставаться равнодушным и недоверчивым, то так тому и быть. Утром на кухне, она надеялась на прорыв, когда он начал рассказывать о своих родителях. К сожалению, даже их чудесный день на фестивале ничего не изменил.

Доминик съехал с шоссе и двинулся на север, к North Arroyo Parkway.

— У тебя что-то не так?

— Я в порядке, — солгала она. — А как насчет тебя?

— У меня тоже все хорошо.

Он повернул направо к El Molina.

— Это кирпичный дом с правой стороны, — сказала она ему.

В эти дни она редко приезжала домой, но когда это делала, то ей всегда казалось, что английский дом в тюдоровском стиле с безупречными газонами холоден к ней.

Доминик въехал на подъездную дорожку и заглушил двигатель.

— И ты еще упрекала меня за то, что я живу в большом доме?

Сэм в ответ ухмыльнулась.

Они вылезли из машины, мрачные, словно идут на верную смерть. Он последовал за ней к главному входу. Вместо того чтобы просто войти в дом, где она выросла, женщина постучала в дверь и осталась ждать, словно была незнакомкой в доме своих родителей.

Минутой позже их старый дворецкий открыл дверь.

— Джереми, — поздоровалась Сэм, обнимая пожилого мужчину за талию и крепко прижимая его к себе. — Я хочу представить тебе моего мужа, Доминика.

Они пожали руки.

— Рад с вами познакомиться сэр. Я читал все о вас. Вы играли в одном из моих любимых фильмов, — он щелкнул пальцами. — В том, с Бобом Райаном.

— Вы правы, — ответил Доминик, — "На свет".

— Отличный фильм, — Джереми посмотрел на Сэм и нахмурился. — У тебя идет кровь?

— Нет, я в порядке. По дороге сюда мы нашли раненую собаку. Она в ветлечебнице, но врач сказал, что с ней все будет в порядке.

— Ты всегда становишься сердобольной, когда речь заходит о животных, — Джереми сделал им знак, пропуская в дом. — Все уже ждут. Твоя мама волнуется, боится, что вы попали в аварию, когда ехали сюда.

— А как насчет папы? В каком он настроении?

— Все как всегда, — ответил Джереми, ведя их в гостиную.

— Ты сделала это, — сказала Эмма, подбежав к Сэм, чтобы обнять ее. — Что случилось с твоей рубашкой?

— Мы нашли раненую собаку на обочине дороги.

— И где же собака?

— Она в ветлечебнице, но все будет в порядке.

— Слава Богу, — Эмма посмотрела на Доминика и покраснела. — В реальной жизни вы даже красивее, — она вытаскала свой Айфон. — Вы не против того, что я сфотографируюсь с вами, чтобы похвастаться перед друзьями?

— Совсем нет, — следующие несколько минут Эмма и Доминик фотографировались, пока Сэм пересекла комнату, чтобы поговорить со своим отцом.

— Что на тебе надето? — спросил он, помешав ей обнять его. — Ты выглядишь как бездомная.

Несмотря на теплый день, отец Сэм был одет в кашемировый свитер поверх рубашки с длинными рукавами. У ее папы был грудь колесом, а в волосах и бороде виднелись седые волоски.

— По дороге сюда, я заставила Доминика остановиться, чтобы помочь раненой собаке на обочине шоссе.

— Все еще мягкосердечная. Подобные дела никак не помогут тебе в жизни.

Сэм даже не подумала отвечать на это. Вместо этого она вернулась к Доминику.

— Доминик, это мой отец, Камерон, — затем она махнула рукой в сторону высокого, худого мужчины со светлыми волосами. — Это мой старший брат, Тейлор, а вон там мой брат Кевин.

— Итак, — произнес Кевин, — вы оба и вправду женаты?

— Так и есть, — со вздохом ответила Сэм.

Тейлор осмотрел Доминика, даже не пытаясь скрыть отвращение от их потрепанного вида.

— По правде сказать, мы всегда думали, что наша сестра выйдет замуж за Кена. Она встречалась с ним пять лет. Не так ли, сестра?

— Я видел Кена, — вмещался Доминик. — И он меня не впечатлил. Мне потребовалось всего лишь пять минут, чтобы понять, что он не заслуживает Сэм.

Глаза Тейлора сузились.

— Истинная правда, Кен хорек и половинчатый, — прыснула Эмма.

— Эмма, — сказал Тейлор. — Что я тебе говорил?

— Не говорить на неподходящие темы, — передразнила она. — Не встречать без спросу.

Не ругаться. Мыть руки. Я что-то пропустила?

Сэм не смогла сдержаться и улыбнулась племяннице. Список выглядел знакомым.

Все замолчали.

Ее братья и отец обожали Кена, и им не понравилось то, что Доминик сказал о нем.

Черт, им ведь даже было наплевать на то, что Кен бросил ее ради другой женщины.

Доминик сделал круг по комнате, пожимая всем руки.

— А где мама? — спросила Сэм.

— Папе показалось, что мама не одета должным образом, так что она пошла переодеваться. Это было до того, как он увидел тебя.

— Итак, сестренка, выкладывай, что на самом деле происходит между тобой и этим жиголом?

— Простите? — произнес Доминик, его челюсть напряглась.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Сэм.

— Мы же не вчера родились, — ответил Кевин, очевидно не понимая, насколько сейчас был близок к нокауту. — С чего вдруг такая знаменитость, как Доминик ДеМарко, мужчина, который может получить любую женщину в мире, решил жениться на такой маленькой серой мышке, как ты?

— Это правда, — вмешался Тейлор. — Мы все видели, с какими женщинами твой супруг фотографировался на красных дорожках, и какие шикарные вечеринки он посещал. То, что вы двое вместе не имеет совершенно никакого смысла.

— Папа, — взмолилась Сэм. — Ты собираешься и дальше позволять им разговаривать в таком тоне?

— Мы все строили предположения.

— Поверить не могу, — прошипела Эмма. — Сэм самая красивая, забавная и умная девушка во всем мире. Что в ней может не понравиться? Боже!

— Спасибо, Эмма.

Сэм посмотрела на Доминика. Судя по выражению его лица, он сейчас ничего не хотел так сильно, как поставить их всех на место.

Слава Богу, ее мама присоединилась к ним, прежде чем Доминик успел произнести хоть слово, или приложиться кулаком к лицу одного из ее братьев. Судя по его лицу, именно это он и собирался сделать.

С раскрытыми объятиями и любящей улыбкой на лице, ее мама пересекла комнату и сжала Сэм в объятиях. Когда она выпрямилась то с теплотой во взгляде посмотрела на Доминика, что напомнило Сэм о лучших днях.

— Доминик, — произнесла Сэм, — это моя мама, Ребекка.

— Это удовольствие, познакомиться с вами, — сказала Ребекка Доминику, и, проигнорировав его протянутую руку, обняла его.

— Я не хотела бы никого торопить, но ужин почти готов, — сказала она, отстраняясь от него. — Если мы зайдем свои места за большим столом, ужин скоро подадут. Я надеюсь, вы любите ростбиф с картофельным пюре и подливкой?

— Мои любимые блюда, — заверил ее Доминик.

— Знаешь, — сказал мистер Джонсон, — было бы неплохо, если бы ты лучше продумывала меню, когда у нас будут гости в следующий раз.

Возник неловкий момент, пока миссис Джонсон пыталась восстановить самообладание.

— Я полагала, что тебе понравится наслаждаться любимой едой вместе с твоим новым зятем.

Мистер Джонсон что-то пробурчал.

Все расселись по местам, кроме отца Сэм, который налил себе еще скотча, затем повернулся к Доминику, выдвигавшему стул для Сэм.

— Просто, чтобы прояснить ситуацию между нами, я думаю, вы должны знать, что я не в восторге от вашего брака.

Доминик удержал его взгляд.

— Вы совершенно четко дали это понять.

— Возможно, если бы вы нанесли мне визит, и попросили руки моей дочери, я мог бы поразмыслить над этим. Хотя нет, — быстро поправился он. — Я бы отказал вам, и отправил бы паковать вещи.

— Почему так? — спросил Доминик.

— Тот факт, что у вас двоих не хватило уважения одеться должным образом и явиться на ужин вовремя, является вполне достаточной причиной.

Доминик уже собирался было что-то ответить, но отец Сэм оказался быстрее.

— Просто уму непостижимо, — продолжил мистер Джонсон, — что американцы придают столько значения эскапизму и притворству. Мне не нравятся актеры — пустые души, тратящие время на...

— Папа, — оборвала его Сэм, — хватит.

— Все в порядке, — сказал ей Доминик. — Ничего нового, все это я слышал и раньше.

— Черт, а он прямолинеен, — пробормотал один из ее братьев.

Прозвенел дверной звонок, и миссис Джонсон извинившись, пошла посмотреть, кто пришел.

— Еще одна причина, по которой я не разрешил бы вам жениться на моей дочери, — продолжал отец Сэм, — это то, что ей все еще нужно многому научиться в жизни. Может быть, Саманта и создала свою карьеру несколько лет назад, но она женщина. Она никогда не будет той, кто делает хороший выбор в карьере. К несчастью, в ее жилах течет кровь моего свекра. Почему еще она могла захотеть стать журналисткой? В нем тоже преобладала творческая сторона, которая ничего ему не дала в жизни.

— А выйти замуж за мужчину, которого ты едва знаешь? — спросил Кевин. — Я всегда знал, что ты не такая как мы все, Сэмми, когда дело доходит до бизнеса. Но я надеялся, что в вопросе отношений ты окажешься умнее. Кен ждал твоего возвращения из Нью-Йорка. Он сожалеет о том, что сделал и хочет вернуться к тебе.

Доминик вставая хлопнул кулаком по столу, его лицо покраснело, зубы были крепко сжаты:

— Саманта сейчас моя жена, и вы будете разговаривать с ней уважительно, иначе вы вообще с ней не будете разговаривать. Она не только красива, у нее также доброе сердце, в отличие от любого из мужчин, сидящих в этой комнате.

Эмма улыбнулась.

— Кен — тупица. Если он когда-нибудь подойдет к моей жене, сначала я разобью ему нос, потом переломлю ноги.

— Боже, я вас люблю, — произнесла Эмма.

— Я же предупреждала тебя, — сказала Сэм Доминику.

— Да, это так, и прости, что я тебе не поверил. Проведя менее пятнадцати минут в твоей семье, я больше начал ценить собственную.

Улыбка Сэм превратилась в усмешку, прежде чем она фыркнула от смеха.

— Прости меня, — сказала она, прикрывая пальцами губы. — Это все так ужасно... до смешного ужасно.

Доминик хмыкнул вместе с ней, оба с радостью обнаружили, что могут найти нечто забавное в этих холодных кирпичных стенах.

— Вы только посмотрите, кто у нас здесь, — произнес Кевин, когда мама Сэм вернулась вместе с наступающим ей на пятки Кеном.

Сэм посмотрела на своего отца:

— Как ты мог?

— Я думал, что ты все еще его любишь.

— Я не верю ни одному из вас. И мне жаль, что я пригласила Доминика сюда, чтобы познакомиться со всеми вами.

— Готова уходить? — спросил так и не севший Доминик.

— Да, пожалуйста, забери меня отсюда. Нам нужно уходить, мам, мне жаль.

— Не стоит, дорогая. Я не могу дождаться, чтобы выбраться из этого до нелепости узкого коктейльного платья, и одеть что-нибудь более удобное.

— Куда все уходят? — спросил Кен.

— Ты всех распугал, — со смехом ответила Эмма, вставая со своего стула. — Я собираюсь посмотреть, не запостил ли Джейсон на Фейсбуке новые фотографии.

— Сэм, — грубо произнес мистер Джонстон. — Кен проделал долгий путь. Доминик может идти, но я хочу, чтобы ты осталась на какое-то время. Наш водитель может позже отвезти тебя домой... может быть, завтра, и ты насладишься временем, проведенным со своей семьей.

— Сэм уходит со мной, — ответил Доминик ее отцу. — Не потому, что я имею право решать, как она проводит свободное время, а из-за того, что нее есть собственное мнение, и сейчас она более чем жаждет сбежать отсюда.

Кевин выпрыгнул со своего стула с покрасневшим лицом и выпятил грудь:

— Я считаю, что ты должен извиниться перед всеми нами.

— Позволю себе не согласиться, — Доминик выпрямился. — Вы все должны извиниться перед вашей сестрой и вашей матерью за то, что обращаетесь с ними без должного уважения.

Кевин сжал руки в кулаки.

— Давай, рискни, — сказал Доминик.

— Оставь его, — обратился мистер Джонсон к своему сыну.

Доминик снова повернулся к миссис Джонсон.

— Простите, что мы уходим так рано, не успев даже попробовать вашу еду, потому что, я уверен, вы провели весь день за готовкой.

— Не беспокойтесь об этом, — со вздохом сказала она, ее плечи поникли. — Я все понимаю.

И было понятно, что именно она понимает.

Кен попытался отвести Сэм в сторонку, но испепеляющий взгляд Доминика заставил

мужчину отступить, и они вышли за дверь и пошли к машине.

По дороге домой они молчали. Доминик начал задумываться над тем, не хватил ли он через край, и не слишком ли много сказал. Не смотря на то, что он знал, что должен извиниться перед Сэм, он также знал, что этот ужин не мог бы закончиться по-другому, ну разве что, в дело могли бы пойти кулаки. Это ему бы тоже понравилось — потрепать ханжеское лицо Кевина. Ему пришлось напрячь все свои силы, чтобы не забрать с собой парочку зубов перед уходом. Он не мог смотреть, как они обращаются с Сэм. Особенно, если учесть, что это была ее собственная семья. Не удивительно, что она о себе такого невысокого мнения.

Женщина была доброй и щедрой. Страстно любила свою работу. Они могли бы никогда не встретиться, не говоря уже о свадьбе, если бы она не была такой чертовски целенаправленной на получение сюжета и возможности проявить себя. Она не заслуживала, чтобы с ней обращались как с второсортной. Он стиснул зубы при этой мысли. Временно или нет, она его жена, а он защищает то, что принадлежит ему.

Дорога домой казалась невероятно долгой. Ворота открылись, и он, проехав по длинной подъездной дорожке, припарковал свой Мерседес у каменного фонтана. Бен настоял, что ему для карьеры нужен особняк. "Знаменитости должны жить на широкую ногу", — любил говорить Бен.

Искренняя наглость семьи Сэм... холодные и мелкие умишки ее братьев, заставили Доминика понять то, что он и так знал... за массивными домами и роскошными машинами существовала более полноценная жизнь. Пришло время перестать слушать Бена или еще кого-нибудь. С домом нужно распрощаться.

Когда он вошел внутрь, тишина поглотила его. Он запер дверь и, повернувшись к Сэм, коснулся ее плеча. Он никогда в жизни не чувствовал себя так плохо из-за кого-то.

— Сэм. Я должен извиниться за сегодняшний вечер. Я должен был промолчать, особенно после того, как ты предупредила меня насчет твоих братьев.

Когда она поворачивалась, чтобы посмотреть на него, сумочка спала с ее плеча. Она обхватила его лицо руками, в точности так же, как она делала на фестивале, но в этот раз она притянула его губы к своим и поцеловала его долгим и глубоким поцелуем.

У нее перехватывало дыхание, и она перенесла свой вес на поцелуй, отталкивая его к стене, расстегивая его рубашку, отрывая пуговицы от усердия.

— Ты уверена, что хочешь этого?

— Я никогда в жизни не была так уверена.

Он стащил с нее свитер с тем же энтузиазмом, с каким она стаскивала его рубашку. Их яростные движения соответствовали их настроению, пока они раздевали друг друга.

Не было времени добираться до спальни. Ее руки были повсюду, обжигая его плоть, когда он поднимал ее на руки. Когда он почувствовал ее влажный язык на своей голой груди, ему стало тяжело дышать. Они оказались на ковре в гостиной. Упало кресло, что-то разбилось, но им было плевать. Мария не вернется до понедельника.

Волосы Сэм поблескивали в лунном свете, льющемся из окна, но не было времени восхищаться этой красотой, пока ее короткие ногти царапали его плечи и спину, ноги обвили вокруг его талии, и она выгнулась под ним дугой. Она изголодалась по любви, и кто он такой, чтобы с ней спорить?

Глава 18

Ребекка Джонсон стояла на балконе и смотрела на звезды. Ее руки покрылись гусиной кожей, а легкий, но холодный ветерок ерошил ее волосы. Она слегка продрогла, и, при нормальных обстоятельствах, она бы уже дрожала от холода.

Но не этой ночью.

Прежде чем Саманта покинула дом вместе с Домиником, Ребекка заметила взгляд дочери — взгляд, наполненный надеждой и бесчисленными возможностями. Да, она увидела все это, и еще больше, когда муж Саманты вступился за нее. Никто не знает своего ребенка лучше, чем мать.

В том единственном взгляде Ребекка также увидела саму себя много лет назад. И впервые за тридцать девять лет брака она знала, что ей нужно делать.

— Ребекка! — резко позвал ее муж. — Что ты там делаешь?

Посмотрев на звезды еще раз, Ребекка вздохнула и вернулась внутрь, где на нее уставился ее муж, его глаза поблескивали в темноте.

— Почему ты всегда так невнимательна к другим? — спросил он. — В комнате сейчас холодно. Как я смогу снова уснуть?

Она прошла через комнату и вошла в их огромную гардеробную. Схватила самый большой чемодан, какой только смогла найти и быстро начала наполнять его достаточным количеством одежды, которой хватило бы на долгое время.

Зажегся свет. Камерон стоял в дверном проеме, ведущем в гардеробную. Ее когда-то сильный, мощный муж сейчас выглядел неожиданно маленьким и трусливым, скрывающимся за грубоватым голосом. Когда-то он был добрым и ласковым, одним из самых милых мужчин из всех, которых она встречала, но через несколько лет после того, как он стал управлять бизнесом своего отца, деньги и власть стали слишком много значить для него. Он стал всех критиковать и грубить, даже их занятия любовью стали более требовательными и менее любящими.

Ребекка бесчисленное количество раз пыталась поговорить с ним о его капризах. Она напрямую говорила ему, что это влияет на их брак, но он был помешан на том, чтобы иметь все. Она могла бы продолжать жить подобным образом, зная, что его работа стала, в некотором роде его любовницей, но уже через какое-то время Камерон стал предпочитать сон на диване в офисе, чем иметь дело с ее просьбами сходить куда-нибудь на ужин, или поехать куда-нибудь отдохнуть.

Сторая от желания получить внимание и любовь, она переспала с Биллом Харрингтоном, брокером по недвижимости с руками художника и ангельским голосом.

Проведя время с Биллом, Ребекка пришла домой, ожидая увидеть пустой дом, но вместо этого увидела мужа, которого она больше не узнавала. Она больше даже не пыталась притворяться, что ничего не происходит. Она разрыдалась и рассказала Камерону, что она сделала и почему.

И с тех пор Камерон ее наказывает.

Все эти годы она считала, что заслуживает его злобных слов и холодных взглядов. Но увидев Саманту и Доминика, заступившегося за нее перед ее мужем, прежде чем уйти, Ребекка поняла, что она выплатила свои долги. Она заслуживает лучшего.

— Я ухожу, — наконец произнесла она горькие слова.

— Черта с два, ты уходишь.

Ребекка застегнула свой чемодан, а потом повернулась к мужу. Она прошагала прямо к нему, и пальцем ткнула его в грудь.

— Я ухожу. И ты не сможешь меня остановить.

Он отошел в сторону, на его губах заиграла усмешка:

— Если ты покинешь этот дом, я позабочусь о том, чтобы ты ничего не получила.

Она ему улыбнулась:

— Как ты думаешь, что я получала последние сорок лет?

Она прошла в спальню, ее босые ноги тонули в пушистом ковре, пока женщина шла через коридор и вниз по лестнице. Она ожидала, что расплечется, но ее глаза были сухими, как пустыня Мохаве. Босая и в ночной сорочке, она открыла входную дверь.

— Мам, куда ты идешь?

Она забыла, что ее старший сын остался на ночь.

— Возвращайся спать, — сказала она ему.

— Ты не можешь выйти на улицу в пижаме. Что если соседи тебя увидят?

Эта мысль ее развеселила. Впервые за долгие годы, может быть, вообще за все время, ей было насрать, что подумают другие. Она вышла на улицу и тихо прикрыла за собой двери. Закрыв глаза, она полной грудью вдохнула свежий ночной воздух.

Она была свободна. Наконец-то.

На следующий день, поев бургеры и домашние картофельные чипсы, Саманта и жена Тома, Гретчен, сидели в мягких креслах на раскидистом каменном патио, наблюдая, как Доминик и Том корчат глупые рожицы трехмесячному сыну Тома, Лэндону.

Несмотря на то, что она недавно родила, Гретчен была худеньким созданием, с нахальным блеском в глазах. После пары минут общения с ней, Сэм знала, что она ей понравится.

При виде Доминика с ребенком на руках ее сердце таяло. Его суровое лицо смягчалось прямо на глазах. Однажды, он сможет стать хорошим отцом. После того, как пару дней назад он дал ей понять, что она не сможет ему доверять, Сэм не планировала заниматься с ним любовью. Но после того, как он вступился за нее перед ее братьями и отцом, ее решимость ослабла, и женщина не пожалела об этом. Занятия любовью с Домиником оказались именно такими, как она и представляла.

Их неистовый секс начался на полу в гостиной, затем они переместились на диван там же, и, наконец, в его постели. Даже сейчас, ее тело покалывало с головы до пальцев на ногах. Не осталось ни единой части ее тела, которой он бы не видел, или не прикоснулся, и ей это нравилось. Впервые за все время, она занималась любовью с мужчиной, и не чувствовала сожаления, или страха, что он может сбежать. Следующие два месяца, к лучшему или худшему, они застряли друг с другом, и она улыбалась при мыслях об этом.

Доминик обычно был скрытным и отчужденным, как будто он боялся сказать слишком много, но в постели он позволил своим стенам обрушиться. Он не был эгоистичным любовником. Даже близко. Он был дарителем, созидателем, угодником.

Там где у нее не хватало опыта, она восполняла любопытством. У нее было так много оргазмов, что Сэм потеряла им счет. Когда она проснулась этим утром, то чувствовала себя новой женщиной, ее тело было удовлетворено, как никогда раньше. Странно, но она чувствовала себя сильнее... мудрее, как будто за последние несколько недель узнала больше, чем за всю свою жизнь. Впервые за долгое время, она была уверена, что справится со всеми

преградами на пути.

Наблюдая за Домиником с ребенком, она не могла перестать думать об этих руках... губах. Никогда раньше Саманта не чувствовала такого лихорадочного желания к мужчине. Ей было достаточно лишь увидеть его, чтобы захотеть.

Хотя он и любил притворяться мужчиной, лишенным чувств, он не сможет скрывать свои эмоции вечно. Он был очаровательным, смешным, и заботливым. Если думать о нем как о лживой скотине, противостоять ему было намного легче. Но сейчас, когда они провели время вместе, получили возможность узнать друг друга, она знала, что он совершенно не похож на того мужчину, каким она его считала поначалу. Он был внимателен к окружающим его людям, защищал тех, кто ему дорог.

Гретчен еще немного смазала свои ноги лосьоном для загара и сказала:

— Нет ничего лучше, чем наблюдать, как двое мужчин без рубашек играют с младенцем.

Сэм кивнула:

— Я и понятия не имела, что дети и мужчины без рубашек могут оказаться такой смертельной комбинацией.

Гретчен засмеялась:

— Мужчина без рубашки со щенком тоже может сработать.

Сэм улыбнулась. Было замечательно расслабиться на солнце и посмеяться с новой подругой.

— Вы двое планируете в скором времени завести ребенка, или сперва собираетесь насладиться временем вдвоем?

Сэм озадаченно посмотрела на Гретчен. До этого момента она считала, что Гретчен в курсе их ситуации.

— Я знаю, что происходит, — заверила ее Гретчен, словно прочитав ее мысли.

— О, слава Богу!

— Но те взгляды, которые вы бросаете друг на друга, заставляют меня думать, что вы наслаждаетесь браком. Я знаю Доминика много лет, и я никогда раньше не видела его таким счастливым.

— Серьезно?

Гретчен засмеялась. — Серьезно, — ответила она. — Ты влюблена в этого мужчину, я права?

— Боже, понятия не имею. Я знакома с Домиником всего несколько недель.

Даже после того, как она произнесла эти слова, Сэм знала, что влюбилась в него; она влюбилась так быстро, и настолько сильно, что мир услышит оглушительный шлепок, когда она, наконец, упадет на землю.

— Должна признать, что он совершенно не такой мужчина, каким я его считала.

— Что ты имеешь в виду? Каким ты его считала?

— Ну, он же знаменитость.

— Ты же не о стереотипах сейчас говоришь?

— Я не знаю, — со смехом ответила Сэм, — но при моей работе тяжело не считать таких парней как Доминик высокомерными бабниками.

— Доминик один из хороших парней, — сказала Гретчен. — Он заботится о людях. Никогда не ставит себя выше защиты других. Он так же предан, как и другие. Существует много историй о Доминике, о которых публика не в курсе, но он позволяет Бену управлять

шоу так долго, что не понимает, что благотворительность и доброе сердце тоже могут продавать журналы.

Прежде, чем Сэм успела прокомментировать, к ним присоединились Доминик и Том.

— Мне кажется, Лэндон проголодался, — сказал Том Гретчен.

Пока Гретчен брала ребенка, и укладывала одеяло так, чтобы покормить его грудью, Том рассказал им об интервью, которое он запланировал.

— Вы попадете в прайм-тайм, — продолжал Том. — Интервьюером будет Барбара Феллс. Эта женщина никогда упустит своего.

— Что означает, вам обоим нужно подготовиться, — сказала Гретчен.

Сэм посмотрела на Доминика:

— Что ты думаешь?

Он пожал плечами:

— В этом вопросе у нас не так уж много вариантов.

— Она собирается узнать, почему ты женился на Саманте Джонсон, — сказала Гретчен. — Она собирается посмотреть на тебя, Доминик, и напрямую спросить, не является ли все это фарсом, аферой, чтобы помочь твоей карьере, и заставить людей снова заговорить о тебе.

Доминик почесал подбородок, и на его лбу появилась морщинка. Сэм знала, что ему не нравится лгать общественности, но теперь он будет вынужден публично отрицать обвинения в том, что их брак всего лишь уловка.

— Есть ли возможность этого избежать? — спросила Сэм.

Том покачал головой.

— У Доминика контракт с "World Studios". Именно они организовали интервью.

Доминик улыбнулся Сэм.

— Не волнуйся, я все сделаю. Когда она спросит меня, почему я женился на тебе, я посмотрю Барбаре Феллс прямо в глаза, и скажу, что когда впервые увидел тебя, решил, что ты журналистка-людоедка с когтями дракона, но меньше чем за двадцать четыре часа, я понял, что ты та единственная, женщина, которая станет моей женой. Я объясню, что ты все, что я хотел получить в женщине... красивая внутри и снаружи... настоящая.

Сэм проглотила комок, образовавшийся в ее горле. Он и правда так думает, или просто притворяется?

— Окей, — сказала она. — А я честно скажу Барбаре, что нельзя судить о мужчине по журнальной обложке. Я скажу, что за двадцать четыре часа общения с Домиником ДеМарко я поняла, что пропала, и за очень короткое время он стал моим героем, моим любовником, доверенным лицом и другом.

Том улыбнулся и посмотрел на свою жену.

Гретчен хмыкнула.

— Я думаю, ты можешь позвонить Бену и сказать, что у них все под контролем.

Глава 19

Стоя на верхней ступеньке, Доминик и Сэм наблюдали за отъездом Тома и Гретчен. После того, как ворота на краю подъездной дорожки закрылись, они посмотрели друг на друга.

Вдыхая его знакомый запах, Сэм заметила, что его рубашка наполовину расстегнута, и

обнаружила, что наслаждается открывшимся ей зрелищем: резко очерченная грудь, мускулистые предплечья, загорелые, вылепленные руки, сильные пальцы. Эти руки могут творить невообразимые вещи с ее телом. При одной только мысли об этом, по ее позвоночнику пробежала дрожь.

— О чем ты думаешь? — его взгляд говорил о том, что ответ ему известен.

— Я думаю о том, как хорошо я сегодня повеселилась, — приврала она.

— Я тоже хорошо провел время. С Томом и Гретчен всегда весело, хоть я и не мог дождаться, пока они уедут.

Она подняла бровь.

— Правда? Почему?

— Потому что я не могу выбросить из головы прошлую ночь, вот почему.

Указательным пальцем он приподнял ее подбородок, чтобы посмотреть глубже в ее глаза.

— Ты словно наложила на меня какое-то странно заклятие, не так ли?

— Это правда, — тихо засмеялась Сэм, даже не пытаясь отодвинуться. — Я ведьма. И я наложила на тебя свое самое сильное любовное заклятие.

Он наклонился и глубоко поцеловал ее.

— Я весь день умирал от желания сделать это.

— Я наслаждаюсь твоими поцелуями, Доминик. И мне также нравится заниматься с тобой любовью, но мне нужно знать, есть ли между нами что-то большее, прежде чем мы сможем продолжить все дальше.

Он открыл рот, чтобы заговорить, но она приложила пальцы к его губам.

— Я не питаю громадных иллюзий о том, что наш брак станет чем-то большим. Я абсолютно понимаю, что это соглашение временное, так что тебе не о чем беспокоиться, но в моих чувствах нет ничего удивительного. В следующие двадцать четыре часа я не собираюсь заниматься с тобой любовью.

Его брови взлетели вверх.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— До тех пор, пока ты не откроешься мне. Я знаю, что ты не доверяешь мне, но это твои проблемы. И, кроме того, мы должны задавать друг другу вопросы, и узнать друг друга перед интервью.

Закончив свою речь, она пошла прочь.

— Куда ты идешь?

— Мне нужно проверить нашу новую собаку. Знаешь, ей действительно нужна кличка.

Он последовал за ней через дом. Они забрали собаку из ветлечебницы утром, еще до приезда Тома и Гретчен. Следующие десять дней животное будет на антибиотиках и болеутоляющем. Бедному животному наложили больше сотни швов, и у него была сломана лапа, но ветеринар сказал, что при условии заботы, пес полностью восстановится.

— Моя слабость, это свежее испеченное шоколадное печенье, — выпалил Доминик.

Она мысленно улыбнулась, но промолчала.

— У меня была колли по имени Леди, и когда я был в третьем классе, я сходил с ума по своей учительнице математики, миссис Холланд.

— Ты был хорош в математике?

— Совсем нет. Миссис Холланд отвлекала меня.

Она хмыкнула:

— Что еще?

— Я могу справиться с вальсом, но я бы не смог ничего нарисовать, даже ради спасения собственной жизни.

— У тебя и вправду аллергия на кошек?

Он чихнул:

— Клинический случай.

— Ты играешь на музыкальных инструментах?

— Немного на гитаре.

Они уже находились у гостинной.

— О, вы только посмотрите на это, — произнесла Сэм.

Раненая собака спала на мягкой собачьей подстилке, которую они купили для него, а Шекспир и Рекс лежали по бокам, словно охраняя нового друга.

— Его имя — Цезарь, — объявил Доминик. — А теперь, расскажи мне что-нибудь о себе.

— Я люблю играть в шахматы, — будет только справедливо, если она расскажет несколько вещей и о себе. — И я также могу с удовольствием слушать любую песню Адель. У меня аллергия на ядовитый дуб.

— Восхитительно, — он потянулся к ней, но она хлопнула его по руке.

Она вышла на улицу и начала собирать тарелки, оставшиеся с ланча.

— У тебя когда-нибудь рос ядовитый дуб?

Он встал за ее спиной, забирая тарелки, которые она ему передавала.

— У меня никогда не было ядовитых дубов. Но у меня есть шрам вот здесь.

Держа тарелки в руке, он показал ей неровный шов на левом локте.

— Что случилось?

— Я пытался выпутать своего змея из высоких веток и плюхнулся в грязь.

Сэм наморщила нос.

— Ауч.

Теперь они были на кухне.

— Какие-нибудь травмы, о которых я должен знать? — спросил Доминик.

Она ополоснула тарелки, и начала передавать их ему по одной, чтобы он мог заполнить посудомоечную машину. Затем показала на спую правую ногу.

— Танцевальная травма?

— Нет. Я заботилась о лошади. Она испугалась и сильно ударила меня по ноге.

Он наклонился ближе.

— Мне кажется, я должен поцеловать, чтобы тебе стало лучше.

Улыбаясь, она отпихнула его плечом.

— Любимый цвет, мороженое, и число? — спросил он, чуть хриплым голосом, нависая над ней, прикасаясь губами к ее уху и полностью забыв о посуде.

— Зеленый, с кусочками печенья и секс, — выдохнула она. — То есть, я хотела сказать, шесть. А как насчет тебя?

— Голубой, ванильное и... — он подмигнул ей. — Тоже шесть.

Она засмеялась.

— Ты все выдумал.

— Я бы никогда не стал лгать о таких серьезных вещах.

Она улыбнулась, в основном потому что чувствовала, как он прижимается к ней, и Сэм

направилась эта его игривая сторона. Она повернулась так, чтобы они встретились лицом к лицу, и обняла его за шею.

— Ты не услышал ни слова из того, что я говорила, ведь так?

— Травма от лошади на правой ноге. Зеленый, с кусочками печенья, шесть.

Она улыбнулась.

— Я о том, что не буду заниматься с тобой любовью следующие двадцать четыре часа.

— Но ты также сказала, "до тех пор, пока я не откроюсь тебе". Что еще ты хочешь узнать?

— Я хочу узнать, что ты чувствуешь по отношению ко мне.

— Я обожаю тебя — каждую частичку.

Он снова поцеловал ее, побуждая Сэм исследовать руками каждый дюйм его мускулистых плеч. Это было бесполезно. Она могла бы до посинения твердить "нет", но ее тело продолжало говорить "да". Она была податливой в его руках, не смогла бы сопротивляться его чарам, даже если бы захотела. Он открылся ей вполне достаточно для одного дня.

На следующее утро Сэм пошатываясь, и с заспанными глазами вошла в кухню. Мария стояла у плиты, а Доминик сидел за кухонным столом, и перед ним лежал сценарий.

— Доброе утро, миссис Доминик. Сделать вам яичницу или омлет?

— Привет, Мария. Яичница звучит здорово. Спасибо, — сев за стол напротив Доминика, она наблюдала, как он читает. — Еще не нашел ничего интересного?

— Один сценарий привлек мое внимание, но мне нужно поговорить с режиссером, прежде чем я приму какое-то решение.

Она обхватила руками свою чашку.

— И что это за фильм?

— Вестерн.

Ее глаза расширились от удивления.

— Я решил, что это будет неплохой переход от агента ФБР к ковбою.

— И каким бы красивым ковбоем вы могли бы стать, — сказала через плечо Мария, заставив их обоих улыбнуться.

— В ее словах есть резон. Нет ничего сексуальнее мужчины в кожаных гамашах и сапогах.

Разве что за исключением мужчины с ребенком на руках, подумала Сэм.

Зазвонил телефон. Доминик поднял трубку еще до того, как прозвенел второй звонок. Он нажал кнопку, чтобы открыть ворота в конце подъездной дорожки, а потом повесил трубку.

— Это был твой отец. Он на пути сюда.

— Мой отец здесь?

— Очевидно, — сказал Доминик, отправляясь к входной двери.

Сэм поставила свою чашку на стол и пошла за ним, и через минуту с удивлением увидела у двери своего отца.

— Пап, что ты здесь делаешь? — отец Сэм был не таким человеком, чтобы позвонить ей, или появиться в ее квартире, так что его появление в доме Доминика было более чем странным, особенно после случившегося. — Что происходит? — спросила она, все еще расстроенная из-за того, что он вел себя как свинья.

Его одежда была помятой. Тонкие седые волосы торчали на его голове. Он выглядел ужасно.

— Ты разговаривала со своей матерью?

— Нет, с тех пор, как была дома тем вечером.

Тишина.

При ближайшем рассмотрении она заметила темные круги у него под глазами. Определенно он спал в той одежде, что была на нем.

— Пап, что происходит? Что-то случилось с Эммой или братьями?

— Они все в порядке, — он попытался заглянуть ей через плечо. — Твоей матери здесь нет?

— Нет. Почему бы тебе не зайти и не убедиться лично?

Он прошел мимо них, заглядывая в каждую комнату.

Сэм посмотрела на Доминика. Он едва заметно поднял бровь и пожал плечами.

— Садитесь, — сказал он, когда они все собрались в кухне.

Мария наполнила еще одну чашку кофе и передала ему. Ее отец сделал глоток и даже поблагодарил, что было неслыханно и обеспокоило Сэм еще больше.

— Папа, — Сэм сделала еще одну попытку, — расскажи мне, что происходит.

— Твоя мать ушла от меня.

— Сегодня понедельник. Может быть, она пошла к своему парикмахеру.

— Хотел бы я, чтобы это так и было.

Он говорил очень странно. Его голос обычно излучал властность, которая эхом отскакивала от стен. В данный момент, подумала она, он больше похож на ребенка.

— Вы с мамой поругались?

— Думаю, ты можешь это так называть, — хмуро сказал он. — Она ушла от меня. Вышла из дома посреди ночи, в ту ночь, когда вы оба были там. Она ушла из дома, одетая всего лишь в свою пижаму.

— Мама ушла из дома, в одной пижаме? — Сэм не могла себе этого представить. Мама была из тех женщин, которые прихорашиваются, даже выходя в магазин — разве что ее совершенно достало папино отношение. — Она наконец-то сделала это, — прошептала Сэм.

— Что ты имеешь в виду? — обеспокоенно спросил отец. — Наконец-то сделала что?

— Она наконец-то ушла от тебя, наконец-то устала от твоего властного дерьма.

Доминик положил руку на предплечье Сэм, словно хотел удержать ее от дальнейших слов.

— Нет, он должен услышать это. Кто-то должен был сказать ему об этом еще давно.

Сэм повернулась и посмотрела ему в лицо:

— Ты был тираном. Годами. Обращался с мамой без малейшего уважения перед ее детьми и друзьями.

Он стойко все выслушал, а потом ладонями своих больших рук потер опухшие, покрасневшие глаза.

Сэм откинула с лица волосы.

— Мне нужно было заехать в пару мест этим утром, но я собираюсь позвонить маме, чтобы убедиться, что с ней все в порядке.

— Ты попросишь ее позвонить мне? — спросил отец, умоляюще посмотрев на нее. — Передай ей, что мне нужно с ней поговорить. Мне нужно, чтобы она вернулась домой.

— Иди, — обратился Доминик к Сэм. — Я отведу твоего отца на долгую прогулку по

пляжу.

— Съешьте свои яйца перед уходом, — сказала Мария. Она махнула лопаткой отцу Сэм и спросила, — Омлет или яичница, мистер Саманта?

Глава 20

Сэм заехала на парковочное место, но не торопилась выходить, она любовалась красивой машиной Доминика, вдыхая запах кожи и гладкого дерева, окружающего мультимедийные устройства. Она уже собиралась заглушить двигатель, когда на экране замигало сообщение. Потянув за провод, Сэм поняла, что Доминик оставил в машине свой мобильник.

Текст сообщения на экране гласил: "Каждый час без тебя — это кинжал в моем сердце. С нетерпением жду новой встречи с тобой. Джулия".

У нее болезненно кольнуло в животе, пока она снова перечитывала сообщение. Оно ничего не значит, убеждала себя Сэм. Но потом она вспомнила, как Джулия прижималась к Доминику. Она красивая женщина, и они составляли поразительную пару.

Сэм прикусила нижнюю губу, водя кончиками пальцев по его телефону. Это к ней он ходил, когда уходил из дома? Он встречается с Джулией?

Доминик скорее всего получает подобные письма ежечасно. Он же знаменитость. Подобные вещи являются частью сделки. Она нажала несколько кнопок и просмотрела список адресов в его навигационной системе. Один адрес находился в самом верху списка.

Может это адрес Джулии? Это то место, где он бывает? Прекрати! Ты становишься ревнивой дурочкой.

Порывшись в своем кошельке, она вытащила лист бумаги и ручку и записала адрес, просто на всякий случай, если ей когда-нибудь понадобится его найти.

Она выключила двигатель, выбралась из машины, и пошла в сторону серого, бетонного здания. Сэм знала, что будет не в состоянии забыть о сообщении до тех пор, пока не спросит о нем Доминика, что она и планировала сделать, как только они окажутся наедине.

Намереваясь забыть о Доминике, хотя бы на время, Сэм задумалась о своих родителях. Расстроенное состояние отца этим утром, сделало его почти человеком. Он был холодным и далеким так долго, что она забыла, как папа обращался с ней, когда она была маленькой. Он был любящим и заботливым — позитивная сила в ее жизни. Но в старшей школе все изменилось. Его капризные вспышки пугали ее. Ее братья следовали примеру отца, относясь к ней с таким же пренебрежением. Она нашла способ избегать их всех, но ей всегда было жалко маму. Сэм не потребовалось много времени, чтобы понять — она сделала что-то неправильно. Почему еще отец и братья издевались над ней при каждом возможном случае, как будто она была неудачницей? Темы их разговоров всегда переходили на карьеру Сэм и на то, как ей необходимо добиться чего-то самой.

Впервые в жизни, Саманта поняла, что перемены в ее отце могут не иметь ничего общего с ней. Годами она изо всех сил пыталась достичь успеха, доказать, что она на что-то способна. Надеялась, что ее успех сможет стать ключом к его сердцу.

Когда она открыла дверь к своему рабочему месту, Сэм охватило тревожное чувство, заставившее ее усомниться в своих целях. Митси оставила сообщение с просьбой прийти в офис и подписать документы, вместо написанного наспех контракта, который она уже заставила Сэм подписать. Что она здесь делает? Холодное серое здание внезапно показалось

ей отражением всей ее жизни.

Ее каблук стучали по полу, когда она шла напрямик к офису Митси. Сэм не оглядывалась по сторонам, чтобы посмотреть, отметят ли коллеги ее присутствие кивком головы, или приветственным жестом.

— Сэм!

Кейт махала ей рукой. После того раза, Сэм полагала, что они больше не будут разговаривать, но Кейт, казалось, была рада ее увидеть.

— Привет, Кейт, что происходит?

— Я рада, что ты здесь. У меня было время обдумать все, что ты сказала, и я хочу извиниться за то, что плохо с тобой обошлась. Я должна была быть здесь ради тебя, когда ты вернулась из Нью-Йорка. Вообще-то, я хочу поздравить тебя с замужеством, и хочу, чтобы ты знала, если тебе что-нибудь понадобится, все что угодно, я буду здесь.

Когда они обе обнялись, их глаза были влажными.

— Ты тоже прости меня, — сказала Сэм. — Я никогда не хотела тебя ранить.

— Я знаю, что не хотела. И также знаю, как ты, должно быть, занята своей новой жизнью, но, если ты выкроишь время, на этой неделе, или следующей, я бы с удовольствием приехала к тебе домой в Малибу... может быть встретила бы с твоим мужем.

Сэм нацарапала адрес на обрывке бумаги.

— Приезжай в любое время. Я с удовольствием наверстаю упущенное.

— Ты здесь, чтобы увидеть Митси?

Сэм кивнула:

— У нее есть для меня документы на подпись.

— Вероятно, тебе не стоит заставлять ее ждать.

— Скоро увидимся?

— Определенно.

Сэм пошла к офису Митси. Она огляделась и снова подумала о всей той тяжелой работе, которую выполняла для этих людей. Сэм никогда не просила ничего взамен, и именно это она и получила. Ничего. Каждый раз, когда один из ее коллег получал прибавку к зарплате или повышение, она пекла пирог, чтобы отпраздновать успех. А когда хоть кто-нибудь из них похлопал ее по спине или похвалил за работу?

Расстроенная Сэм даже и не подумала постучать в двери офиса Митси. Она просто вошла и закрыла за собой дверь.

— Ну и ну, неужели это сама миссис ДеМарко?!

— Привет, Митси. Ты сказала, у тебя есть бумаги на подпись?

— Да. Присаживайся и мы начнем.

Сэм чувствовала, как ее решимость тонет, словно Титаник. В Митси было нечто пугающее. Тишина была удушающей, пока она читала контракт, который Митси положила перед ней. Много юридических терминов обозначали эксклюзивность истории Сэм. Сэм просмотрела весь документ, а потом взглянула на Митси.

— Я не могу это подписать.

— Просто выдели места, с которыми у тебя проблемы, я поговорю с юристом, и посмотрю, что мы сможем сделать.

— Я не собираюсь отдавать вам эксклюзив.

Митси уставилась на нее стальным взглядом.

— Ты задолжала перед "Ритмом ЛА". Ты задолжала мне, Саманта. Нужно ли

напомянуть, какому унижению я подверглась? До сих пор мне звонят коллеги и спрашивают, каким образом моей собственной сотруднице удалось выскочить замуж за ДеМарко прямо у меня под носом.

— А что такого "Ритм ЛА" сделал для меня? — спросила Сэм.

— Определенно, этот брак что-то сделал с твоими мозгами.

— Понятия не имею, о чем вы говорите.

— Посмотри на себя, — Митси карандашом указала на Сэм. — Ты выглядишь по-другому. Волосы, макияж, хороший костюм.

— Я надевала этот костюм на работу дюжину раз, но вы никогда не замечали. Я не покладая рук работала на эту газету, на своих коллег, на вас, и до сих пор ни у кого не хватило приличий поздороваться или поздравить меня. Так что, может быть, вы и правы. Этот брак изменил меня. Он позволил мне увидеть все в истинном цвете. Впервые за долгие годы, я начинаю понимать, что я недооценивала себя. Но больше так не будет.

— Ты изменилась, — сказала Митси. — У тебя наконец-то образовался стержень, не так ли, Саманта?

Сэм не дрогнула. Эта женщина всегда казалась такой большой, такой важной. Но на самом деле Митси была просто женщиной, которой удавалось создавать впечатление о собственной значимости у других. За последние несколько недель, Сэм многого достигла, ее самооценка и уверенность в себе росли с каждым днем.

— Хоть ты и не собираешься подписывать контракт, у тебя сегодня есть много бумажной работы, — сказала Митси. — Саманта, ты нам нужна.

— Я закончила с бумажной работой. Я увольняюсь.

— Ты не можешь уволиться. Что ты будешь делать? Жить в тени славы ДеМарко? Тебя всегда будут знать просто как жену ДеМарко. Это то, чего ты хочешь?

— В Лос-Анджелесе имеется достаточное количество уважаемых изданий.

— Они никогда не наймут тебя. После того, что ты провернула в Нью-Йорке, твое имя замарано навсегда.

— Я найду фирму, где меня оценят, — сказала Сэм. — Работу, где ценится командный труд, место, которое сделает меня счастливой.

— Счастье переоценивают, — прорычала Митси.

Сэм направилась к двери.

— Пока ты не ушла, — сказала Митси. — У меня кое-что есть для тебя.

Сэм повернулась, и терпеливо ждала, пока Митси потянулась к ящичку стола и вытащила оттуда конверт. Она удержала его, перед тем, как передать Сэм.

— Я не собиралась показывать это тебе, но, понимаешь ты или нет, я делаю это как друг.

Сэм не понравилась мрачность глаз Митси и очень знакомое выражение силы и контроля на ее лице. Сэм не хотела возвращаться к ее столу и брать конверт, но все же сделала это. Она отстегнула металлическую застежку, заглянула внутрь и вытащила пять глянцевых снимков восемь на десять, на которых был снят Доминик с другой женщиной. Это не была Джулия, или одна из тех женщин, с которыми Сэм привыкла годами видеть его. Эта женщина обладала природной красотой, у нее были длинные каштановые волосы, широкая улыбка и сияющие голубые глаза.

А на заднем фоне были собаки. Много собак.

Глава 21

Сэм терпеливо ждала свою мать в популярном гриль баре на Пятой Улице. Она приехала на пять минут раньше и заказала стакан газированной воды. В ресторан вошла женщина в возрасте. Когда она повернулась в сторону Сэм, восторг осветил ее лицо.

Мама?

На ней было надето красивое платье бирюзового цвета. Волосы зачесаны на одну сторону, нанесен идеальный макияж.

Сэм встала, чтобы поприветствовать ее.

— Ты выглядишь потрясающе.

Улыбаясь, Ребекка Джонстон скользнула в кабинку, сядя напротив нее. Сэм не верила своим глазам. Трансформация была невероятной.

К ним подошла официантка, приняла их заказы, затем поспешила помочь другому посетителю.

— Папа беспокоится о тебе.

— Ну, он и должен.

— Я тоже беспокоилась.

— Прости насчет этого. Я должна была позвонить тебе сразу же, как поселилась в отеле.

— В отеле?

— Я полагаю, ты уже разговаривала с отцом.

— Да, я говорила с папой. По сути, я оставила его в доме с Домиником пару часов назад, но он не говорил ничего о том, что ты остановилась в отеле.

— Твой отец приехал к тебе домой?

Сэм кивнула.

— Он выглядит ужасно.

— Ты же не говорила ему, что встречаешься со мной?

— Сказала. Прости. Я не хотела, чтобы папа или Доминик беспокоились за меня, но я не сказала им, где мы встречаемся. — Сэм потянулась, и накрыла своей рукой руку мамы. — Что происходит?

— Я больше не могла терпеть все это. Я видела, как ты смотрела на Доминика в ту ночь. Как он заступался за тебя. Как вы оба набросились на твоего отца и братьев ради другого человека. После осознания как вы оба счастливы, моя прежняя жизнь вернулась ко мне в ослепительной вспышке. Она накатила на меня посреди ночи и не собиралась отпустить. Мы с папой тоже были счастливы когда-то.

— Я знаю, так и было, — сказала Сэм. — Но внезапно папа изменился, и все эти годы я считала причиной этого то, что я не оправдала его ожидания.

— О, детка, мне так жаль. Это не имеет ничего общего с тобой или твоими братьями. Я должна была поговорить с тобой, объяснить, что происходит между твоим отцом и мной, не имеет ничего общего ни с одним из вас. Но я не хотела обременять тебя нашими проблемами.

— Итак, что произошло между вами?

— После того, как твой папа стал управлять бизнесом своего отца, он приходил домой все реже и реже. Я боялась, что останусь одинокой.

— Ты говорила ему?

Ребекка кивнула, но выглядела при этом невероятно грустной.

— Я сказала ему, что он нужен мне дома. Он посчитал это нытьем, и чем больше я пыталась поговорить с ним, тем дольше он задерживался на работе каждую ночь.

— И что же ты сделала?

— У меня был роман.

— О, — Сэм понятия не имела об этом. Ее тело почти растаяло на стуле.

— Я не хотела преподать ему урок, — продолжала она. — Я просто была одинока. И, так как чувство вины разъедало меня, я рассказала твоему отцу о случившемся.

Сэм не верила своим ушам. Она испытала странное чувство облегчения, когда поняла, что не она является причиной грусти своего отца, но также, ей было ужасно жаль маму.

— С тех пор он меня наказывает.

Все начало обретать смысл. С ее плеч буквально свалился тяжелый груз.

— Все совершают ошибки, — мягко сказала Сэм. — Я сама совершила парочку очень огромных.

— Ты молода. У тебя впереди вся жизнь. Вы с Домиником есть друг у друга и это все, что имеет значение сейчас.

— Наш брак — это обман, — выпалила Сэм.

Мать с любопытством посмотрела на нее, но промолчала, когда официантка принесла холодный чай и куриный салат. Когда официантка ушла, она произнесла:

— Что ты имеешь в виду? Что происходит?

— Помнишь, как я звонила тебе за несколько дней до свадьбы? Я была в Нью-Йорке, но нас прервали.

Ребекка кивнула

— Я звонила, чтобы сообщить, что репортер "Ритма ЛА" слегла с простудой. Митси была в бешенстве, так что она послала меня вместо нее, с целью написать историю всей жизни.

— Я не понимаю.

— Я была возбуждена от перспективы написать этот сюжет. Я хотела быть первой, кто выяснит имя таинственной невесты Доминика. Я также отчаянно хотела доказать папе, тебе, и моим братьям, что я чего-то да стою. В день свадьбы я чувствовала себя дерзкой, на вершине мира. Ничто не могло остановить меня на пути к успеху. Но, по некоторым причинам, я не узнала вовремя, что свадьба отменяется. Решив выяснить, что происходит, я нашла способ пробраться в церковь, где я услышала, как Доминик рассказывает своему агенту и другу о том, что его невеста не будет участвовать в шоу.

Мама продолжала пялиться на Сэм, на ее лице было написано недоверие.

— В короткой версии истории, — продолжала Саманта, — они сказали мне, что им нужна невеста, и быстро.

Она выдохнула.

— Его невеста не явилась, и ты заменила ее?

— Именно.

— А кто должен был быть невестой? Доминик влюблен в нее?

— Нет, — сказала Сэм. — Ее зовут Джулия. Они вроде как были хорошими друзьями, но Джулия появилась на Гавайях...

— На ваш медовый месяц?

— Ты снова угадала. Она не была рада нашему браку, что говорит о многом.

— Джулия влюблена в Доминика, но он не чувствует того же по отношению к ней.

Сэм кивнула.

— Почему он просто не отменил свадьбу?

— Слишком много стояло на кону. Бухгалтер Доминика, который по совместительству оказался также его дядей, исчез с миллионами долларов. Доминик паниковал. Он не знал, что делать, но Бен, его менеджер, придумал глупую идею о том, чтобы World Studios спонсировала свадьбу десятилетия. Это отлично сработало. Внезапно, затухающая карьера Доминика снова оказалась на взлете. Его лицо снова появилось на обложке каждого таблоида и журнала по всей стране. Ему до сих пор рекой льются сценарии, и благодаря тому что World Studios проспонсировала свадьбу, он не потеряет свой дом или машины.

— А какая выгода для тебя?

— Мне пообещали двести пятьдесят тысяч долларов по истечении трех месяцев. Плюс возможность написать эксклюзивную историю о моем опыте в качестве жены Доминика ДеМарко.

— О, Сэм, я даже не знаю, что тут можно ответить.

Кислота прожгла живот Сэм, когда она поняла, как плохо это прозвучало.

— Это даже еще хуже.

Никто из них даже не вспомнил о еде. Ее мама глотнула холодного чая, не отрывая взгляда от Сэм.

— Знаменитость и журналистка, — проговорила Сэм. — Такой брак не заключается на небесах. Последнее, чего я хотела, это выйти замуж за знаменитость, а у Доминика те же чувства по отношению к репортерам. Но я влюблена в него, мам. Не прошло и месяца, после знакомства с этим мужчиной, а я уже влюбилась в него.

После долгой паузы, Сэм вытащила конверт из своей сумочки и пустила его через стол.

— Я виделась с Митси этим утром, и уволилась с работы. Митси использовала меня. Она никогда не хотела меня повесить. Я была дурой.

Ребекка просмотрела фотографии.

— Эти снимки ничего не значат, детка.

— Посмотри, как он смотрит ей в глаза. Между ними определенно нечто большее, чем дружба.

Ее мама продолжала рассматривать фотографии.

— Готова поспорить, что эти фото сняты много лет назад.

— Посмотри на даты. На днях, на Доминике была точно такая же рубашка. В течение дня он исчезает в странное время. Было также пара ночей, когда он задерживался допоздна. Я спрашивала его, куда он уходит и что делает, но он всегда находит способ сменить тему.

— Это выглядит очень похоже на какое-то ранчо. На заднем фоне много собак.

Сэм вздохнула.

— Что мне делать?

— Если ты любишь Доминика, ты должна поговорить с ним. Расскажи ему о встрече с Митси. Покажи ему фотографии. Не засовывай все это под ковер, как сделали мы с твоим отцом.

— Но ведь, он всего лишь мой временный муж.

— Перед лицом закона вы оба женаты. Но забудь об этом, Сэм. Даже если бы вы не были женаты, я все равно бы посоветовала тебе сесть и поговорить с Домиником. Если даже после этого ты все равно не будешь ему доверять, тогда, что бы ни происходило между вами,

никогда не сработает в любом случае.

Сэм задумалась над словами мамы.

— Ты абсолютно права. Мне нужно поговорить с ним, все ему рассказать. А как насчет тебя, мам? Что ты собираешься делать с папой? Ты все еще любишь его?

— Я всегда любила твоего отца. Вот почему я позволяла ему наказывать меня так долго. Он был не единственным злым человеком в доме. Я подавляла свою злость, и позволила ей перерасти в нечто намного худшее. Я начала ненавидеть себя.

— Ты собираешься поехать со мной домой и поговорить с папой?

Она покачала головой.

Сердце Сэм упало.

— Я умудрилась сделать так, как будет хуже для всех. Посмотри на себя, — сказала ее мать. — Ты считала, что сделала что-то неправильно. Что это твоя вина. А твои братья... Боюсь, я их испортила.

— Мам, это не правда. Тейлор и Кевин всегда были требовательными и властными...

— Они слишком долго наблюдали, как твой отец обращается со мной, они потеряли ко мне всякое уважение. Я просто этого не увидела сразу. И все же, я пока не готова к разговору с твоим отцом. Мне нужно больше времени.

— Я понимаю, — после долгой паузы, Сэм добавила. — Я знаю, это может быть сложно для тебя, мам, но, если это хоть чем-то поможет, ты выглядишь действительно хорошо.

Улыбка осветила лицо Ребекки.

— Я отправилась за покупками, а потом побаловала себя днем в СПА.

— Я рада. Ты заслуживаешь быть счастливой.

— Как и ты, дорогая. А теперь, давай съедим этот вкусный салат, пока он не испортился.

Сэм взяла кусочек, посмотрела на маму — эту женщину она едва узнавала, рассматривая ее из-под ресниц. Смогут ли ее мать с отцом во всем разобраться? Смогут ли они помириться?

Ее жизнь внезапно перевернулась с ног на голову. Все происходит слишком быстро, ее родители, работа, Доминик.

Доминик.

Фотографии.

Как только ее отец уедет, она должна поговорить с Домиником.

Глава 22

Доминик, предоставив Сэм возможность провести время с ее отцом, наблюдал, как Мария моет посуду. Ему пришла в голову мысль, что она слишком много работает. Фактически, он не помнил, когда в последний раз давал ей выходной.

— Мария, я хочу, чтобы ты отправилась домой и провела время со своей семьей. Возьми выходной на остаток недели... оплаченный, разумеется.

Мария медленно отвернулась от раковины и уставилась на него.

— Неделю? Вы уверены?

Доминик чуть не рассмеялся при виде ее удивленного лица.

— Уверен. В связи со всем происходящим, я и понятия не имею, почему не подумал об этом раньше.

— Но мне нужно закончить с этой посудой, — сказала она, — а потом, если вы уверены, я воспользуюсь вашим предложением. Приезжает мой старший сын, и я смогу провести больше времени со своими младшими.

— Отлично, — Доминик хлопнул в ладони, с громким чмоканьем. — Забудьте о тарелках. Я здесь все доделаю. — Он вынул из ее рук тарелку и губку. — Теперь, идите.

Мария сняла свой фартук.

— Вы хороший человек, мистер Доминик. Вы заслуживаете быть счастливым.

Он не знал, что сказать в ответ, так что он просто улыбнулся ей.

— Я знаю вас десять лет, и полагаю, что пришло время вам забыть обо всех ваших проблемах с доверием.

Он вопросительно поднял бровь, вычищая тарелку.

— Вы должны перестать допускать, чтобы прошлые расстройтва и предательства влияли на вашу жизнь, — пояснила Мария, без единого побуждения с его стороны. — Это неправильно. Требуется время, чтобы завоевать чье-то доверие, но на это не должна уходить вечность.

Доминик прекратил свое занятие.

— Мария, что вы пытаетесь сказать?

— Я не знаю, что происходит между вами и миссис Доминик, но я не вчера родилась. Мне она нравится. Я бы не смогла этого сказать о многих женщинах, которых вы приводили в дом в прошлом. Неспособность доверять может привести к страху, который разрушает дружбу, отношения, и даже брак. Единственный способ снова научиться доверию, это поговорить о своих чувствах.

— Вы все сказали?

— На сегодня все, мистер Доминик. Увидимся в понедельник.

— Жду не дождусь.

Уходя, Мария смеялась.

Доминик покачал головой и вернулся к работе. С учетом состояния его счета, он не мог позволить себе Марию, или кого-нибудь из работников, если уж честно, но у Марии есть семья, о которой ей нужно заботиться, и Доминик не собирался позволить ей уйти.

Закончив с посудой, он прошел в гостиную, посмотреть, нужно ли что-нибудь Сэм и ее отцу.

Они оба спали.

Мистер Джонстон отключился на диване, его рот был приоткрыт. Сэм уснула рядом, в уютном кресле. Сэм вернулась домой истощенная, после того как уволилась с работы и встретила с матерью. Когда Сэм не было, ее отец выпил слишком много вина, выливая на Доминика свои проблемы.

Доминик ощутил чувство удовлетворения, от осознания того, что Сэм с отцом получили шанс поработать над своими старыми проблемами с доверием.

Он слушал, как ее отец говорил об ошибках, которые совершал годами. Когда мистер Джонстон разговорился, остановить его было уже невозможно. Хорошие новости были в том, что ее отец понимал, что он сделал со своей семьей, и был готов загладить свою вину. Он лишь надеялся, что еще не слишком поздно.

Сэм, разумеется, более чем охотно желала дать отцу второй шанс. Пока отец с дочерью разговаривали о жизненных целях, мечтах и страхах, Доминик размышлял, насколько пустой была его жизнь до встречи с Сэм. И все же, идея о том, что она нужна ему, пугала его.

Мария права. Его вера в то, что большинство людей были лжецами в той или иной форме, не слишком здравая. Пришло время задуматься о переменах.

Кончики его губ растянулись в улыбке, когда он наблюдал за спящей Сэм. Она выглядела такой миленькой. Сегодня ее не было всего лишь несколько часов, и все же он обнаружил, что скучает по ней, думает о ней, и жаждет, чтобы она была в полном его распоряжении.

Пронзительный звонок телефона побудил его вернуться на кухню, напомнив ему о том, что он оставил свой мобильник в машине.

Звонок телефона разбудил Сэм. Она протерла глаза. Ей потребовалось мгновение, чтобы осознать, что она уснула в гостиной.

Ее отец заснул на диване.

Женщина поднялась с кресла, но не успела она опустить ноги на пол, как услышала щелчок входной двери. Она пошла в том направлении, и с удивлением увидела, что машина Доминика исчезает в воротах в конце подъездной дорожки.

У нее ушло две секунды на принятие решения, что ей делать дальше. Она должна узнать раз и навсегда, куда он исчезает в разное время днем и ночью. Она побежала на кухню, написала записку отцу, схватила свою сумочку и ключи от машины отца, затем выбежала через переднюю дверь.

Она доверяет Доминику, разве не так? Разумеется, доверяет. Сэм напомнила себе, что она была журналистом-исследователем по духу, и именно поэтому нужно следовать за Домиником. Какая женщина не проследила бы за своим мужем, получив его фотографии в компрометирующих позах и услышав странные телефонные сообщения от женщины с хриплым голосом. Она позвонила на номер принадлежащий женщине с хриплым голосом и оставила сообщение, что им нужно поговорить. Пока что, никто ей не ответил.

Она также планировала поговорить с Домиником о сообщении, которое видела в его машине, и о фотографиях, которые дала ей Митси, но присутствие в доме ее отца, сделало разговор с Домиником невозможным.

Вытащив из сумочки блокнот, она нашла адрес, который получила из навигационной системы Доминика. Она ощутила очередной болезненный укол в животе. Ожидая, когда откроются ворота, она оглянулась через плечо на дом. Она может развернуться и вернуться назад, дождаться Доминика и тогда уже поговорить с ним. Но механический голос в отцовской машине велел ей повернуть вправо, так что она вдавила ногу в педаль газа и сделала так, как велела ей леди.

Менее чем через двадцать минут, Сэм выехала на обочину дороги. Было уже темно, но благодаря лунному свету, она могла рассмотреть освещенное ранчо в конце гравиевой подъездной дорожки. Она вышла из машины и, спотыкаясь на каблуках, пошла по камешкам.

От крика совы ее мышцы напряглись.

Она не должна быть здесь. У нее нет ничего общего с хорошим журналистом-следователем, думала она, приближаясь к деревянным воротам. Все дело в том, что она просто не доверяет Доминику.

Она могла развернуться и отправиться домой в тот же самый миг, если бы не заметила машину Доминика, припаркованную рядом с домом.

Саманта открыла ворота, затем засемила через комья грязи и густую траву. Ей бы не помешало додуматься захватить свои кроссовки, но Сэм не планировала, что ей придется

идти по гравии и грязи.

Укрывшись за рядом разросшихся розовых кустов, она увидела Доминика с женщиной с фотографий на переднем крыльце ранчо. Ей показалось, что женщина плачет. Она упала в объятия Доминика, и успокаивая, он крепко ее обнял.

Сэм помедлила, осмысливая эту сцену. Ее сердце екнуло. Вся правда прямо перед ней. На крыльце лежал золотистый ретривер. Мопс бродил рядом, нюхая землю. Если она позовет, они услышат ее.

И что ей делать теперь?

Доминик определенно приложил немалые усилия, чтобы любовь его жизни была скрыта от мира. Очевидно, было не так уж много вариантов, когда дело доходило до их общего уединения. Он проделал чертовски большую работу, скрывая свой любовный интерес.

Сэм хотела бы, чтобы она могла разозлиться на него, но она знала, вот что ввязывается, когда выходила замуж за Доминика ДеМарко. Она просто не ожидала, что влюбится в него. И, несмотря на все, что между ними было, Сэм отказывалась быть той, кто разрушит его единственный шанс на счастье.

Развернувшись в надежде прокрасться назад тем же путем, каким она сюда пришла, она услышала низкое рычание. Она остановилась, замерев на месте. Фотографии, которые она сегодня видела, всплыли в ее голове. Там было как минимум с десятков различных пород собак, включая питбулей и доберманов. Она рискнула бросить взгляд через плечо и с облегчением обнаружила, что рычание принадлежит более маленькой собаке, породы которой она не знала. Она опустила взгляд, позволяя собаке понять, что она ей не угроза. Но все же, собака родилась не вчера, и животное знало, что ей не место на этом участке.

Сэм сделала шаг назад, наступив при этом на упавшую ветку.

Раздался треск.

Этот звук заставил пса перейти в режим атаки. Крошечное создание полетело на нее, нацелившись прямо на лодыжки.

— Ой! Нет! Остановись, песик, — она трясла ногой. Собака отпустила ее, и женщина побежала. Но прежде чем она успела добраться до ворот, зажглось наружное освещение. Слепяющий свет. Она замерла.

— Сэм, это ты?

— Боюсь, что так, — ответила она, чувствуя себя идиоткой, боясь пошевелиться, так как собака продолжала лаять и бросаться на ее ногу.

— Уинстон, — прокричала женщина. — Прекрати. Иди сюда!

Собака отступила. Сэм попыталась похромать прочь, надеясь, что они без вопросов позволят ей уйти, но это было бы слишком хорошо, чтобы оказаться правдой.

— У нее идет кровь, — обратилась женщина к Доминику. — Ты должен помочь ей.

— Я вижу, — пробурчал Доминик. — Почему бы тебе не увести Уинстона в дом, а я сам разберусь в ситуации.

— Определенно нет, — сказала женщина. — Приведи ее в дом, и я позабочусь о ее ноге. Вы двое сможете все немного обсудить передо мной.

Сэм прищурилась в свете огней, пытаясь разобраться, где именно находится Доминик, но это было бесполезно.

— Я в порядке, — произнесла Сэм. — Я могу сама идти, — Сэм пыталась скрыть свое проклятое прихрамывание.

— О нет, ты не можешь. Ты так легко не отделаешься, — Доминик подхватил ее на руки, и она оказалась почти в ловушке. У нее не оставалось иного выбора, кроме как обнять его руками за шею, пока он нес ее через двор, вверх по ступенькам крыльца и внутрь дома женщины, красиво оформленного фермерского дома, с удобными креслами и кучей антиквариата. Над камином висела картина с изображением трех собак с серыми мордами.

Не слишком аккуратно Доминик опустил ее на диван.

— Что ты здесь делаешь, Сэм?

— После телефонного звонка я услышала, как ты уезжаешь из дома, так что я схватила ключи от папиной машины. Мне нужно было знать.

— Тебе нужно было узнать, куда я еду?

Сэм кивнула.

— Ты могла позвонить мне на мобильный.

— Да, — ответила она. — Я думаю, что должна была, но ты мог бы просто сочинить историю. Я много раз спрашивала тебя, куда ты уезжаешь, но ты всегда мастерски менял тему.

Прежде чем Доминик успел ответить, другая женщина вошла в комнату с чистой тряпочкой и миской воды.

— Доминик много рассказывал о вас, — сказала женщина, пока прочищала царапину Сэм.

— Правда?

Она кивнула, затем отложила мокрое полотенце и протянула Сэм руку.

— Меня зовут Линда, я сестра Доминика.

Сэм перевела взгляд на Доминика.

— Я думала, что у тебя нет братьев и сестер.

— Линда моя сестра наполовину. До того, как мои родители поженились, у отца был другой ребенок от его первой жены... Кэрол.

— Боже, я чувствую себя идиоткой.

— Понимаю, — согласился Доминик. Он не выглядел злым, но также он не выглядел и счастливым оттого, что она находится здесь.

Линда сжала его руку.

— Ты должен был рассказать ей, прежде чем все дошло до такого.

— Я собирался рассказать ей сегодня, но у нас не было возможности остаться наедине.

— У "Ритма ЛА" есть фотографии вас обоих, — выпалила Сэм, — что означает, за Домиником следили, когда он ездил сюда раньше.

— Это меня не удивляет. Мы знали, что пресса так или иначе обнаружит Линду. Они могут думать все, что им заблагорассудится.

Линда нашла повязку и перевязала рану Сэм. — Мне жаль из-за ноги. Уинстон может быть чрезмерно агрессивным, но ты будешь рада узнать, что у него есть все прививки.

— Все эти собаки принадлежат тебе?

Линда кивнула.

— При финансовой помощи Доминика я управляю приютом для нежеланных собак уже несколько лет. Взрослых собак не все хотят брать, и в приютах их здоровье находится под угрозой. Я пытаюсь найти для них людей, которые смогут принять взрослых собак и даже смогут получить преимущества от их возраста и ласкового характера. Уинстон — это исключение, но у бедного животного была плохая жизнь и у него проблемы с доверием.

Доминик посмотрел на Сэм, приподняв бровь.

— Кажется, Уинстон такой не единственный. Нам с Уинстоном нужна серьезная терапия.

— Ну, ты хотя бы меня пока не искусала, — сказал Доминик.

Линда засмеялась, но Сэм сказала бы, что Доминика ранило то, что она сделала, придя сюда, не поговорив сперва с ним... что шпионила за ним.

— Я пойду на задний двор и начну копать, — обратился Доминик к Линде.

После его ухода, Линда объяснила Сэм, что умерла немецкая овчарка по имени Джинджер. Она позвонила Доминику, надеясь, что он сможет помочь ей похоронить старую собаку.

— Я не должна была приезжать, — сказала Сэм.

Линда понимающе похлопала ее по руке.

— Я бы сделала точно так же. Доминик заботится о тебе. Я бы даже сказала, что он в тебя влюбился. Он никогда и ни о ком не говорил так, как он говорит о тебе.

Доминик приехал домой незадолго до полуночи. Сэм ждала его.

— Как твой отец?

— Все еще спит на диване. По-моему, он не пошевелился ни на дюйм.

На джинсы Доминика прилипла грязь, а его обычно чистую, выглаженную рубашку покрывали пятна пота. Его глаза были уставшими. Ее сердце рванулось к нему. Как выяснилось, Джинджер был первой собакой, которую Линда взяла в место, которое они сейчас называли Приют для старых собак. Линда делала всю работу, а Доминик давал средства, чтобы поддерживать ее деятельность.

Сэм последовала за Домиником в спальню.

— Прости меня за сегодня.

— Обвинять можно нас обоих.

Она вздохнула.

— Было бы лучше, если бы ты оставил записку.

— Если бы я оставил записку, то ты бы за мной не поехала?

Она почесала нос.

— Вообще-то, я нашла адрес, когда одалживала твою машину. Так как ты не отвечал ни на один из моих вопросов, я решила взять дело в свои руки.

— Есть еще что-то, о чем я должен знать?

— Я видела сообщение от Джулии: Каждый час без тебя — это словно кинжал в моем сердце. С нетерпением жду новой встречи с тобой. Джулия.

— Ты запомнила текст?

— Он просто укоренился в голове.

— А я еще себя считал недоверчивым идиотом.

Сэм посмотрела ему в глаза.

— Ты видишься с Джулией?

Он покачал головой.

— В последний раз я видел ее, когда ты встретила с ней на Гавайях. С тех пор она продолжает писать мне.

— Я чувствую себя ревнивой дурой. Я ведь не такая, — сказала Сэм. — Если ты с этого момента не захочешь рассказывать мне, куда уходишь, все в порядке. Я закончила с

вопросами. Мы женаты не по-настоящему. Мы просто спим друг с другом, это ведь так?

Он стащил грязную обувь и носки и отставил их в сторону.

— Это так.

— Я смогу справиться с тем, что происходит между нами.

— Я рад, — он стащил свою футболку и добавил ее к остальной куче.

— Что ты чувствуешь насчет всего, ну, насчет меня?

— Ты говоришь о чем-то еще, кроме того, что ты лазила в моем телефоне и шпионила за мной?

— Да, — сказала она, отмахиваясь от всего, словно ничего не произошло. — Ты говорил мне, что я тебе нравлюсь, но почему я тебе нравлюсь?

— Старые комплексы появляются снова?

— Разумеется, нет. Я знаю, что я забавная, умная и красивая.

— Ладно, — с улыбкой сказал он. — Я сыграю в эту игру. Ты очень глупая, но мне в тебе понравилось, например, то, что ты прокралась тайком к Линде в темноте и на высоких каблуках.

— Я не подумала о том, чтобы захватить кроссовки.

— Мне также нравится, как ты танцуешь. У тебя абсолютно нет чувства ритма, но ты просто продолжаешь двигаться. Это мило.

— Эй, мы получили третье место благодаря моей способности танцевать твист.

— Согласен.

— Ладно, отлично. Я глупая, и у меня нет чувства ритма. Что еще?

Он потер подбородок.

— Когда ты нервничаешь, твой левый глаз подергивается. Мне это нравится.

— Это смешно. Мой глаз не дергается.

— Дергается, — заверил он ее. — Чем сильнее ты нервничаешь, тем быстрее двигается твое веко.

О, Боже.

— Когда ты возбуждена, то говоришь очень громко...

Она скрестила руки.

— Насколько громко?

— Пронзительно громко.

— Понимаю, — прошептала Сэм.

— Мне очень нравится тот хриплый, задыхающийся звук, который ты издаешь, когда я уношу тебя в то особенное место, когда мы занимаемся любовью.

Сэм переместила вес с одной ноги на другую.

— Ты знала, что твой левый глаз чуть косит внутрь, когда ты устаешь?

— Ладно, хватит, — сказала она, — уже жалею, что спросила. Давай просто остановимся на том, что я забавная, умная и красивая.

— Даже не знаю. Я думаю, что вся эта штука с раскрытием начинает меня увлекать.

— Я просто думаю, что нравлюсь тебе потому, что нахожусь в твоём доме, и это очень удобно для тебя.

— Я не задумывался об этом, но да, ты права, и для меня очень удобно, иметь тебя под боком. И также очень хорошо понимать, что между нами могут быть хоть какие-то отношения, пока мы находимся в ловушке в этом доме.

Сэм уперла руку в бедро.

— В ловушке?

— А как ты это называешь?

— Я называю это роком, судьбой, шансом.

— Ну да, — сказал он. — Все вышеперечисленное.

Она пихнула его в ребра.

— Ладно, я думаю, хватит с нас разговоров и откровений на одну ночь.

— Если я продолжу восхвалять тебя, — со смешком сказал он, — то ты можешь возгордиться, и что я тогда буду с тобой делать?

— Даже не знаю, — ответила она, — но очень бы помогло, если бы ты сказал мне парочку комплиментов, прежде, чем выдавать список моих менее очаровательных качеств.

Шагнув вперед, он притянул ее в свои объятия.

— В тебе что-то есть, Сэм Джонстон. Может быть наивность, это часть твоего шарма. Мне нравится быть рядом с тобой. Мне нравится держать тебя, и вдыхать сладкий аромат твоих волос.

От него несло собаками, грязью и потом, но она не обращала на это никакого внимания. Если бы ее отец не спал в соседней комнате, она бы потащила его в постель.

Доминик отстранился.

— Больше никаких секретов между нами?

Она кивнула.

— Больше никаких секретов.

Глава 23

Прошла еще неделя, прежде чем Кейт, наконец, навестила Сэм дома.

Сэм была рада ее видеть и надеялась, что они обе смогут начать с начала.

— Я так рада видеть тебя, пожалуйста, проходи!

Сэм представила Кейт мужу. Они успели обменяться любезностями до того, как Цезарь и Рекс вбежали в комнату, виляя хвостами и конкурируя за внимание. Цезарь немного хромал, а бедный Рекс постоянно натыкался на стены и кресла, но вместе они составляли весьма забавную парочку, даже когда Шекспир начал шипеть, демонстрируя, кто здесь всем управляет.

Девушки отправились на долгую прогулку по пляжу и разговорились о том, что происходит с их семьями и коллегами. Двадцать минут спустя они стояли у перил патио Доминика, с видом на океан.

— Митси сказала мне, что ты уволилась. Это правда?

Сэм кивнула.

— Я собираюсь начать рассылать свои резюме. Через какое-то время, может быть напишу роман... любовный. Я пока не уверена.

Кейт хмыкнула.

— Я никогда не представляла тебя в роли романистки.

— А как насчет тебя? — спросила Сэм. — Ты счастлива там, где ты сейчас?

— Ты шутишь? Мне нравится работать в "Ритме ЛА" и это одна из причин, по которой я здесь. Я хочу быть абсолютно честной с тобой. Если я смогу уговорить тебя и Доминика дать мне эксклюзивное интервью, Митси повысит меня.

Сэм наморщила нос.

— Митси нравится раздавать обещания, которые она не собирается выполнять. Я не верю ей, Кейт. У тебя критический склад ума, и ты хороший писатель — два ингредиента, чтобы быть великолепным журналистом. Ты можешь получить любую работу, какую захочешь.

— То есть, ты намекаешь на то, что не дашь мне интервью?

Плечи Сэм опустились.

— Я не могу. Пойми, мой брак все еще слишком хрупок.

— Я видела анонсы шоу Барбары Феллс. Полагаю, если вы отправляетесь на национальное телевидение, вы смогли бы дать одно местное интервью для фанатов Доминика здесь, в Лос-Анджелесе.

Сэм покачала головой.

— Я должна сейчас отделиться от Митси и газеты. Если я изменю решение, я дам тебе знать.

— А ты не могла бы хотя бы, провести меня по дому, прежде чем я уйду?

— А ты не можешь остаться? Посидеть и чуть продлить визит?

— У меня назначена встреча, но возможно, мы могли бы встретиться как-нибудь за кофе.

Нет интервью, нет дружбы, поняла Сэм. Она провела Кейт по дому. Доминик увел собак на прогулку, и дом был в полном их распоряжении.

Пока она вела Кейт из комнаты в комнату, она чувствовала ее разочарование.

— Прости, если я тебя расстроила, Кейт. Впервые за всю свою жизнь, я чувствую, что должна сделать то, что будет правильным для меня.

— Я не буду лгать, — сказала Кейт. — Я чувствую, что меня подвели. Все остальные в "Ритме ЛА" чувствуют то же самое.

— Они не единственные, кого подвели, — ответила ей Сэм. — У меня не было иного выбора, кроме как держать свадьбу в секрете, но как ты думаешь, что я чувствовала, когда вернулась в офис, а никто даже не взглянул на меня. Я никогда не хотела никого обидеть, особенно тебя.

Сэм услышала, как внизу звонит ее телефон.

— Иди, и ответь, — сказала Кейт, — я займу себя, пока ты не вернешься.

Сэм подняла трубку и услышала тот же самый хрипловатый голос, что и на основном телефоне пару недель назад.

— Алло, это Саманта?

— Да. А кто вы?

— Беверли ДеМарко. Я думаю, что ты хочешь поговорить со мной.

— Вы родственница Доминика?

— Да. Я его мать.

Дом имел уродливый персиковый оттенок. Пустые мусорные баки и окурки покрывали дорожку. Сэм чувствовала, как за ней следят больше чем несколько пар глаз, когда вошла через ворота, ведущие к бассейну, краткий путь, который указали ей по телефону, когда она говорила с Беверли ДеМарко, той самой женщиной с глубоким, страстным голосом.

Согласно инструкциям, Сэм вышла из ворот, рядом с высохшей пальмой, и обнаружила, что находится прямо напротив квартиры 33Б.

Женщина, открывшая двери, была ростом около шести футов. Ее волосы были красивого

серебристого оттенка, подстриженные ровно до хилых плеч. Глаза имели тот же глубокий голубой оттенок, что и у Доминика, нос был маленький и прямой.

Сэм протянула руку.

— Здравствуйте. Я — Саманта.

— Я — Беверли. Входи, — сказала женщина.

Апартаменты были маленькими, но аккуратными и уютными, с большим количеством полочек, заставленных различными декоративными украшениями. Кухня была выкрашена в яркие желтые цвета, тогда как все остальное помещение было декорировано во все оттенки зеленого.

Нервы Сэм были напряжены до предела. У нее был миллион вопросов к матери Доминика.

Беверли предложила Сэм присесть на диван. Она поставила перед Сэм высокий стакан с холодным чаем, прежде чем сесть напротив.

— Итак, ты сказала, что смогла получить мой номер, когда я звонила в дом?

Сэм кивнула.

— Я знаю, это подло, но...

— Ты не доверяешь своему мужу?

— Мы знакомы не так уж долго и...

— А у него есть определенная репутация, — закончила за нее Беверли.

Сэм снова кивнула, игнорируя жар, подступающий к ее лицу.

— Вы с Домиником часто общаетесь? — спросила Сэм.

— Нет, — ответила она. — Я пыталась и раньше связаться с моим сыном, но он ясно дал понять, что не хочет иметь со мной ничего общего.

— Почему?

— Потому что он думает, что я его бросила. Я оставила Доминика с отцом, когда ему было десять. Не хочу утомлять тебя деталями, но я пригласила тебя прийти, потому что хочу знать, счастлив ли мой сын.

— Думаю, что это так, — ответила ей Сэм, — но я знаю, что он хранит много боли, со времен своего детства. Он чувствует, что вы предали его своим уходом, а потом еще и его вечно пьющий отец. То, что его дядя присвоил миллионы перед своим исчезновением, вероятно, оказалось последней каплей.

— Френк, — прошептала женщина. — Я знала, что что-то произошло, но я никогда бы не подумала, что Френк может так поступить. Доминик должно быть просто потрясен.

— Вы не знали, что дядя очистил все счета Доминика?

— Понятия не имела, — глаза Беверли расширились, словно все внезапно обрело смысл. — Так вот почему вы оба поженились, не так ли?

— Об этом вы должны поговорить с Домиником.

— Я бы так и сделала, если бы он мне позволил.

— Но вы любите его, и заботитесь о нем, разве не так? — спросила Сэм. — В противном случае, вы не звонили бы домой.

— Я всегда любила своего сына. Сильнее, чем ты, или кто-либо другой можете себе представить. Я никогда не хотела оставлять его с отцом.

— Тогда почему вы сделали это?

Беверли перешла в другую комнату. Когда она вернулась, то положила три полароидных снимка на стеклянный кофейный столик перед Сэм.

Лицо женщины на снимке было опухшим, окрашенным во множество оттенков пурпурного и желтого. Глаза были похожи на маленькие щелки.

— Это вы?

Беверли кивнула.

— Вы ходили в полицию?

— Полиция приходила в наш дом и раньше. Мы с мужем громко ссорились, и соседи вызвали их. Полиция знала об этом. Они знали, что я не уйду. Но это был последний раз, — сказала она, кивая на фотографии, — он знал, что зашел слишком далеко. Подруга отвезла меня в больницу, а затем забрала к себе домой, чтобы, я могла оправиться. К тому времени, как я смогла передвигаться, мой муж поклялся на Библии, что убьет меня, если я попытаюсь забрать Доминика.

Сэм посмотрела на другие две фотографии, и вздрогнула при виде синяков.

— И вы поверили ему.

Беверли кивнула.

— Он всегда держал слово.

— Доминик должен был знать, что вы подвергались насилию...

— Он был маленьким, и понятия не имел об этом. Муж был мастерским манипулятором и насильником. Он мог душить меня, а потом заставить надеть шарф, чтобы скрыть отметины. Он старался бить меня в те места, на которых никто не увидит синяков. Разумеется, все становилось только хуже, до того дня, пока он чуть не убил меня. Я знала, что если останусь, то не доживу и до сорока лет.

— Он когда-нибудь прикасался к Доминику?

Она покачала головой.

— Никогда. Держать сына подальше от меня, было самым лучшим способом ранить меня.

— Вы пытались снова увидеться с Домиником?

— Разумеется. Мне было плевать, что мой муж может прийти за мной. Я пошла прямо в школу Доминика, после того, как муж угрожал мне, но он уже привел в действие свой план, сказав директору, что я могу заявиться и похитить нашего сына. Он привел всех в боевую готовность — школу, соседей. Никто не слушал меня, когда я показывала им фотографии и объясняла им, что произошло. Держать меня вдали от сына стало жизненной целью моего мужа. Я волновалась за него день и ночь. Благодаря одному из соседей, мистеру Криско, Доминик занялся внеклассной деятельностью, и, наконец, у него обнаружили актерские способности. Он только начал учиться в старшей школе, когда получил свою первую роль, и, как говорят, остальное уже история.

Сэм выпрямилась.

— Я думаю, если вы придете в дом на ужин, и все объясните, Доминик, как минимум, сможет начать процесс исцеления. Я верю, что он поймет, почему вы ушли.

— Я не знаю. Я и раньше пыталась поговорить с сыном. Его отец промыл ему мозги, заставив думать, что я это зло. Два года назад, я пошла на благотворительный вечер, потому что знала, что Доминик будет там. В зале были сотни людей, и он увидел меня. Ненависть, которую я увидела в его глазах, дала мне все ответы. Он не был готов услышать то, что я хотела сказать ему.

— И все же вы продолжаете звонить домой.

— Каждый раз, на некоторое время, я хочу лишь услышать его голос.

— Если бы вы могла повернуть время вспять, поступили ли бы вы по-другому?

На губах Беверли появилась добрая улыбка.

— Когда мой муж ударил бы меня в первый раз, я бы схватила ребенка, и исчезла бы посреди ночи.

— Если я назову дату и время, вы придете на ужин?

— Доминик никогда не согласится на такое.

— Он должен узнать, что вы никогда не хотели его оставлять.

Глава 24

На губах Сэм растянулась улыбка, когда она увидели двух загорающих на солнышке собак. Уинстон, энергичный, как и всегда, гонялся за своим хвостом. Если бы жизнь всегда была так проста.

Доминик, его сестра Линда, мама Сэм и ее племянница Эмма убирали ранчо. Доминик красил забор, пока Сэм с матерью красили будки. Линда и Эмма делали все, чтобы собаки получили достаточно внимания. Цезарь и Рекс заводили новых друзей.

Мама не собиралась побеждать ни в каких гонках. Она аккуратно окунала кисточку, и убедившись, что на кончике остается достаточное количество краски, медленно водила кистью по доске. При таком темпе они застрянут здесь на неделю.

— Вы с Домиником готовы к интервью на следующей неделе? — спросила мама.

Внутри все затрепетало.

— У нас не так уж много вариантов. Мы должны быть готовы. Я просто не могу дождаться, чтобы все уже закончилось.

Мама опять окунула кисть в банку.

— На днях звонил твой отец и пригласил меня на свидание.

— Что он сделал?

— Не нужно прикидываться дурочкой. Я знаю, что это ты подбила его.

Сэм засмеялась.

— Должна признать, что папа звонил мне и спросил, будет ли это хорошей идеей. Я сказала ему, что это начало. Но идея была его, не моя. Ты собираешься пойти?

— Я думаю над этим.

— Я люблю тебя, мам, и не хочу, чтобы ты чувствовала давление в принятии решения. Не имеет значения, что ты решишь, я буду уважать твой выбор.

Они обнялись, и Сэм случайно измазала краской мамин подбородок. Мама рассмеялась, и покрасила и без того уже грязную футболку Сэм, оставив полоску белой краски у нее на груди.

— О нет, ты не могла! — Сэм провела кисточкой по маминой руке.

Потом началась настоящая война, когда мама погнала ее через двор. Собаки присоединились к веселью, лая и бегая вокруг кустов, а потом обратно к забору позади дома, где Доминик достиг значительно большего прогресса, чем они обе.

Сэм попыталась укрыться за Домиником, но все стало только хуже, когда она покрасила его затылок.

— Упс. Прости.

Доминик осторожно положил кисточку на краешек банки с краской, встал, вынул кисточку из рук Сэм, и обхватил ее руками, удерживая в ловушке.

— Давайте, мама, — произнес он. — Она вся ваша.

— Ты не посмеешь, — сказала Сэм. — Это несправедливо.

Но он посмел, и она ощущала, как его сильное тело прижимается к ней. Сэм закрыла глаза, когда мама подошла к ней, держа в руке кисточку.

Сэм почувствовала прикосновение кисточки к кончику своего носа.

— Вот, — сказала Ребекка. — Мы квиты.

Сэм открыла глаза, и была рада увидеть, что мама удаляется, особенно, если учесть, что Доминик уже возбуждился, пока прижимался к ней.

— Кое-кто рад меня видеть, — пошутила она.

Доминик развернул ее лицом к себе. Он воспользовался чистым уголком тряпки, чтобы стереть краску с ее носа, и поцеловал ее в губы.

— Я всегда рад видеть тебя, — ответил он.

Она обняла его за талию и задумалась, устанет ли она когда-нибудь крепко прижимать его.

— Я люблю тебя, — проговорил он.

Сэм чуть отодвинулась, достаточно, чтобы посмотреть ему прямо в глаза, пораженная тем, что он сказал.

— Я тоже люблю тебя, — сказала она, ее глаза наполнились слезами.

— Возвращайтесь к работе, халтурщики, — прокричала им Линда через весь двор. — Если вы не закончите забор, — подмигивая сказала она брату, — у вас не будет времени попрактиковаться в сценарии.

Сэм схватила свою кисточку и удалилась с улыбкой на лице и любовью в сердце. Она оглянулась через плечо, с радостью увидев, что Доминик смотрит ей вслед.

Сэм вернулась к будке, где ее мама продолжала трудиться над все той же доской.

Было тяжело поверить, насколько сильно ее жизнь изменилась за прошедшие несколько месяцев.

Доминик влюбился в нее.

Следующие несколько часов быстро пролетели. После того, как они провели за покраской почти весь день, потом ели хот-доги и картофельный салат, Сэм пошла на кухню Линды в поисках стакана холодной воды.

— Держи, — сказала Линда, вкладывая сценарий в ладонь Сэм. Она указала на строчку посреди страницы. — Начинай отсюда, и не позволяй Доминику устроить перерыв, пока он не доберется до конца сцены. Ему нужна помощь... отчаянно.

Сэм с недоумением взглянула на Доминика.

— Ты, наконец, выбрал фильм?

— Пока нет, — ответил он. — Но актерству, как и всему остальному нужна практика. А также дисциплина голоса и тела.

Когда Линда исчезла, Сэм посмотрела на Доминика.

— Тебе ведь на самом деле не нужна помощь, не так ли? В смысле, я бы не смогла играть, даже если бы от этого зависела моя жизнь.

— Ты слышала мою сестру, — охладил ее Доминик с серьезным взглядом. — Мне нужна помощь.

— Ты можешь сделать это, — сказала Эмма из кухни, удивив тем самым Сэм, так как она не видела, что ее племянница стоит в тени.

— Разве ты не должна помогать бабушке? — спросила Сэм, чувствуя давление.

— Я помогу тебе, начав первую строчку, — Доминик взял сценарий, и про себя прочитал его. Он опустил подбородок и уперся взглядом в пол. — Мы проходили через это раньше.

Мама Сэм вошла в кухню, чтобы вымыть руки. Теперь у Сэм была аудитория, и ей это ни капельки не нравилось.

— Хммм... — Сэм прочитала половину первой строчки, затем откинула волосы с лица, и попыталась принять серьезный вид. — Пожалуйста, ты это не всерьез. Я люблю тебя. Ты любишь меня.

— Я знаю, что ты не актриса, как и Линда, — сказала Эмма, — но она делала чертовски хорошую работу, до того, как ты появилась. Тебе нужно вложить в это немного чувств, Сэм. Заставь нас поверить, что он тебе хоть немного нравится. Ты же вышла за него замуж, ведь так?

Сэм нахмурилась.

— Вторая попытка, — произнес Доминик, с легкостью вживаясь в роль. — Мы проходили через это раньше.

— Пожалуйста, ты это не всерьез. Я люблю тебя. Ты любишь меня, — намереваясь положить конец болтовне Эммы, Сэм шагнула ближе к Доминику, протянула руку к его подбородку, заставив его взглянуть на нее. — Я могу видеть это в твоих глазах. Ты все еще любишь меня, — она сказала это с чувством, словно смогла собраться. — Я знаю, это так. И я люблю тебя, — и это была правда, она любила Доминика так, как никогда и никого не любила до него. — Я люблю тебя с первого дня нашей встречи. Если ты оставишь меня, я не смогу жить дальше. Не смогу. Я лучше умру. Поцелуй меня, и скажи, что тоже любишь меня.

— Выходи за меня, — произнес он.

Она всмотрелась в сценарий, и не увидела ни строчки, где говорилось бы о предложении выйти замуж. Она снова перевела взгляд на Доминика, вопросительно посмотрев на него.

— Я не вижу ничего подобного в сценарии.

— Потому что этого там нет.

Ей потребовалась пара секунд на то, чтобы понять, что все подстроено. Сценарий был только уловкой. Эмма, ее мама, Линда. Все были в курсе.

— Ты просишь меня выйти за тебя замуж?

Он кивнул.

— Ты хочешь на мне жениться?

— Да, — ответил он с сияющими глазами. А потом поцеловал ее, и его губы были нежными и любящими. Сэм забыла о дурацком сценарии, позволив ему упасть на пол, чтобы она могла обнять Доминика. Она уже призналась ему, что любит, но правда состояла в том, что Сэм была до безумия влюблена в Доминика ДеМарко. Она любила то, как он смотрит на нее, как он ведет себя с ее семьей. Она любила его кривоватую усмешку и легкий смех. А больше всего любила, когда он держит ее в объятиях, и если бы она могла провести остаток жизни, целуя этого мужчину, то стала бы счастливейшей женщиной в мире.

Аплодисменты выдернули Сэм из этого мгновения.

— Вау, — произнесла Линда, стоя в дверном проеме. — Ты заставила свою маму плакать.

Мама потянулась за салфеткой.

— Это самая прекрасная вещь, которую я когда-либо видела, — она протерла уголок

глаза и изящно высморкалась.

Все собрались вокруг, поздравляя их, и следующие пятнадцать минут все походило на большой праздник любви.

Сэм разгладила свое белоснежное летнее платье, отступила и полюбовалась сервировкой стола. Она посмотрела на Марию со слезами на глазах.

— Это прекрасно. Спасибо вам за помощь.

— Все что угодно для вас и мистера Доминика, — ответила Мария. — Я собираюсь упаковать пару вещей и исчезну.

— Вы потрясающий человек, — сказала Сэм Марии. — Доминику очень повезло с вами.

— Я не стану лгать, — сказала Мария, — Я беспокоюсь насчет этого вашего плана. Мистер Доминик очень любящий и щедрый человек, но его очень сильно ранили, и эти раны глубоки.

— Доминик не может быть полноценным, пока не найдет способ простить свою мать.

— Надеюсь, вы знаете, что делаете.

После ухода Марии, Сэм мерила шагами комнату, потом разгладила скатерть и задумалась, не слишком ли рано зажечь свечи. Стол был накрыт на четверых. Она пригласила свою мать, надеясь, что это поможет маме Доминика чувствовать себя спокойнее. Сервировка была в золотых и кремовых тонах, дополненная хрустальными бокалами и свежими цветами.

Ее охватило облегчение, когда она услышала, как открывается и закрывается входная дверь. Доминик дома. Их матери должны вот-вот прийти.

Он позвал ее по имени, и удивился, увидев ее при параде, и ждущей его в столовой.

Собаки бегали вокруг их ног, требуя внимания. Он почесал каждую из них, затем вручил Сэм букет красных роз.

— А это за что?

— За то, что ты — это ты. За то, что согласилась стать моей женой. За то, что делаешь меня даже счастливее, чем я мог себе представить, — он чихнул. — Я полагаю, что ты так и не нашла новый дом для кота?

Сэм покачала головой.

— Я подумаю над этим, я обещаю.

— Кажется, ты не так уж сильно меня любишь?

Сэм прижалась к нему, наслаждаясь прикосновением его челюсти к ее щеке.

Взгляд Доминика упал на четыре столовых прибора.

— Мы ждем гостей?

— Двух очень особенных гостей.

На красивых чертах его лица появилось сосредоточенное выражение.

Как по заказу, прозвенел дверной звонок.

— А где Мария? — спросил он.

— Я отпустила ее на всю ночь, — ответила Сэм, идя к входной двери, поприветствовать гостей. — Она вернется завтра.

Доминик проследовал за ней, остановившись, когда Сэм открыла дверь.

На пороге стояла его мать, с сияющими глазами и нервной улыбкой на губах. На ней был бледно зеленый костюм, который идеально подходил к ее серебристым волосам. Она

выглядела хрупкой, нервной и прекрасной.

— Входите, — пригласила Сэм. — Я так рада, что вы пришли.

В тот же миг, как Беверли вошла в дом, Сэм ощутила, как напряжение потрескивает между матерью и сыном.

— Что здесь происходит? — требовательно спросил Доминик.

— Я пригласила на ужин твою маму.

— Здравствуй, Доминик.

Доминик смотрел на Беверли ДеМарко так, словно в его дом только что вошел пришелец.

— Прости нас, мы на секунду, — произнес он, беря Сэм за руку, и уводя ее на кухню. —

Ты помнишь, как мы говорили о том, что между нами больше не будет секретов?

Сэм улыбнулась.

— Да, я помню. Это не секрет. Это сюрприз. Подарок, если точнее.

— Ты решила подшутить надо мной, да? Кем ты себя считаешь?

— Я женщина, которую ты любишь, — жизнерадостно ответила она. — Ты задолжал своей матери, но что еще более важно, самому себе, услышать то, что она хочет сказать.

Раздался еще один стук в дверь.

— Мне нужно пойти, открыть.

— Можешь оправляться и ужинать без меня.

Она остановилась в дверном проходе, ведущим в другую часть дома и посмотрела на Домииника.

— Один ужин с твоей матерью. Это все, о чем я прошу, — потом она направилась к входной двери.

Доминик пошел в противоположную сторону. Он промаршировал в свою спальню, потом продолжил ходить перед газовым камином, прежде чем, наконец, не отправился в ванную, где сполоснул лицо холодной водой. Уставившись на свое отражение в зеркале, он понятия не имел, что говорить, или что ему делать. Он был зол. Зол на Сэм. Зол на самого себя.

Минуты шли, он успокоился, но также он начал задаваться вопросом о своих отношениях с Сэм. Тот факт, что она смогла пригласить его мать в его дом, не поговорив с ним, доказывал ему то, что она совершенно его не знает. А он едва знает ее. Был ли он действительно влюблен в Саманту Джонстон, или он совершил давнишнюю ошибку и перепутал любовь с похотью?

Это была правда... он скучал по Сэм, когда ее не было рядом, но происходящее между ними, все еще было свежим и новым. Много пар жаждут проводить время вместе в самом начале. Может быть, что в связи, которой, как он считал, у них есть, нет ничего особенного.

Ощущая пустоту внутри, он пробежал пальцами по волосам, разгладил несколько складок на рубашке и направился в столовую.

Он удивился, увидев свою мать, сидящую в одиночестве в гостиной.

— Привет, Беверли, — произнес он.

Вздвигнув, она отвернулась от стены с его фотографиями с разнообразных съемочных площадок различных лет и прижала руку к груди.

Он все еще помнил ощущение, когда она прикладывала эти самые руки к его лбу, чтобы проверить у него температуру. Он вздохнул, удивившись сладкому аромату ее духов.

— Это те же самые духи, которые я помню с тех пор, как ты укладывала меня спать.

Ее глаза моментально наполнились слезами, и он подумал, какой черт дернул его высказать свои мысли вслух.

— Это те же самые. Розы и Гардении, — ответила она. Затем махнула рукой в сторону фотографий — У тебя было отличное путешествие, не так ли?

Он сделал шаг вперед, указав на третью фотографию справа и даже обнаружил, что улыбается.

— Это было снято во время "Голубых небес", моего второго фильма. Тогда мне было шестнадцать или семнадцать. Режиссер продолжал орать "снято" но я слишком наслаждался игрой с шимпанзе.

— Ты любил животных с тех пор, как научился ползать, — сказала она, внимательно всматриваясь в фотографию. — Это, — твердо сказала она, показывая пальцем на фото в дальнем левом углу, — было твоей самой лучшей работой. Ты должен был забрать Оскар за эту роль.

Он кивнул, сначала медленно, затем более заметно.

— Меня не номинировали. Фильм был не очень популярным, и я не получал много внимания за эту роль.

— Это позор, — с вызовом сказала она. — Я писала Совету правления Академии кинематографических наук.

— Ты писала в Совет управления?

— Совершенно верно. Я даже получила ответ. Я была не единственной, кто не был доволен их выбором в тот год.

У него вырвался смешок, удививший даже его самого.

— Здесь нет ничего смешного. У тебя невероятный талант, — потом она повернулась к нему, распрямив плечи, смело уставившись на него. — Я всегда так гордилась тобой.

Он проглотил комок, каким-то образом образовавшийся в его горле.

— Я ходила на каждое мероприятие, какое только могла.

— Я видел тебя.

Ее подбородок чуть приподнялся, глаза посветлели.

— Я писала тебе. Я пыталась увидеть тебя, Доминик. Нам нужно о многом поговорить. Если бы мы только...

— Мы должны присоединиться к остальным, — сказал он, обрывая ее, не готовый слушать ее извинения.

Следующие два часа были полны разговоров о фильмах Доминика, собачьем ранчо Линды, детскими историями, рассказанными обеими матерями, одна из которых включала предпринимательские способности Доминика, когда в детском саду он брал с детей четвертак, чтобы вырвать их шатающиеся зубы, чтобы они могли вернуться домой и получить от родителей еще больше денег.

Сэм превзошла саму себя с приготовлением ужина: весенний кресс-салат, филе миньон со спаржей, и грибы с голландским лобстером.

За шоколадным муссом ее мать похвалила дочь за готовку.

Хотя вечер и можно было считать успешным, старые раны отказывались затягиваться, суммируя все эмоции, которые он много лет пытался похоронить. Даже ради спасения жизни, он не смог бы объяснить сейчас свои чувства. Он хотел услышать, что скажет ему мать, но в то же самое время, он этого боялся.

Когда Доминик положил салфетку на стол и извинился, его руки дрожали. Он не смог уйти достаточно быстро.

Глава 25

Сэм сидела на краешке современного зеленого, из микрофибры, дивана в гринруме World Studio, в ожидании начала шоу Барбары Феллс.

Доминик сидел рядом с непроницаемым выражением лица. С тех пор как она пригласила его мать на ужин две ночи назад, он отдалился от нее. Даже их занятия любовью перетерпели изменения, страсть сменилась невысказанной обидой.

Хоть Сэм и была уверена, что поступает правильно, силой сталкивая Доминика с матерью, она понимала, что снова переступила черту. Сэм неоднократно извинялась, а он говорил ей, что все в порядке, и она должна забыть об этом, но с той ночи все уже не было прежним.

— С тобой все в порядке? — спросила Сэм, сжимая его колено.

Он посмотрел на нее.

— У меня все отлично. А как насчет тебя?

— Я нервничаю, — ответила она, надеясь, что он обнимет ее и просто прижмет к себе на пару минут.

— Я хочу, чтобы ты поговорил со мной, — произнесла она, после нескольких минут молчания, которое грозило задушить ее.

— О чем?

— Не знаю... может быть, просто покричи на меня, выпусти все, расскажи, что беспокоит тебя в последнее время.

— Все будет хорошо, Сэм. Встреча с мамой оказалась большим сюрпризом, но не тем, с чем я не смог бы справиться, — он прижался губами к ее лбу, как раз в тот момент, как над дверью загорелся зеленый свет. Двери открылись. К ним вышел мужчина в наушниках и с планшетом и сказал им, что пора выходить на сцену.

Они последовали за ним через длинный коридор.

Доминик в последний раз сжал руку Сэм, перед тем, как вышел на сцену, где ждала Барбара Феллс.

Барбара встала, поздоровалась с Домиником, обняла его и поцеловала, пока аудитория сходила с ума. Женщины кричали, словно он был рок звездой.

Сэм наблюдала за сценой, ее сердце бешено билось, руки стали липкими. Два мягких белых дивана и разноцветный букет на стеклянном столике не особо помогли ей успокоиться. Сэм досчитала до десяти и постаралась успокоиться, надеясь, что Барбара поплывет от шарма Доминика и забудет о ней. Сердце ее определенно не будет разбито, если она пропустит это интервью.

Аплодисменты, наконец, стихли. Барбара перешла прямо к делу, и спросила, в каком фильме он собирается сниматься дальше. Действительно ли он раздумывает над вестерном?

Сэм посмотрела на монитор. На лице Доминика мелькнуло удивление. Но он быстро оправился, и, рассмеявшись, ответил аудитории, что он не Клинт Иствуд, но он сможет задать герцогу жару. От сексуальной протяжности в голосе Доминика, Сэм ощутила тоскливую дрожь.

У Сэм свело желудок. Доминик гордился тем, что держал свои сделки по фильмам и

личные решения в секрете. Только Мария и Сэм знали о вестерне. Откуда узнала Барбара?

— Итак, расскажи мне о своей новой невесте, — продолжала Барбара, быстро сменяя темы, намереваясь получить от Доминика как можно больше информации. — Ты всегда был закрытым человеком, и вот внезапно, ты объявил всему миру, что собираешься жениться, заставив всех изнывать от предположений, кто же твоя невеста.

Доминик выпустил на волю одну из своих широких улыбок, показывая легендарные ямочки. Женщины завизжали.

— Я никогда не планировал жениться. Я считал, что проведу жизнь в одиночестве, но потом встретил Саманту. Все изменилось в тот же миг, как я увидел ее. Она полна сюрпризов. Ее сущность и оптимизм никогда не перестанут удивлять меня. Она та, единственная.

Сэм вспыхнула и задрожала.

— Как мило, — Барбара наклонилась достаточно близко, чтобы по-дружески положить руку на колено Доминика. — Что все здесь хотят знать, так это что, черт побери, происходит между вами?

Явно довольная собой, Барбара села назад в свое кресло и выжидала.

Впервые с того момента, как Доминик ступил на сцену, аудитория замолчала, все ждали, что он ответит.

— Все очень просто, правда, — сказал он. — Я влюблен.

— Да ладно, — ответила Барбара. — Ты же не ждешь, что мы в это поверим. Ты встречался с десятками прекрасных женщин, и вот внезапно, твоя жена, не модель или актриса, а обычная женщина, родившаяся в пригороде, каким-то образом, привлекает твое внимание.

— Все именно так.

— Тогда она должна быть действительно особенной. Позвольте мне представить миссис Саманту ДеМарко.

Аудитория зааплодировала. Сэм собрала всю свою смелость и вышла на сцену. Досчитав до десяти, она сконцентрировалась на каждом шагу. Доминик встретил ее на полпути. Он взял ее за руку, улыбнулся, поцеловал в щеку. Всего лишь один взгляд на него дал Сэм понять, что он не доволен происходящим, вероятно, пытается понять, как Барбара узнала о том, что он подумывает над вестерном.

Сэм и Доминик сели на диване напротив кресла, в котором сидела Барбара. Когда аудитория стихла, Барбара наклонилась к Сэм.

— Каково это, быть замужем за одним из самых желанных холостяков десятилетия?

— Он самый заботливый и любящий мужчина, которого я встречала. Мне повезло, что я стала его женой.

Сэм сжала руку Доминика.

— Мы разговаривали с одним из твоих братьев, и он сказал, что был так же удивлен, как и весь остальной мир, услышав о вашем браке. Расскажи мне, как вам обоим удавалось так долго держать в тайне ваши отношения?

— Если я расскажу вам, — произнесла Сэм, — это уже больше не будет секретом. Но вот что я вам скажу — люди так сосредоточены на роскошных моделях с длинными ресницами и еще более длинными ногами, что мне легко было остаться незамеченной.

В аудитории раздались неловкие смешки.

— А ты скромница. Я уже начинаю понимать, почему Доминик в тебя влюбился.

Сэм улыбнулась.

— Журналистка таблоида выходит замуж за знаменитость. Иронично, не так ли?

Доминик пожал плечами.

— Я бы назвал это судьбой, шансом, любовью — выбирай, что тебе понравится. Полицейский женится на преступнице, вегетарианка выходит за мясника. Такое происходит постоянно.

— Об этом я ничего не знаю, — сказала Барбара. — Это другое. Ты не будешь возражать, если твоя жена напишет личную историю о тебе для "Ритма ЛА"?

— Пока мы будем обсуждать это и придем к соглашению, нет, я не буду возражать. А как насчет тебя, Барбара? — пошутил Доминик, ради веселья меняясь ролями. — Будешь ли ты возражать, если твой муж придет на вечернее ток-шоу и выдаст парочку ваших секретов?

Зрители засмеялись.

Барбара тоже рассмеялась.

— Я буду в восторге узнать, что он может быть таким умным без меня, даже не понимая этого.

Снова смех.

— Ну ладно, — продолжила Барбара, берясь за последний выпуск "Ритма ЛА". — Вы в курсе, что кто-то пишет детальные рассказы о вашей жизни для "Ритма ЛА" под именем Лиана Паркер?

Зрители начали перешептываться между собой, пока Барбара надевала свои очки и начала листать издание.

Сэм не могла поверить своим ушам. Ее сердце билось о грудную клетку, и внезапно она ощутила головокружение. Что происходит?

Прошло пять минут, пока Барбара закончила читать о том, что Доминик спит голым и любит ходить по дому без одежды, щеголяя своей внешностью при первой попавшейся возможности.

Доминик высмеял это.

— Если бы я беспокоился о каждой истории, которую напишут обо мне, я бы не смог завершить ни одной работы, не так ли? Существуют журналисты, получающие награды за свои работы, и существуют те, кто раскручивает свои сюжеты, отнимая достоинство у людей ради продажи газеты, — он отмахнулся от ее комментариев. — Я не трачу свое время на эту ерунду.

— А как насчет этого? — спросила Барбара. — Согласно мисс Паркер, у вас есть сводная сестра Линда, которая посвятила жизнь заботе о собаках, слишком старых, чтобы их кто-нибудь согласился забрать. Она делает большую часть работы, но вы поддерживаете место на плаву, оказывая ей финансовую поддержку.

У аудитории вырвался вздох удовлетворения.

— Есть ли причина, по которой ты никогда не говорил о своей сестре?

Сэм замерла на месте, в ее мозгу роился миллион мыслей. Все, что говорила Барбара, исходило прямоком из ее записок. Как такое возможно? Ее записки были надежно спрятаны.

А потом ее осенило, как удар молнии, напомнив ей, как она оставила Кейт наверху, спустившись ответить на телефонный звонок. Кейт украла ее записки. Желудок Сэм перевернулся.

Она посмотрела на Доминика. Он изо всех сил старался удержать на лице улыбку, отказываясь показывать, каким сюрпризом было для него все это. За игру он точно заслужил

награду Академии. Его тело напряглось, и он отпустил ее руку. Он много работал над тем, чтобы сохранить свою личную жизнь, а она разрушила все, доверив бумаге большинство его секретов. Она ничего не хотела так сильно, как уйти со сцены и очистить себя от ужасной боли, которую, как она знала, причинила ему.

Но Барбара не закончила ни с одним из них, она всего лишь разогревалась. Она поднесла поближе к камере тот же самый снимок матери Доминика, который он ей показывал: лицо его мамы было почти невозможно узнать.

— Правда ли, что твой отец издевался над твоей матерью? И все же, вы двое годами не общались. Почему?

— Я пришел сюда не затем, чтобы говорить о своей семье, Барбара, ты знаешь это. Я пришел, чтобы поговорить о своем браке.

Барбара улыбнулась. Она получила ту реакцию, которой добивалась. Она оказалась первой, кто выдал новости о матери Доминика, и полностью счастливая продолжила дальше:

— Мои источники говорят мне, что Лиана Паркер — это твоя жена, та самая, единственная.

— Это ложь, — ответил Доминик.

— Ну, а что ты скажешь на то, что люди говорят, о том, что твой брак это лишь уловка? Здесь говорится, что вы оба впервые встретились в день вашей свадьбы, в комнате в задней части церкви. Очевидно, вы оба подписали что-то вроде контракта. И что на свой медовый месяц, будучи мужем и женой, вы не спали в одной постели.

Сэм собралась было ответить, но увидела Джулию, стоящей на краю сцены.

— У меня есть тайная гостья, которая говорит, что ваш брак, это всего лишь уловка для нового прыжка в карьере Доминика. Ее зовут Джулия Хармон.

Джулия ухмыльнулась Доминику и Сэм, выходя на сцену.

Доминик встал. Его челюсть была крепко сжата, тело напряжено.

Барбара попросила его занять свое место.

Люди начали переговариваться, когда Доминик стремительно ушел со сцены.

Сэм поспешила за ним.

Доминик открыл машину. Никто из них не произнес ни слова, пока они усаживались в его БМВ.

К тому времени, как он выехал на шоссе, Сэм думала, что начинает заболеть. Резкая езда лишь добавила напряжения. Тишина быстро пробивалась в каждую щель машины, удушая ее.

— Кейт, по всей видимости, украла мои записи, — сказала она, нарушая молчание, ее голос надломился.

— "Ритм ЛА" не может использовать псевдонимы или имена без разрешения. Кто такая Лиана Паркер?

Сэм пыталась дышать, пыталась найти способ объяснить, как такое могло произойти.

Доминик посмотрел на нее, затем снова обратил свое внимание на дорогу перед ним.

— Ты же не Лиана Паркер, ведь так?

— Я не знаю никого с таким именем. Митси говорила об использовании псевдонима, чтобы писать статьи о нас обоих.

— Ты не вносишь никакой ясности.

— Это было два месяца назад, — ответила Сэм. — В то утро, когда мы вернулись домой

с нашего медового месяца, я поехала на работу...

— В ту самую ночь, когда ты вернулась домой с Кеном.

— Точно, — ответила Сэм. — Мой босс просила меня писать еженедельные статьи о нашем браке, используя псевдоним. На некоторое время я задумалась над этим. Работа была моей жизнью. У меня была цель, и ничто не могло сбить меня с пути. Но, в конце концов, я уважала свое обещание тебе, и сказала ей, что не буду этого делать. Я никогда не писала статей. Я никогда ничего ей не давала.

— Но ты согласилась писать обо мне за моей спиной?

— Я сказала Митси, что могу написать о нашем браке по истечении трех месяцев, не оговаривая документ, который Бен и Том заставили меня подписать. Я никогда бы не сделала ничего такого, не поставив тебя в известность.

— Я открылся тебе, Сэм. Я сделал все, о чем ты просила, и вот так ты мне отплатила.

— Ты несправедлив. Как я могла знать, что Кейт украдет мои записи?

— Ты могла сказать мне, что случилось. Знание об этом загодя, мне бы не помешало.

Сэм вздохнула.

— А как насчет фотографии моей матери? — спросил он затем. — Откуда они взялись?

— Я не знаю.

— Значит, ты хочешь сказать, что никогда раньше не видела фотографий моей матери?

— Я видела их, когда навещала твою маму в ее квартире. Она показала мне три снимка, наподобие того, что выставила Барбара. Твоя мама сказала, что твой отец чуть не забил ее до смерти. Она была в доме у подруги, пока приходила в себя, и что к тому времени, как она вернулась, твой отец предупредил соседей и работников школы, что она может попытаться тебя похитить. Он сделал все, чтобы держать ее подальше.

— И ты не подумала о том, что я должен знать это?

— Я пригласила твою мать на ужин, в надежде, что ты выслушаешь ее, но ты отказался встретиться с ней на полпути.

— Ты что, чертов психолог?

Сэм вздрогнула.

— Я только хотела помочь.

Челюсть Доминика напряглась.

— Ты ведь не веришь мне, не так ли? Ты думаешь, что это я дала Митси фотографии твоей матери?

Он промолчал.

Сэм никогда не видела Доминика таким расстроенным.

— Мы провели много времени вместе, за эти пару месяцев, — произнес он.

Сэм кивнула.

— Я рассказал тебе больше, чем кому-либо другому из всех, кого я знаю. Почему ты даже не подумала о том, чтобы рассказать мне все об истории с Митси и Лианой Паркер? У тебя было так много возможностей.

— Не было никаких причин рассказывать тебе о Лиане Паркер, потому что я отказала своей начальнице.

Следующие несколько минут они ехали молча. Ворота на краю подъездной дорожки к дому открылись, и Доминик подъехал на своем БМВ к дому и остановился у фонтана. Выключив двигатель, он повернулся к Сэм.

— Я думаю, что ты должна упаковать свои вещи и уехать.

— Доминик, я не хотела, чтобы случилось хоть что-то из этого. Ты достаточно хорошо меня знаешь, чтобы понять, я никогда бы так с тобой не поступила. Я понимаю, почему ты расстроен. Не стоило мне доверять Митси. Но я люблю тебя, и ты любишь меня.

Доминик сидел без движения.

— Я не сделала ничего неправильного. Если бы ты смог обрушить свои невидимые стальные стены, ты бы понял, что все что я делала, включая приглашение на ужин твоей матери, было ради тебя. Не позволяй непорядочности Митси и Кейт разрушить нас.

— Здесь дело ни в одной из них, — сказал он ровным голосом. — Дело в тебе и во мне, больше ни в ком. Я больше не могу, — он выдохнул. — Я собираюсь устроить пресс-конференцию.

— Я думаю, что это хорошая мысль. Твои поклонники заслуживают правду.

Он долго смотрел на нее.

— Я должна присутствовать на пресс-конференции? — спросила она.

— Я думаю, что лучше не стоит.

Он выбрался из машины и пошел к дому. Ее кожа стала липкой, дыхание участилось. Она не знала, что говорить, или делать, или думать. Все кончено. Просто так, как щелчок пальцами, между ними все закончилось.

Глава 26

Сэм окунула губку в мыльную воду, выдавила излишки и снова стала мыть кухонные шкафчики, поглядывая одним глазом на телевизор, где Доминик смотрел в объектив и рассказывал поклонникам всю грязную историю о том, как его бухгалтер предал его, а он, в свою очередь, предал фанатов. Он говорил о том, что глубоко сожалеет, и что ему некого обвинять, кроме как самого себя.

Следующий клип показал мужчину, стоящего перед World Studios. Окруженный представителями прессы, гендиректор, высокий джентльмен при костюме и галстук, утверждал, как все в World Studios потрясены этим известием. Они будут требовать справедливости, но им потребуется чуть больше времени для принятия важных решений, учитывая карьеру Доминика.

Губка выпала из ее руки. У нее перехватило дыхание, когда следующие кадры показали дом Доминика, лишенный мебели, картин, ваз и посуды. Согласно ведущему, машины тоже забрали.

Никто не знал, где Доминик живет, но их лучшим предположением была мысль о том, что он переехал жить в Дом для Старых собак, к своей семье. В следующих кадрах было видно, что журналисты, как акулы, кругами ходят вокруг дома Линды, пока вдалеке слышится собачий лай.

Прошла ровно неделя с тех пор, как Сэм выехала из дома Доминика в Малибу. У нее было не так уж много вещей, так что ей не понадобилось много времени на упаковку. С чемоданом в одной руке, клеткой Шекспира в другой, и одним походом в дом за рыбой Гамлетом, она уселась на заднее сидение такси на пути в свою квартиру, всего через пару часов после интервью у Барбары Феллс.

Первый день Сэм плакала как ребенок. На следующее утро она посмотрела своими красными, вспухшими глазами в зеркало, и увидела кого-то, кого она больше не узнавала. Женщина, смотрящая в зеркало, была выше и сильнее, напомнила она самой себе. Она была

прекрасной внутри и снаружи, и она никогда, ни разу, не хотела причинить вред Доминику ДеМарко специально. Если бы он и правда любил ее, он бы никогда не позволил ей уйти.

Его потеря.

Распрявив спину, Сэм почувствовала большую уверенность в том, что все ее поступки, включая визит к Беверли ДеМарко, были совершены из-за любви. Она много раз пыталась поговорить с Домиником, но он отказывался слушать.

Когда Беверли наконец ответила на звонок, Сэм считала, что она смогла бы воссоединить вместе мать и сына, и Доминик начнет восстанавливаться. Она никогда не думала, что Беверли будет такой обходительной. Она была возбуждена от перспективы, что Доминик выслушает свою мать, надеялась, что они оба смогут начать сначала. Но по каким-то причинам, Доминик снова отказался выслушать ее. Он был упрямым и недоверчивым человеком. Если он не сможет научиться прощать и забывать, он определенно состарится в одиночестве.

Стук заставил Сэм швырнуть губку в корзину. Она сняла резиновые перчатки. Открыла дверь. Ничто не могло бы удивить ее больше, чем Кейт Гаррисон, стоящая по ту сторону двери.

Они долго смотрели друг на друга, прежде чем Кейт спросила, нельзя ли ей войти.

Сэм преградила ей путь.

— Всего лишь на минутку, — сказала Кейт.

Сэм вернулась на кухню.

Закрыв за собой дверь, Кейт положила на стойку толстый конверт.

— Я хотела вернуть твои записи.

Молча, Сэм снова надела резиновые перчатки и начала драить.

— Прости, — сказала Кейт. — Ты была права, Сэм! После того как я украла твои записи и написала статьи для Митси, она не повысила меня. Она даже пригрозила уволить меня, если я скажу тебе правду.

Сэм начала драить еще сильнее, напрягая все свои мускулы.

— Я искренне сожалею по поводу твоего брака, — мягкий голос Кейт дрожал от эмоций. — Я знаю, ты любишь его. Не только потому что ты все время писала об этом в записках, но я также видела это в твоём лице, когда ты представила меня Доминику. После всего, через что ты прошла с Кеном, у тебя, наконец, был шанс на счастье, а я все испортила.

Запястье Сэм начало ныть.

— Я знаю, что не могу сказать ничего, чтобы улучшить положение, но я должна доказать тебе, что никогда не прощу этого себе.

Кейт собралась уходить, когда Сэм повернулась и прочистила горло, остановив ее.

— Идти к алтарю с Домиником было ошибкой на многих уровнях, но я бы сделала это снова, если бы у меня был шанс. Я люблю его. Но то, что мы не вместе, не имеет с тобой ничего общего.

— Ты пытаешься сказать, что не злишься на меня?

— Разумеется, я на тебя злюсь. Я даже не уверена, смогу ли я когда-нибудь простить то, что ты сделала.

Возникла долгая пауза, прежде чем Кейт произнесла:

— Я уволилась из "Ритма ЛА".

Сэм кивнула.

— Митси не будет знать, что делать без тебя.

— Наверное, ты права. Я позвонила нескольким конкурентами, и на следующей неделе у меня два собеседования.

Сэм не знала, что чувствует. Если Кейт думала, что вернет все назад, извинившись, она ошибалась. Жизнь без Доминика была холодной и одинокой. Ее сердце разваливалось на части от боли и страданий.

— Сейчас я собираюсь уйти. Если ты решишь, что тебе нужно с кем-то поговорить, у тебя есть мой номер.

Кейт открыла дверь.

— Похоже, что у тебя еще один посетитель.

Сэм снова стянула перчатки. К тому моменту, когда она подошла к двери, Кейт уже садилась в свою машину на другой стороне улицы, а к ней направлялся мужчина. При виде друга Доминика, она ощутила всплеск эмоций.

— Том, что ты здесь делаешь?

— Я тоже рад тебя видеть.

Улыбнувшись, она пригласила его войти, что он и сделал. Он остановился, чтобы почесать Шекспира по спине.

— Хорошее у тебя тут местечко, — произнес он, выпрямляясь.

— Спасибо, — Сэм выключила телевизор. — Могу я предложить тебе выпить?

— Нет, я ненадолго. Я просто заехать посмотреть, как ты держишься.

— Я в порядке. Как Доминик? Ты его видел?

— Он в порядке. Он скучает по тебе.

— Если он по мне скучает, он мог бы позвонить.

— Он любит тебя, Сэм. Ты знаешь все о его безумном детстве. Его предавали слишком много раз, — Том наставил на нее палец. — Все что произошло между тобой и Домиником... это была катастрофа. Он не любит сюрпризы, а получил их несколько за один раз. Барбара Феллс выдала кучу его личных моментов, включая факт о его сводной сестре; избияния его матери, список можно продолжить. Это слишком много для одного человека. Доминик запаниковал.

Том походил по ее дому, рассматривая фотографии, поправляя подушки на диване, очевидно ожидая от Сэм ответа, но она не знала, что сказать. Она оперлась бедром о стойку и наблюдала за ним.

— Доминик купил дом на десяти акрах, — сказал он ей. — Настоящая свалка, но он намеревается все там наладить.

— Это мило.

— Может, мы могли бы поехать к нему прямо сейчас, и посмотреть, как у него дела?

Сэм указала на него пальцем.

— Если бы я не знала тебя лучше, Том, я бы предположила, что ты пытаешься сыграть роль свахи.

— Гретчен уверена, что вы оба созданы друг для друга.

Сэм промолчала.

— Ладно... — Том выпустил длинный, тяжелый вздох. — Правда в том, что он довел всех нас до сумасшествия. С момента твоего ухода, он не похож на себя. Он разваливается на части. У него под глазами уродливые темные мешки, и он больше не расчесывается. Он выглядит словно кошка, прокрававшаяся в дом, когда никто не видит.

Сэм засмеялась от этого сравнения.

— Что-то подсказывает мне, что ты преувеличиваешь.

— Ну, может быть в части о расческе, но все остальное правда. Слушай, я каждый день получаю звонки от продюсеров, которые заинтересованы в нем, но он продолжает их отшивать.

— Если появится нужное предложение, Доминик его примет. Ты знаешь это лучше, чем кто-либо.

Том на секунду замолчал. Его глаза сузились.

— У тебя и самой не слишком цветущий вид. Ты хорошо спишь?

Сэм прищурилась.

— О нет, не начинай. Я не поддамся на это, Том. Ты не вернешься к Доминику, чтобы рассказать ему ту же печальную историю. Это не сработает. Если Доминик действительно меня любит и хочет провести со мной остаток жизни, именно он должен стоять передо мной, не ты.

Сэм улыбнулась ему, дружески похлопав по плечу.

— Я ценю то, что ты пришел, чтобы поговорить со мной, правда. Ты заставил меня смеяться, а смех, как говорится, лечит души.

— Ты упрямая, — сказал Том. Потом он вынул конверт стандартного размера и передал ей.

— Что это?

— Если хочешь узнать, то должна сама его открыть.

Сэм открыла ящик, достала нож для масла и воспользовалась им, чтобы открыть конверт. Внутри был чек на имя Саманты Джонстон на сумму в сто тысяч долларов. Она посмотрела на Тома.

— После того как продали все имущество Доминика, у него осталось достаточно денег, чтобы купить дом, где он живет сейчас, и он хотел, чтобы ты получила остальное. Он думает, что будет справедливо, если ты получишь что-то за все твои проблемы, так как именно он разорвал сделку.

Сэм сунула чек назад в конверт и передала ему.

— Я не хочу деньги Доминика.

— Ты должна их взять. Что ты собираешься делать? — спросил он, еще раз оглядывая ее жилище.

— У меня достаточно сбережений, чтобы их хватило на некоторое время. Я собираюсь провести следующие несколько месяцев, рассылая резюме, а пока буду ждать у телефона ответов, то буду писать роман.

Он изогнул бровь.

— Не беспокойся, в моей истории не будет ни слова о знаменитостях или журналистах.

Он хмыкнул, а потом помахал конвертом перед ее лицом.

— Последний шанс.

Сэм отмахнулась от денег. Она хорошо себя чувствовала, отказываясь от таких денег, в основном потому, что знала, с ней все будет в порядке. Последнее, что она собиралась делать, это погружаться в депрессию, как было тогда, когда Кен оставил ее ради другой женщины.

Ни за что.

Жизнь совсем нелегка. Ей нравится подвергать людей безумным испытаниям, просто чтобы посмотреть, как они справятся, и из чего они сделаны.

Как и многие люди, Сэм, как правило, извлекала уроки из испытаний. Но в первый раз в своей жизни, она знала, что справится со всем, что ей подкинет жизнь.

Глава 27

Доминик поспешил вверх по ступенькам и ворвался в дом своей сестры, позволяя двери захлопнуться за ним. Он остановился, увидев Линду стоящей посреди гостиной.

— Что случилось? Уинстон?

— Успокойся, — сказала Линда. — С собаками все в порядке.

Почувствовав неладное, он прошел через комнату и вошел на кухню.

— Беверли, — произнес он. — Что ты здесь делаешь?

Сегодня она выглядела по-другому. Она была одета в клетчатую рубашку и джинсы. Ее белые, сверкающие сникерсы ослепили его. Он смотрел на свою маму, но говорил с сестрой.

— Что она здесь делает? — спросил он во второй раз.

— Я ее пригласила.

Вызывающий тон сестры вызвал болезненные воспоминания о Сэм. У него защемило сердце от тоски по ней.

— Зачем?

— Потому что я всегда думала о моем папе... нашем папе, и когда я увидела твою маму в газете, и во всех новостях, то подумала, что лучший способ узнать об отце, это спросить у твоей мамы.

— Ты должна была сперва спросить у меня.

— Ты мне не начальник. Что ты собираешься сделать, поднять крик, убежать и больше со мной не разговаривать? Бедняжка.

— Я могу именно так и поступить.

Линда вздохнула.

— Сядь и позволь Беверли сказать то, что она хочет рассказать тебе. Тебе пора разрешить ей говорить.

— Я постою.

Кроме Уинстона, бегающего кругами за хвостом, в доме больше не было слышно никаких звуков.

— Мне жаль, что у вас с Сэм ничего не вышло, — начала его мать, ее голос был слегка хрупким.

Из-за голубого цвета ее рубашки, ее глаза казались еще более небесно-голубыми, чем когда он видел ее в последний раз. Для женщины в возрасте, она хорошо о себе заботилась.

— Мне очень нравится Сэм, — произнесла его мать после долгой паузы. — Она хороший человек.

Линда кивнула, соглашаясь.

Доминик нахмурился.

— Ты меня сюда поэтому позвала, Линда? Чтобы сказать, что я все испортил? Вы две любопытные женщины думаете, что я сам не знаю, что все испортил? Я скучаю по ней. Каждая косточка в моем теле ноет от тоски по Сэм Джонстон, но это никогда не сработает.

— Почему нет? — захотела узнать Линда.

— Потому что мы слишком похожи. Мы с Сэм не доверяли друг другу. Может быть, никогда и не будем. Эта женщина будет следовать за мной каждый раз, когда я пойду

выносить мусор, и я буду звонить тебе, Линда, каждый раз, как она хоть на пять минут задержится с работы. Это нездоровая жизнь.

— Она ведь не рассказала тебе об оскорблениях, которые я терпела, да? — спросила его мать.

— Нет, не сказала. Она решила передать твои снимки "Ритму ЛА" и позволила им сделать все остальное.

— Я никогда не давала ей фотографии.

— Тогда как газета заполучила их?

— Ко мне пришла женщина по имени Кейт Гаррисон. Она назвалась ассистенткой Сэм Джонстон. У меня не было причин ей не верить. Она сказала, что "Ритм ЛА" пишет очень важную статью о вашей жизни, и что после публикации даже возможен фильм. Она также заверила меня, что они получают твое разрешение, прежде чем все будет опубликовано.

— Так это не Сэм дала им фотографию?

Его мама покачала головой.

Он смотрел на нее очень долго.

— Это действительно папа сделал с тобой все это?

Она кивнула.

— Он бил тебя все время?

Она вздрогнула.

— Почти каждый день.

— Почему я не помню, что видел тебя в крови или опухшей?

— Он бил меня туда, где люди не увидят. В те дни я часто носила шарфы и солнечные очки.

— Я помню шарфы и очки. Ты всегда прикрывалась.

— Я не должна была оставлять тебя с отцом.

Он пожал плечами.

— Нельзя изменить прошлое.

— Если бы я могла повернуть время вспять, я бы взяла тебя и ушла после первого же раза, как он меня ударил.

Доминику не нравилась мысль о том, что его отец избивал его мать. Он втянул воздух:

— У тебя не было денег. Черт, у отца едва хватало денег на еду на столе. Я уверен, что ты все время делала все, что в твоих силах.

— Я могла бы сделать все чертовски лучше, — ответила она. — Я должна была все сделать лучше. Я очень сожалею о всей той боли, которую тебе причинила. Мне так жаль, Доминик!

Линда вышла из комнаты, но не раньше, чем издала несколько гортанных всхлипов. Она редко плачет. Ее детство тоже не было наполнено радугами и леденцами. Доминик задумался, а что, если и мать Линды, первую жену, отец тоже избивал до полусмерти.

Доминик словно оцепенел. Он не помнил, как садился напротив матери. Как не помнил и того, как брал ее хрупкие, холодные руки в свои, но, когда он на мгновение пришел в себя, то понял, что именно сделал.

Внезапно он осознал, как ужасно все испортил, позволив своему прошлому уничтожить любой шанс на счастье в будущем. Ему давно следовало встретиться с матерью, и позволить ей обо всем рассказать. Просто так.

Точно, он все испортил.

Он пытался занять себя, чтобы не думать много о Сэм, надеялся, что время сможет помочь ему забыть о ней. Прошло чуть больше недели, и он скучал по ней сегодня даже сильнее, чем в ту первую ночь, когда он велел ей уйти.

— Я действительно все просрал, — прошептал он.

— Перестань это, — сказала Беверли, сжимая его руки, и не желая отпускать. — Все еще есть шанс, если ты пойдешь следом за ней.

— Ты так считаешь?

— Да.

В комнате на миг стало тихо. Сидеть здесь, рядом с мамой, казалось нереальным.

— А как насчет папы? — спросил он. — Как думаешь, он когда-нибудь перестанет пить?

— Надеюсь, что да.

— Я тоже, — сказал он и кивнул, прежде чем увидел, как ее палец растирает руку. Он ощутил внутри какие-то пузырьки. Что бы это ни было, оно нарастало, поднимаясь по телу, к его груди. — Я должен был поговорить с тобой, когда увидел тебя в толпе, — выпалил он.

— Время было неподходящим.

— Оно могло стать подходящим. Я должен был сделать его подходящим.

— Ты делал все что мог, — сказала она, повторяя его же слова. — Ты хороший человек.

— Я думаю, все может быть хорошо, — ответил он ей.

Она кивнула.

— Я должен найти Сэм. Я должен поговорить с ней.

— Думаю, это чудесная мысль.

Наверное, она говорила правду, потому что высвободила его руку.

Доминик встал, все еще не сводя взгляда с матери, радуясь, что она здесь, надеясь, что у них будет еще много моментов, похожих на этот. И именно сейчас он понял, что Сэм была права. Возвращение матери в свою жизнь вполне может оказаться подарком.

— Все произошло так быстро, — сказал он ей. — Мои мысли перемешались, и я сомневался в эмоциях, которые я переживал, — костяшки его пальцев побелели, когда он ухватился за спинку стула. — Как мама, — глубокомысленно произнес он, — знаешь, как моя мама, ты думаешь, Сэм — это подходящая женщина для меня?

Счастливая женщина, улыбнувшись, склонила голову.

— Ты сам знаешь ответ, Доминик, но говорят, матери знают ответ, так что я собираюсь сказать тебе с уверенностью на сто процентов, что Сэм не только подходящая женщина для тебя, она единственная на всем белом свете женщина для тебя.

Глава 28

— Как я выгляжу? — спросила Сэм у Шекспира.

— Мяс.

Девушка приняла душ, завила волосы, и нанесла легкий макияж. Вся ее семья была на пути к ней домой. Она никогда раньше не звала свою семью на ужин. Два месяца назад, Сэм бы ни за что не пустила их к себе всех сразу, сомнительно, что вообще бы позвала кого-то кроме мамы.

Но сегодня она была рада им.

Стол накрыт, но для всех места не хватит, братьям придется сесть на диван и

воспользоваться кофейным столиком.

Тейлор и Кевин даже и не догадывались, что она умеет готовить. Сегодня узнают. После того, как она весь день готовила суп из омара и куриные такос, у нее не было ни малейших сомнений, что они до чертиков удивятся, Сэм утрет всем им носы.

Ее родители прибыли первыми. Красивая, как никогда, мать сияла от счастья, но от отца чувствовали ощутимые волны напряжения. Тейлор, Кевин и Эмма приехали следом, и тогда она отвела отца в сторонку.

— Что-то не так, папа? Ты не очень хорошо выглядишь.

Он потер лысину на затылке:

— Я нервничаю, неужели не понятно?

Это была правда, он потел и был бледен.

— Это ваше первое свидание после разговора?

Он кивнул:

— Так и есть. Она отказалась от всех моих предложений... от мюзиклов и даже от чертовой оперы. Но когда я пригласил ее присоединиться ко мне на ужине в твоём доме, она согласилась. И я не знаю, что делать, не знаю, как себя вести! Ты только посмотри на нее! Она великолепна. Может получить любого мужчину, какого пожелает и совершенно не нервничает. Что с ней случилось?!

— Она, наконец, повзрослела, пап. Впервые, ты ей не нужен, чтобы жить. Ты это знаешь, а теперь и она знает.

— Да, ну что ж, я действительно рад, что мы вот так разговариваем, Саманта.

Сэм засмеялась.

— Я тоже, папа. Возможно, ты не осознаешь этого, но если ты все сделаешь правильно, если будешь вести себя с мамой, как с самой чудесной и замечательной женщиной, коей она и является, то именно ты и пожнешь все плоды.

— Ты что, теперь психиатр?

Раздался стук в двери, Сэм понятия не имела, кто это, так как вся семья уже была в сборе.

Там стоял ее последний гость, одетый слишком нарядно, при костюме и галстуке. На короткий миг, она позволила себе понадеяться, что это Доминик.

— Привет, Кен.

Сэм не приглашала Доминика на вечеринку, но все же, у нее была такая мимолетная, невероятно желанная, мысль.

Девушка оглянулась через плечо на свою семью, удивляясь, кто мог рассказать Кену о ее частном ужине. У всех был невинный вид, пояснивший Сэм, что они не имели ничего общего с неожиданным появлением Кена.

Он прочистил горло:

— Могу я войти?

— Здесь моя семья, — сказала ему Сэм. — И я не помню, когда в последний раз, если такое вообще было, они все собирались у меня.

— Я ненадолго, — пообещал он.

— Мама, папа, — произнес Кен, перешагивая через порог, словно конференсье из Лас Вегаса. — Кевин, Тейлор и Эмма. Я хочу кое-что сказать, и хотел бы, чтобы это услышали все.

— Саманта, — сказал Кен, разворачиваясь так, чтобы смотреть ей в глаза. Он потянулся

и взял ее за руку, — мы уже давно знаем друг друга.

Сэм задумалась, знает ли он, сколько именно, но промолчала.

— Мы оба совершали ошибки, но стали лишь сильнее благодаря этому. Ты изменилась, и мне нравится то, что я вижу в тебе.

Хоть убей, Сэм не могла понять, что она, когда-то, нашла в этом человеке. Она попыталась вырвать у него руку, но он крепко держал ее.

— Я готов получить еще один шанс, — сказал Кен, от волнения его глаза мерцали. — И готов подставить под удар свое сердце.

— Мне всего четырнадцать, но я абсолютно уверена, что это слова из песни Барри Манилоу, — произнесла Эмма.

Тейлор с гордостью кивнул, в ответ на проницательность своей дочери.

Кен опустился на одно колено.

Сэм выдохнула.

— О, ради Бога, Кен, поднимайся.

Он отпустил ее руку, полез в свой карман и вынул бриллиантовое кольцо.

— Выходи за меня, Саманта, и сделай меня самым счастливым мужчиной на земле.

Сэм наконец удалось рывком поднять Кена на ноги. Он всего лишь несерьезный, невежественный мальчишка, она могла лишь обнять и похлопать его по спине, как брата.

Эмма протянула к нему руки.

— Это такой розыгрыш?

— Это "да"? — спросил Кен у Сэм.

— Нет, — ответила Сэм с выражением жалости на лице. — Это определенно "нет", но спасибо за то, что предложил... снова.

Подошел Тейлор и хлопнул Кена по спине.

— Прости, приятель.

Просидев слишком долго в своей машине, одной из немногих вещей, которые у него не отобрали, Доминик заставил себя выбраться из нее и захлопнул дверцу.

Не смотря на все произошедшее за последние десять дней, сделки насчет фильмов продолжали сыпаться на него. По словам Бена и Тома, ежедневно приходили сотни имейлов. Его поклонники поняли его лишения и готовы были на сто процентов встать на его защиту. Бен пытался уговорить Доминика взять кредит и оставить дом и дорогие машины, но Доминик перестал притворяться тем, кем не является. Актерство было его страстью, но все остальное, роскошные вечеринки и толпа репортеров, больше не было частью игры. Впервые за всю свою жизнь он приблизился к тому, чтобы иметь все. Сейчас у него было десять акров и дом, и он тяжело работал, чтобы сделать его не просто жильем, а именно домом. Ему нравилась простота жизни в маленьком жилище, без всяких наворотов, месте, где собаки могут спокойно бегать вокруг. Но ему все еще не хватало главного ингредиента его полного счастья — Сэм Джонстон.

Он, наконец, познал, что значит любить кого-то, и отныне не хотел жить без этой любви. Теперь он это знал. Разумеется, порой Сэм может быть неуверенной, даже слегка любопытной, но у нее добрые намерения.

Встреча с его матерью, за спиной Доминика, была лишь способом Сэм помочь ему. Он никогда не должен было просить любимую уйти, и все же, ему нужно было время, чтобы во всем разобраться. По крайней мере, именно в этом он пытался убедить сам себя.

Он никогда раньше не был у нее дома.

Домик был голубым и зеленым, слегка вычурным. Территория была в хорошем состоянии: здоровые пальмовые деревья и много ухоженной зелени с мелкими цветами. Он вдохнул аромат жасмина и жимолости, ему нравилось ощущать на своих плечах солнечные лучи.

Через переднее окно в доме Сэм, Доминик увидел Кена, опустившегося на одно колено и протягивающего кольцо его любимой женщине.

Его дыхание застряло в горле, сердце сжалось. У Доминика появилось стойкое желание схватить Кена за воротник и вышвырнуть из дома, но потом он увидел, как Сэм улыбнулась и обняла парня.

Что, черт подери, здесь происходит?

Разрываясь между порывом накричать на нее и желанием дать ей пережить момент счастья после всего, через что он заставил ее пройти, Доминик замер в нерешительности, а потом развернулся назад, к припаркованной машине.

— Смотрите! Доминик здесь!

Дверь в дом Сэм распахнулась.

Эмма поспешила к нему, а все остальные члены семьи Сэм наступали ей на пятки.

Кен пробился через толпу, оттолкнув Кевина с дороги своим широким плечом. На долгий миг, между двумя мужчинами завязалось нечто вроде битвы взглядов, пока Кен наконец не произнес:

— Удачи тебе с ней. Тебе она понадобится, — а потом пошел прочь.

Пребывая в еще большем замешательстве, Доминик наблюдал, как Сэм выходит из дома. Она остановилась, их взгляды встретились, по телу Доминика пробежала дрожь, а руки затряслись, от нестерпимого желания обнять любимую и зарыться лицом в ее шикарные волосы.

— Ты пришел или уже уходишь? — настороженно спросила она.

— Что ты имеешь в виду? — пробормотал Доминик.

— Когда я выглянула в окно, ты уходил прочь от моего дома, а не шел сюда, — прищурившись, сказала Сэм.

— Это потому, что я увидел, как Кен делает тебе предложение, а в следующий миг ты вешаешься ему на шею, — процедил Доминик.

— Я просто его обняла, — произнесла Сэм.

— С почтальоном она тоже обнимается, — проинформировала его Эмма.

— Это правда, — подтвердил кто-то из ее братьев.

— Я видела тебя сегодня в "ЛА Таймс", — сказала Сэм, — папарацци поймали тебя в танце с очередной красивой женщиной, которую я не узнала.

— Фотошоп, — просто объяснил Доминик.

— Просто невероятно, что они могут творить с помощью этой программы, — произнес удивленным голосом отец Сэм.

Мама Сэм кивнула, соглашаясь:

— Они буквально берут чью-то голову и приклеивают ее к другому телу.

— Мама, папа, все, — сказала Сэм, — вы не могли бы оставить нас с Домиником одних на минутку?

— Конечно, конечно, — все развернулись в сторону дома.

— Ты определенно знаешь, как испортить вечеринку, — уходя, ухмыльнулась Эмма.

Когда они все вернулись в дом, Сэм уперла руки в бока.

— Что ты здесь делаешь?

— А ты как думаешь?

— Не имею ни малейшего понятия, я не видела тебя много дней. Это долгий срок.

— Точно, — произнесла Эмма, — это почти так же долго, как период беременности у виргинского опоссума.

Сэм указала пальцем на Эмму и велела ей захлопнуть за собой дверь.

Доминик побледнел, решив, что Эмма намекает ему на что-то:

— Ты беременна?

— Разумеется нет, иначе я бы выяснила, где ты остановился, чего я не сделала.

— Ты могла все же найти меня, при желании.

Сэм скрестила руки на груди:

— А почему я должна была?

— Потому что ты говорила, что любишь меня.

— Ты просил, чтобы я ушла.

— Хотел бы я вернуть время назад и не делать этого, Сэм.

— Ты мог бы позвонить, — обвиняющим тоном произнесла Сэм

— Я должен был, — признал Доминик.

— Почему тебе потребовалось так много времени, чтобы приехать?

— Я упрямый, и, по правде говоря, я никогда не думал, что наступит тот день, когда появится женщина, с которой я захочу провести остаток своей жизни.

— Ты был намерен оставаться в одиночестве всю жизнь?

Он кивнул. Сэм стояла слишком далеко от него, чтобы протянуть руку и привлечь ее к себе. Раньше, если он просто держал ее в объятиях, она почти таяла в его руках и забывала обо всем, даже если они в этот миг спорили.

— Я не хочу жить без тебя, — ответил он, для пущей убедительности.

Сэм склонила голову, ожидая дальнейших слов.

Проклятие, он не был готов к длинной речи.

— Если мы придем к какому-то решению, — сказал он, борясь за каждое слово, — и решим вновь пожениться, я хочу, чтобы это было навсегда. Например, если лет через десять, я велю тебе упаковать вещи и съехать, не слушай меня.

Сэм наморщила нос.

— То есть, я должна просто проигнорировать тебя?

Он кивнул:

— Именно.

— Хорошо, — сказала она. — Если я соглашусь снова стать твоей женой, и, если лет через пять с этого момента, или может даже через пять часов, ты увидишь, как я обнимаю клерка в местном магазине, и скажу тебе, что ты ведешь себя как ревнивый дурак, ты просто должен знать, что это ничего не значит, и я люблю только тебя. Нет причин поднимать такой шум из-за объятий.

— Не знаю, — ответил он, — я должен подумать насчет этого. Но если ты отыщешь каких-нибудь моих давно потерянных родственников, или наткнешься на моего вора-дядю, я буду признателен, если ты не станешь приглашать их на ужин, не поговорив сперва со мной.

— Согласна.

— Они это серьезно? — спросила Эмма.

Сэм с досадой подумала, что совсем забыла об открытом окне.

— Ты выйдешь за меня? — спросил Доминик.

— Что у тебя на уме?

— Только семья и скромная свадьба в нашем новом доме.

— Мне нравится, как это звучит.

— А я могу быть подружкой невесты? — возбужденно вскричала Эмма.

Они оба проигнорировали ее, каждый сделал шаг навстречу, наконец, закрыв все пробелы.

Доминик прижал ее к себе, вдыхая ее аромат.

— Обожаю запах твоих волос. Я когда-нибудь говорил тебе об этом?

— Кажется да.

— Не всегда все будет идти гладко, — произнес Доминик, наслаждаясь тем, как она прижимается к нему.

Сэм отодвинулась достаточно, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Некоторые дни будут похожи на езду на хлипких американских горках или чертовом колесе.

— Нам обоим придется поработать над своей неуверенностью и проблемами с доверием.

— Я хочу детей, — произнесла она, заставив его задуматься, не проверяет ли она его.

— Столько, сколько пожелаешь, — с улыбкой ответил он.

— Ты правда этого хочешь, или просто делаешь все, чтобы я была счастлива?

— Думаю, трое детей — это хорошее число, что скажешь?

Она засмеялась.

— Три это хорошо. Может быть, четыре.

— Может быть. Но мы ведь не собираемся заводить всех сразу в следующем месяце, правда?

— Думаю, если бы я была виргинским опоссумом, это было бы возможно.

— Откуда этот ребенок берет такие вещи? — спросил Доминик. — Она действительно твоя родственница?

— Действительно. В конце концов, у тебя может оказаться четыре дочери похожих на Эмму.

— У тебя с этим проблемы, дядя Дом? — прокричала Эмма.

Оба счастливо засмеялись.

— У нее очень хороший слух, — произнес Доминик. — С тем же успехом мы можем войти внутрь.

— Я рада, что ты, наконец, решился и приехал, — прошептала Сэм.

— Я люблю тебя, Сэм Джонстон, — прошептал он в ответ, — и я обещаю тебе, что проведу с тобой весь остаток моей жизни, любя тебя, раздражая, смеша. Но самое главное — это то, что мы будем вместе. Мне больше ничего для счастья и не нужно. Только ты, Сэм.

Эпилог

Год спустя

Через дверь спальни Сэм видела, как члены семьи и друзья занимают свои места. При виде священника, ее сердце забилося быстрее, и она приложила руку к груди. Это

действительно происходит. Доминик, Том, Тейлор и Кевин последние несколько дней расставляли растения в горшках и стулья и делали все, что в их силах, чтобы убедиться, что тени будет достаточно для всех. Они проделали прекрасную работу. Все выглядело чудесно.

Несмотря на то, что белый забор обрамлял десять акров земли, окружавших маленький одноэтажный дом, Цезарь, Рекс, и их новое пополнение, Клеопатра, трехногий бигль, любили находиться поближе к дому, и Сэм видела, как они приветствуют гостей. Шекспир предпочитал находиться внутри, где он мог вертеться вокруг Сэм, пока она пыталась подготовиться.

Ребекка зашнуровывала ее летнее платье и все время болтала, потому что, именно так она вела себя всегда, когда нервничала.

— Не волнуйся дорогая. Все будет закончено в мгновение ока.

Сэм подавила смешок.

— Я выхожу замуж, мам. Мне не вырывают зубы.

— Разумеется, это так, дорогая, он хороший человек. Вы оба молоды, но все не так, как тогда, когда вы только заканчиваете школу.

Сэм вздохнула.

— Не так уж легко стоять перед рядами друзей, и заявлять о своих намерениях прожить друг с другом всю оставшуюся жизнь. И не важно, что так много браков завершаются разводами, — она замолчала и проверила в зеркале, как нанесена помада, — все будет хорошо, просто подожди, и ты увидишь.

— Мама, что происходит? Есть что-то, о чем ты мне не рассказываешь? Ты видела Доминика в очередном таблоиде? Дело в этом?

Мама высушила глаза краешком платка.

Что-то было действительно не так. Сэм приобняла маму и прижала ее к себе:

— Что тебя беспокоит?

Очередной всхлип:

— Твой отец прошлой ночью сделал мне предложение.

Сэм оставалась спокойной, через дверь, она видела Доминика, стоящего в нужном месте, прямо перед священником. Классический летний костюм в совершенстве облегал его тело, и внутри у нее все переворачивалось. Боже, он выглядел горячо.

Буквально. Он вытер свой лоб.

Сэм охватила нерешительность. Ей хотелось утешить мать, но ее чувство времени, как всегда оказалось катастрофой, и она немного запаздывала.

— Мам, мне кажется, что нас уже все ждут.

Мама махнула рукой в сторону двери.

— Конечно, иди, не волнуйся обо мне. Со мной все будет в порядке.

Положив свой маленький букет из розовых барвинков на кровать, Сэм ласково обняла маму за плечи.

— Посмотри на меня, мам. Вы с папой были женаты тридцать восемь лет.

— Тридцать девять, но кто считает?

Сэм подавила желание закатить глаза:

— Очевидно, что ты. Итак, почему ты так расстроена?

— Посмотри на меня, — ответила она, пробежавшись руками по дорогой ткани, покрывавшей ее бедра. — У меня впереди еще много лет. Есть вещи, которые я хотела бы сделать. Далекое места, которые я хотела бы посетить. Год вдали от Камерона дал мне

возможность осознать, как много я упустила. Я боюсь, один раз твой отец уже менялся. Кто знает, не изменится ли он еще раз.

Сэм ощутила магнетическое притяжение в сторону Доминика, она хотела идти к нему. Ей было жизненно необходимо находиться рядом с ним, но она не могла бросить мать в такой момент. Она сделала глубокий, успокаивающий вздох и произнесла:

— Мама, я тебя знаю. Ты не хочешь его отпускать. Мы с тобой многое поняли за эти месяцы и знаем, чего хотим. Мы знаем, что допустимо, а что — нет. Черт, я больше никогда не позволю папе плохо обращаться с тобой, так что тебе не о чем беспокоиться, — Сэм хотелось встряхнуть и образумить ее.

— Так ты думаешь, мне стоит принять его предложение?

Ей потребовались все силы, чтобы оставаться спокойной. Сегодня ее свадьба, а вот она стоит, и дает советы своей матери — пойди-ка разберись.

— Да, мам, я думаю, что стоит.

— Хорошо, — ответила она, и ее глаза внезапно просохли. — Я готова. Я рада, что мы поговорили.

— Я тоже, мам. Давай сделаем это, пока Доминик не растаял и...

Проклятие. Она услышала в отдалении звук вертолета. Папарацци выследили их.

Пот стекал по его лбу, и Доминик посчитал это удачей, потому что сейчас никто не увидит его покрасневших глаз, не то чтобы он плакал или еще что-нибудь в этом роде.

Он же не плакса.

Он настоящий мужик.

Черт, он только что закончил сниматься в фильме, в котором стрелял в людей только за то, что на него не так посмотрели. У него достаточно тестостерона, чтобы вступить во Всемирную Федерацию Реслинга.

И все же, пять минут назад он думал о своей жене и о воспоминаниях, которые у них уже собрались за такое короткое время. Он также думал о своих клятвах. Каждый раз при мысли о том, как много Сэм значит для него, его охватывали эмоции.

Это бесило его.

Он может сделать это.

Сэм была его луной, солнцем, кислородом, который он вдыхал.

Вот. Достаточно легко. Судьба, эта непостоянная, но мощная сила, способная с легкостью определить человеческую жизнь, нашла его и подарила ему Сэм.

У него горели глаза. Проклятие.

Забудь об этом. Нужно просто подумать о других вещах.

Он бросил взгляд на терпеливо ожидающих гостей. Жена Тома снова беременна. Их трехногий бигль ходит от стула к стулу, чтобы убедиться, что все гости хоть раз почешут ей спинку. Рекс пытается следовать за ней, но все время оглядывается, натывается на Цезаря и двигается в неправильном направлении.

Если сменить тему, то недавно Доминик ездил к своему отцу. Притворившись, что решил проверить, как у него дела. И, подумать только, дядя Френк появился за две минуты до того, как он собрался уходить. Гнев закипал внутри, когда он вспоминал удивленное лицо дяди. Как оказалось, его отец и дядя скооперировались, чтобы вместе украсть его деньги. Они думали, что Доминик всегда может сняться в очередном фильме, заработать еще один миллион и все будет в порядке.

Доминик сделал глубокий вдох, и грусть сменилась горечью, угрожавшей испортить этот особый день. Нет, он покончил с этим. У него есть Сэм, и у него есть его мать.

Нет нужды говорить, что оба они уже в тюрьме. Присвоенные ими деньги уже испарились — были потрачены на выпивку и азартные игры. Немного времени, проведенного за решеткой, заставит его отца перестать пить. Хотя бы на некоторое время.

Радуясь, что держит в узде свои эмоции, Доминик положил руку на грудь, в тот миг, когда увидел Сэм. Пока она шла по травянистой дорожке, играл "Замечательный вечер". От ее вида, с распущенными волосами, одетую в простое, но красивое платье — захватывало дух. Розовые цветы в ее букете сочетались с мягким цветом ее губной помады. Поразительная. Загораживающая. Просто прекрасна.

А когда она улыбнулась ему, он ощутил нарастающий рокот глубоко в груди.

Она вложила свою нежную руку в его, и это напомнило ему об их первой свадьбе в церкви, когда она поразила его своей красотой. С тех пор жизнь уже не была прежней.

— Ты снова плачешь? — тихо спросила она.

— Нет. Откуда такие мысли? Это пот, просто на короткий миг появилась мысль, что ты струсил и сбежишь.

Она сжала его руку.

— Я никогда не сбегу. Ты связан со мной, ДеМарко и я люблю тебя.

Прилетели вертолеты. Пыль и кусочки травы летали вокруг них, что он посчитал хорошим знаком, потому что появилось еще одно оправдание его увлажнившимся глазам.

— Я тоже люблю тебя, — произнес он достаточно громко, чтобы перекричать оглушительный шум.

Эмма потрепала Уинстона по голове, наблюдая за тем, как дедушка провел Сэм по травянистой дорожке, прежде чем занять свое место рядом с бабушкой. Доминик снова плакал. Все ее друзья считали Доминика жутко крутым, из-за того, что он на экране играл грубого парня, но в глубине души дядя Дом был необычайно мягким.

Том был шафером, а Эмма — подружкой невесты — отличное решение со стороны невесты, как она сама себе говорила.

Так классно, что закончились съемки первого вестерна Доминика, и на просмотрах все выглядело хорошо. Она дважды приезжала навестить его на съемках. Его фаны простили его, и World Studios все еще пытается уговорить Доминика на новый контракт.

И что еще лучше, Сэм после года написания и переписывания, закончила свой первый любовный роман. Чертовски увлекательный. Тетя планировала походить по агентам, но Эмма исследовала Самиздат и была уверена, что есть к чему стремиться. Эмма не против походить с ней на несколько автограф-сессий. Это будет забавно.

Эмму предупредили, что церемония будет короткой и милой, и они не шутили. Сэм едва успела занять свое место, когда священник спросил:

— Берешь ли ты эту женщину в свои законные жены? — Ему пришлось прокричать достаточно громко, чтобы быть услышанным сквозь шум вертолетов, парящих над ними, что делало всю сцену достаточно комичной — хороший эпизод для следующего романа Сэм, решила Эмма.

— Беру, — ответил Доминик.

— А ты, Саманта Сью Джонстон, берешь ли Доминика Дамариона ДеМарко в свои законные мужья?

Глаза Сэм расширились.

— Он сказал Дамарион?

Среди гостей послышался смех.

Эмма пообещала держать рот на замке, так что она промолчала. Было очень сложно не рассмеяться.

— Обсудишь это потом с моей матерью, — ответил Доминик Сэм.

— Вау, прошло уже больше года, а мы все еще многого не знаем друг о друге, не так ли?

— У нас впереди вся жизнь, — напомнил он своей будущей жене.

— Мы действительно собираемся состариться вместе, — произнесла Сэм, качая головой, чего Эмма не поняла, так как они и так были уже достаточно старыми.

— Мне повторить вопрос? — прокричал священник.

— Да! — проорала в ответ Эмма, желая быстрее покончить с церемонией и перейти к более приятной части: поеданию торта с клубникой и сливками, наблюдая как все делают из себя идиотов на танцполе.

После того, как священник снова все повторил, Сэм наконец произнесла:

— Беру.

Эмма испустила огромный вздох облегчения. Саманта и Доминик составляли очень милую пару. В некотором роде им удалось удержать в целости всю семью. Бабушка и дедушка поговаривали о принесении повторных клятв, но бабушка переехала к Беверли ДеМарко и разыгрывала из себя недотрогу.

Эмме теперь уже пятнадцать с половиной, и она скоро сможет водить. Это было все, о чем она могла думать в эти дни. Она хочет стать гонщиком, как Даника Патрик. И она была совершенно уверена, что никогда не выйдет замуж. В основном потому, что не видела в этом никакого смысла. Парни глупые создания. Они все косноязычны, и странно, как она вообще с ними разговаривает.

Эмма и Том последовали за Домиником и Сэм по проходу. И тут Эмма заметила Джейсона Маршала.

— Что случилось? — спросила Сэм, когда они добрались до места, где должны были приветствовать гостей.

— Почему мне никто не сказал, что сегодня здесь будет Джейсон Маршал? — Эмма чувствовала, как во рту все пересыхает и рот превращается в наждачную бумагу. — Кто-нибудь был обязан меня предупредить.

— О, я понимаю. Он милый, не правда ли?

Эмма считала себя огромной фанаткой.

— Милый это не то слово, каким нужно описывать Джейсона Маршала.

— Похоже, что у кое-кого появился партнер по танцам, — сказала Сэм. — Просто повторяй то, что делаю я, и все будет хорошо.

— Ты серьезно? Ты танцуешь как бешеная индюшка в поисках партнера. Я же права, Доминик?

— Если Сэм индюшка, тогда я — индюк, — ответил Доминик.

Эмма закатила глаза. После этого все кончено. Сэм и Доминик не смогут оторваться друг от друга. Это будет очень-очень долгий день.

Она почувствовала, как кто-то прикоснулся к ее плечу. Это был Джейсон.

— Я слышал, тебе нравится NASCAR (Национальная ассоциация гонок серийных автомобилей), — он выглядел непринужденно, словно у него не было совершенно никаких

забот.

Эмма проигнорировала внезапно забившееся сердце. Она даже последовала за Джейсоном в дом, где они могут найти укромное местечко и поговорить обо всем. Было удивительно, как много общего у них. Им обоим нравился ванильный пирог с шоколадной глазурью, они ненавидят делать домашку, у обоих были вроде как неполные семьи, список можно продолжать и дальше.

Сегодня будет лучший день в ее жизни.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net